Проф. І. М. Кулишер

ИСТОРИЯ РУССКОГО НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

ТОМ ПЕРВЫЙ

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„М И Р"
Москва — 1925

Кооперативное издат. „МИР". Москва, Арбат, Плотников пер., 10.—Тел. 3-36-36.

ФИЛОСОФИЯ, ИСКУССТВО И ЛИТЕРАТУРА

в марксистском освещении

Статьи и отрывки из произведений Маркса, Энгельса, Плеханова, Каутского, Ленина, Лафарга, Деборина, Аксельрод, Мерина, Луначарского, Троцкого, Бухарина, Гаузенштейна, Воронского, Кунова и др Составили Б Г Столпнер и П С Юшкевич.

История философии в марксистском освещении	Ч I	2 р 70 к
»	Ч II	3 » — »
Искусство и литература в марксистском освещении		
»	Ч I Общие проблемы	2 р 75 к
»	Ч II	— » — »
»	Ч III	— » — »

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССАХ И МЕМУАРАХ

Составили М Н Кованевский и Е А Мороховец

Книга I Процессы Нечаева, 50 и 193	1 р 60 к
Книга II Процесс В Засулич	1 » 50 »
Книга III Дело 1 марта 1881 г Процессы 14-ти (Веры Фигнер и др) и 1-го марта 1887 г (Ульянова и др)	2 » 20 »
Книга IV Дело о Сормовской демонстрации 1902 г Дело об убийстве Плеве Процесс Совета рабочих депутатов	— » — »

РАБОЧИЙ И КРЕСТЬЯНИН

в социально-экономических очерках, художественных произведениях, мемуарах, диаграммах и картах

Составили Н Л Бродский, С Н Дзюбинский, Л С Мирский и В П Цветаев

Текстильщик Текстильная промышленность в прошлом и настоящем Условия труда и быт рабочих Борьба за освобождение труда	2 р 50 к
«Металлист» (История, быт, борьба)	2 » 50 »
«Транспортник» (История, быт, борьба)	2 » — »
Книги для чтения дома и в школе Печатаются по тому же плану и тех же авторов «Горняк», «Крестьянин» Ч I и Ч II	— » — »

ДЛЯ КРУЖКОВ ДОБРОХИМА

А. А. Финдлей Химия на службе человека	1 р 80 к
В. Оствальд Мир обойденных величин Введение в коллоидную химию	1 » 70 »
Л. А. Чугаев. Наука и техника. Современные достижения химической промышленности	» 60 »
В В Шарвин Химическая промышленность	— » 80 »

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ.

Под ред проф М М Рубинштейна

1	сборник. Первые шаги обучения	1 р 50 к
2	» Методы индивидуализирующего труда	1 » — »
3	» Методы коллективного труда	— » 70 »
4	» Основные методы дошкольного воспитания	— » 45 »
5	» Методы работы в школах крестьян молодежи и в фабзавучах	— » 70 »

ПРАКТИКА ДОЛТОН-ПЛАНА В АНГЛИИ

Линч Долтон-план в West-Green – School в Лондоне	– р. 60 к
Марриот. Год работы по истории по Долтон-плану Задания	— » 30 »
Прист. Год работы по географии по Долтон плану Задания	— » 50 »
М. Штейнгауз. Из практики лабораторного плана в Англии Школа для малышей Элементарная школа. Средняя школа (Личные впечатлен.).	— » — »

ПРАКТИКА ДОЛТОН-ПЛАНА В РОССИИ.

И. А Желобовский, С С Розанов, В. Д. Спиранский. Год занятий по литературе (группы — VI, VII, VIII и IX)—Задания	— р. 90 к
Н. Э Домбровский и В. Г. Эрдели. Опыт занятий по страноведению (задания по географии СССР, внеевропейских и европейских стран)	— » — »

Проф. І. М. Кулишер.

ИСТОРИЯ РУССКОГО НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

ТОМ ПЕРВЫЙ

2 экз

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„М И Р"
Москва — 1925

Типография им. Володарского, аренд. «Красной Газетой».
Ленинград, Фонтанка, 57.

4878
25

Ленинградский Гублит № 22910. Напечатано 4000—15.

ПРЕДИСЛОВИЕ к Т. I и II.

Наступило ли уже время для того, чтобы писать экономическую историю России? [1]). Этот вопрос несомненно поставят себе многие при виде этой книги; задавал себе его и автор. Не потому, чтобы не было достаточных материалов, по крайней мере для периода до конца XVII ст.: памятников издано большое количество и на основании одних этих печатных источников, даже без обращения к архивам, можно уже получить представление о хозяйственном развитии Руси. Но, к сожаленью, эти памятники еще не достаточно разработаны; многие вопросы мало изучены, хотя в последнее время в общих сочинениях по русской истории и в монографиях уделяется много внимания истории народного хозяйства.

Однако, указанный выше вопрос уже разрешен немецким издательством Фишера в Иене, которое еще накануне войны решило выпустить в ряде томов историю экономического быта всех стран под общей редакцией проф. Бродница в Галле. При таких условиях ясно было, что история русского народного хозяйства будет написана и когда редактор обратился к пишущему эти строки, уже раньше печатавшемуся заграницей (моя первая статья была помещена 25 лет тому назад в известных Conrads Jahrbucher für Nationaloekonomie und Statistik за 1899 г.), с предложением составить историю экономического развития России, то он не счел возможным отказаться, хотя и сознавал всю сложность и ответственность принятой на себя обязанности. А раз экономическая история России выходит по—немецки (она уже печатается), то ясно было, что ее нужно представить и на суд русской публики, тем более, что, если бы этого не

[1]) Первая попытка этого рода была сделана еще 14 лет тому назад проф. М. В. Довнар-Запольским, но его сочинение, ограничивающееся древнейшим периодом (до XIV ст.), наряду с несомненными достоинствами, имеет тот недостаток, что на первый план выдвинуто не сельское хозяйство и аграрный строй, являющиеся основными факторами экономической жизни вплоть до периода развития капитализма, а промыслы и торговля, имевшие в то время лишь второстепенное значение, вследствие чего получилось неправильное освещение всей хозяйственной жизни.

сделал автор сам, то издательства позаботились бы о переводе немецкой книги на русский язык. Между тем ничего более несообразного, чем такой перевод, нельзя было бы придумать, ибо помимо того, что потребности русского и иностранного читателя неодинаковы (многое, что первому известно, надо второму еще раз'яснить и наоборот, далеко не все, что первого интересует, нужно сообщать и второму), надо себе только представить, что получилось бы, если бы переведенные уже раз на немецкий язык места из грамот, писцовых книг и т. д., теперь вторично переводились обратно на русский.

Настоящей книге предшествовали предварительные работы автора, в особенности его очерк истории русской торговли и статьи в Архиве Истории Труда (Истор. сборн. „Труд в России"). Однако, отделы из книги по истории торговли и названные статьи составляют лишь часть настоящего сочинения, тогда как наибольшее число глав написано вновь, в том числе и многое, относящееся к истории товарообмена, ибо ряд вопросов, касающихся особенно внутренней торговли, торговых городов, расширения рынка и т. д., не мог войти прежде в „Историю торговли" и мог быть освещен лишь теперь в связи с историей земледелия и соляных промыслов, оброков и повинностей, вотчинного хозяйства.

Автор считает своим приятным долгом упомянуть с признательностью о той помощи, которую ему оказала известная своими изданиями источников русской истории (выходящими уже в течение 90 лет) Археографическая Комиссия при Российской Академии Наук, снабдив его целым рядом своих чрезвычайно ценных трудов, что значительно облегчило его работу. Глубокоуважаемому председателю ее акад. С. Ф. Платонову и заместителю его В. Г. Дружинину автор приносит свою глубочайшую признательность за их ценное содействие.

При составлении настоящей книги автор считался с рецензиями, напечатанными по поводу его „Очерка истории русской торговли" (поскольку ему удалось достать соответствующие периодические издания — некоторых он раздобыть не мог) и весьма благодарен составителям их за различные указания. Автор расчитывает и в настоящее время на компетентных критиков, которые укажут ему на пробелы, несомненно имеющиеся в книге, — автор постарается исправить их в будущем.

Март 1925 г.

Сокращения памятников, цитируемых в Т. I и II.

А. А. Э.	Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою Экспедициею Императорской Академии Наук. Т. I (1294—1598 г.г.). Т. II (1598—1613 г.г.). Т. III (1613—1645 г.г.). Т. IV (1645—1700 г.г.). 1836.
А. Гражд Распр. Федотова-Чеховского (или: Акты Федотова Чеховского)	Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Собрал и издал А. Федотов-Чеховский. Т. I—II. 1860—1863.
А. И.	Акты Исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Т. I (1334—1598). Т. II (1598—1613). Т. III (1613—1645). Т. IV (1645—1676). Т. V (1676—1700). 1841—1842.
Ак. Кирилло-Белозерского мон. (или: Акты Дебольского).	Из актов и грамот Кирилло-Белозерского монастыря. Изд. Н. Н. Дебольским. 1903.
А. М. Г	Акты Московского Государства, под ред. Попова, изданные Академией Наук. Т. I—III. 1890. 1894. 1901.
Ак. Мих. Арх. м.	Акты Велико-Устюжского Михаило-Архангельского монастыря, изданные Шляпиным.
Ак. писц. д. (Веселовского).	Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском Государстве, собрал и редактировал С. Б. Веселовский. Т. I. 1913. Т. II. Вып. I. 1916.
Ак. о посад. (Павлова-Сильванского).	Акты о посадских людях — закладчиках. Н. П. Сильванского, 1909. (Лет. зан. Арх. Комис. XXII).
Ак. тягл. нас. (Дьяконова)	М. А. Дьяконов. Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском Государстве. Вып. I—II. 1895—1897.
Ак. Уварова.	Описание актов собрания графа А. С. Уварова. Акты исторические, описанные И. М. Катаевым и А. К. Кабановым, под ред. М. В. Довнар-Запольского. 1905.

А. Ю.	Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. Издание Археогр. Комисс. 1838.
А. Ю. Быта.	Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Изд. Археогр. Комисс. Т. I—III 1857. 1864. 1884.
Ак. Юшкова.	Акты XIII—XVII ст., представленные в разрядный приказ после отмены местничества. Изд. А. Юшкова. 1898. (Чтен. Общ. Ист. и Др.).
Арз. пом. акты (Веселовского).	Арзамасские поместные акты, изд. С. Б. Веселовским (Чтен. Общ. Ист. и Др.).
Арх. Мат.	Архивный Материал. Документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. Управляющий Архивом Д. Я. Самоквасов. Т. I и II. 1904—1909.
Дела Тайн. Прик.	Дела Тайного Приказа. Т. I—III. 1907. 1908. 1904 (Р. И. Б. Т. XXI—XXIII).
Др. Грам Ряз.	Древние грамоты и акты Рязанского края. Собраны Пискаревым. 1854.
Ипат. Лет.	Летопись по Ипатскому списку. 1871. Изд. Арх. Ком.
Ист. ак. Яросл. Спасск. мон.	Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. Изд. И. А. Вахрамеевым Т. I—III. 1896.
Врем. Ист. и Др.	Временник Общества Истории и Древностей Российских Кн. I—XXV. 1849—1858.
Д. А. И.	Дополнения к актам Историческим. Изд. Археогр. Комис. Т. I (X в.—1613 г.). Т. II (1613—1645 г.г.). Т. III (1645—1654 г.г.). Т. IV (1655—1664 г.г.). Т. V (1665—1669 г.г.). Т. VI. (1670—1676 г.г.). Т. VII (1676—1677 г.г.). Т. VIII (1678—1682 г.г.). Т. IX (1676—1682 г.г.). Т. X (1682—1700 г.г.). Т. XI (1684—1696 г.г.). Т. XII (1684—1700 г.г.). 1846. 1848. 1851 1853. 1857. 1859. 1862. 1875. 1867. 1869. 1872.
Лавр. Лет.	Летопись по Лаврентьевскому списку. 1872. Изд. Археогр. Комис.
Лет. и акт. Новгород. Воскр. мон	Кадыкин и Шляпкин. Летопись и акты Новгородского Воскресенского Деревяницкого монастыря. 1911.
Лет. зан Арх. Ком.	Летопись занятий Археографической Комиссии. Вып. I—XXXI. 1862—1918.
Матер.	Материалы для истории города XVII—XVIII ст. Напр., Рязань (Переяславль—Рязанский). Материалы для истории города XVII—XVIII ст. 1884. Углич. Материалы для истории города XVII—XVIII ст. 1887. (*Тоже* Ростов Вел., Тула, Вятка, Устюг Вел., Белев, Боровск и др. города).
Новг. Лет.	Новгородская летопись по синодальному Харатейкому списку (первая летопись). Изд. Арх. Комисс. 1889.

Новг. писц. кн.	Новгородские писцовые книги. Т. I — VI. 1859 — 1910. Изд. Арх. Ком.
Новг. ямск. кн. (Гурлянда).	Гурлянд. Новгородские ямские книги 1586 — 1631. 1910.
Обз. гр. Колл. Эк.	Обзор грамот Коллегии Экономии. С. А. Шумакова. Вып. I—IV.
Оп. Д. М. А. М. Ю	Опись документов Московского Архива Министерства Юстиции.
Писц. Кн. Моск. гос. I и II	Писцовые книги Московского Государства. Изд. Имп. Русск. Географ. Общ. Писцовые книги XVI века, под ред. Н. В. Калачева. Ч. I, отд. I и II. 1877.
Писц. книги по Новг. Грекова.	Б. Д. Греков. Опись Торговой стороны в писцовой книге по Новгороду Великому XVI в. 1912. (Лет. зан. Арх. Ком. XXIV).
Писц. кн. по Новг. Майкова.	В. В. Майков. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. 1912. (Лет. зан. Арх. Ком. XXIV).
Писц. кн. Рязан.	Писцовые книги Рязанского края, изд. под ред. В. Н. Сторожева. I. 1898.
Писц. и пер. кн. Нижн. Новг.	Писцовая и переписная книги XVII в. по Нижнему-Новгороду 1898. (Р. И. Б. XVII).
П. С. З.	Первое Полное Собрание Законов Российской Империи. Изд. II Отд. Соб. Е. В. Канцелярии.
П. С. Р. Л.	Полное Собрание Русских Летописей, т. I—XXIII. 1841—1917.
Прих.-Расх. кн. Болд. м.	Приходо-расходные книги Дорогобужского Болдина монастыря. 1923. (Р. И. Б. XXXVII).
Р. И. Б. (или Рус. Ист. Биб.)	Русская Историческая Библиотека. Изд. Арх. Комиссии. Т. I—XXXVII. 1872—1922.
Рус.-Лив. акты.	Русско-ливонские акты, собр. Напьерским. 1868. Изд. Арх. Ком.
Сб. акт. Лихачева	Н. П. Лихачев. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. 1895.
Сб. Гр. Колл. Эк.	Сборник Грамот Коллегии Экономии. Т. I. 1922. Изд. Акад. Наук.
Сб. Ист. Общ.	Сборник Имп. Русского Исторического Общества т. I и сл.
Сб. М. А. М. Ю.	Сборник Московского Архива Министерства Юстиции. Т. I—VI.
Сб. Муханова.	Сборник Муханова. Изд. 2-ое. 1866.
Сб. Хилкова.	Сборник кн. Хилкова. 1879.

С. Г. Г. и Д. Собрание Государственных Грамот и Договоров, хранящихся в Государственной Коллегии Иностранных Дел. Ч. I—IV. 1813—1828.

Сотн. Шумакова. С. А. Шумаков. Сотницы, грамоты и записи. Вып. I—VII.

Углицк. писц. кн. Углицкие писцовые книги, изд. Липинский (Углицкий уезд в XVII веке). 1887. (Временн. Демид. Юрид. Лиц. кн. 44).

Устав. гр. пом. пр. Уставная грамота поместного приказа. Сторожева (Оп. Д. М. А. М. Ю.).

Хрест. Владимирского-Буданова. Хрестоматия по истории русского права. Составил М. Владимирский-Буданов. В. I—III (несколько изд.).

Сокращения некоторых цитируемых периодических изданий: Арх. Ист. Тр.-Архив Истории Труда в России. Др. Тр. Арх. Общ.-Древности. Труды археографической комиссии Московского Археологического Общества. Зап. Арх. Общ.-Записки Имп. Русского Археологического Общества. Ж. М. Н. П.-Журнал Министерства Народного Просвещения. Ж. М. Ю.-Журнал Министерства Юстиции. Р. И. Ж.-Русский исторический журнал.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ.

Древнейший период (до X века включит.).

Источники.

Главным образом летописи (Лаврентьевская, Ипатовская, Новгородские, Псковские, Никоновская). *Владимирский-Буданов.* Хрестоматия по истории русского права. Вып. I. Для торговли с Востоком: *De Goeje.* Bibliotheca Geographorum Arabicorum. Pars VIII. (рус. изд. в Зап. Кавказского Учебн. округа) *Гаркави.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. 1870 (приведен самый текст ряда географов). Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. ч. I. Пер. Ал-Бекри бар. *Розена* (прил к ч 32 Зап. Имп. Акад. Наук. № 2. 1878). *Бартольд.* Отчет о поездке в Среднюю Азию. Зап Имп. Акад. Наук по истор. отд. VIII серия. Т. I. № 4. Прил. (Текст Гурдези). *Хвольсон.* Известия о хозарах Ибн-Даста. 1869, а также указ. ниже соч. *Fraehn'a.*

Литература.

I. *Общие сочинения как для этого, так и для следующих периодов.* Сочинения *по русской истории вообще* — из них содержат данные по экономической истории отчасти *Карамзин.* История Государства Российского (ценны примечания), *Соловьев.* История России с древнейших времен. Т. I — XXIX (изд. Общественной Пользы в 6 книгах), в особ. же *Ключевский.* Курс русской истории, ч. I, II, III. Меньше затрагиваются эти вопросы у *С. Ф. Платонова.* Лекции по русской истории. Изд. 7-е. 1910. *Любавского.* Лекции по древней русской истории 1915. Напротив. много внимания уделяют им *М. Н. Покровский.* Русская история, т. I и II (изд. 3-е 1920 и 1921). *Рожков.* Обзор русской истории с социологической точки зрения. ч. I и II. 1905. Его же. Город и деревня в русской истории. 1902. Его же. Русская история в сравнительно-историческом освещении. т. I — IV. См также *Грушевский.* История Украины. Его же. Киевская Русь. 1911. *Иконников.* Опыт русской историографии, т. I — II. 1884 — 1908 Русская история в очерках и статьях, под ред. М. В. Довнар-Запольского. т. I — III.

Подробно останавливаются на экономической истории сочинения *по истории культуры: П. Н. Милюков.* Очерки по истории русской культуры. ч. I, 6 изд. 1909 (есть более нов.). *М. Н. Покровский.* Очерк истории русской культуры, ч. I, изд. 2-е. 1917 (есть третье). *Плеханов.* История русской общественной мысли. т. I, 1914 г.

Экономические вопросы затрагивают и сочинения *по истории права*, в особ. *Чичерин.* Опыты по истории русского права. 1858. *Неволин.* История Российских гражданских законов. (Полн. собр. соч, т. IV сл.). *Владимирский-Буданов.* Обзор истории русского права, изд. 4-е. 1905. *Сергеевич.* Русские юридические древности (Древности русского права). т. I и III. 1891 (и позже), 1903. *Дьяконов.* Очерки общественного и государственного строя древней Руси. Изд. 4-е. 1912. *Филиппов.* Учебник истории русского права. ч. I, изд. 4-е. 1912. *Павлов-Сильванский.* Фео

дализм в удельной Руси. (Сочинения, т. III. 1910). *Дебольский.* Гражданская дееспособность по русскому праву до XVII в. 1903.

Специально *истории экономического быта* посвящены: *Аристов.* Промышленность древней Руси. 1866. *Довнар-Запольский.* История русского народного хозяйства, т. I, 1911. *Беляев.* Крестьяне на Руси. 1860. *Н. Оглановский.* Закономерность аграрной эволюции ч. II. (Очерки по истории земельн. отн. в России). 1911. *Ю. В Готье.* Очерк истории землевладения в России. 1915. *П. И. Лященко.* Очерки аграрной эволюции России, т. I. 1908. *Н. А. Рожков.* Очерки истории труда в России (Архив Ист. Труда в России, кн. V и сл. 1922 — 23). *Лаппо-Данилевский.* Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России. 1905.

II. Специально для *древнейшего периода.* По *истории торговли с арабами* (кроме указанных выше источников) *Савельев.* Мухаммеданская нумизматика. 1846. *Марков.* Топография кладов восточных монет. 1910. *Babélon* Du commerce des Arabes dans le nord de l'Europe avant les Croisades. 1882. *Шпилевский.* Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. 1878. *Вестберг.* К анализу восточных источников о Восточной Европе Ж. М. Н. П. 1908 II. III. *Marquart.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge 1903. *Jacob.* Der nordisch-baltische Handel der Araber im Mittelalter 1887. *Голубовский.* Болгары и хозары-восточные соседи Руси при Владимире Св. 1895. *Хвольсон.* Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русах Абу-Али-Ахмеда Бен-Омар-Ибн-Даста. 1869. *Fraehn.* Ibn-Foszlans und andrer Araber Reiseberichte uber die Russen älterer Zeit. 1823. Его же Die ältesten arabischen Nachrichten uber die Wolga-Bulgaren aus Ibn-Foszlans Reiseberichten. Зап. Имп. Акад. Наук. I.

По *истории торговли с Византией. Лонгинов.* Мирные договоры русских с греками, заключенные в X веке. Записки Одесск. Общ. Истории и Древн., т. XXV. 1904. *Барац.* Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией. 1910. *Мулюкин.* К вопросу о договорах русских с греками. Ж. М. Ю. 1906. VII. *Димитрию.* К вопросу о договорах русских с греками. Визант. Времен. 1895. *Мейчик.* Русско-византийские договоры. Ж. М. Н. П. 1915 — 1916 (ряд книг). *Лавровский.* О византийском элементе в языке договоров русских с греками 1853. *Васильевский.* Варяго-русская и варяго-английская дружины в Константинополе. Ж. М. Н. П. 1875. Его же. Русско-византийские исследования. т. I — II. *Срезневич.* Лекции и исследования по древней истории русского права. Изд. 3-е. 1903. *Погодин.* О договорах русских князей. Олега, Игоря и Святослава с греками. Русск историческ. сборник, т. I, кн. 4. 1838. Его же. Изследования, замечания и лекции о русской истории, т. III. 1846. *Самоквасов.* Свидетельства современных источников о военных и договорных отношениях славяно-русов к грекам. Варшавск. Унив. Извест. 1886. *Шахматов.* Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря. Записки Неофилологич. Общ., т. VIII. 1914.

О быте славян. Леонтович. Задружно — общинный характер политического быта древней Руси. 1874. *Блюменфельд.* О землевладении в древней России. 1884. *Собестианский.* Учение о национальных особенностях характера и юридического быта древних славян. 1892. *Кавелин.* Взгляд на юридический быт древней России. (Собрание сочинений. т. I). *Аксаков.* О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности (Полное Собр. Соч., т. I). *Никитский.* Теория родового быта в древней Руси. Вестн. Евр. 1870. *Беляев.* Русская земля перед прибытием Рюрика. Временн. Моск. Общ. Ист. и Древн. 1850. VIII. *Забелин.* История права русского народа. т. I. 1899.

О верви см. ниже

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Лесные промыслы и земледелие.—Первоначальный аграрный строй.

I.

«Восточные славяне — говорит Ключевский — заняли преимущественно лесную полосу равнины... Началась усиленная эксплоатация леса, продолжавшаяся целые века и наложившая глубокий отпечаток на хозяйственный и общественный быт и даже национальный характер русского народа. Лесной зверолов и бортник — самый ранний тип, явственно обозначившийся в истории русского народного хозяйства» [1]). И другие исследователи (Милюков, Довнар-Запольский, Рожков, Катаев, Келтуяла) на первое место выдвигают звероловство и пчеловодство (бортничество) в качестве наиболее ранних промыслов: лес питал население пушным зверем и лесной пчелой.

Начальная летопись, сообщая предание о Кии, Щеке и Хориве, прибавляет: «бяше около града (Киева) лес и бор велик и бяху ловища зверь» [2]). Дальше рассказывается о том, что «Древляне живяху звериным образом... ядяху вся нечисто... И Радимичи, и Вятичи и Север (северяне) один обычай имаху: живяху в лесе, якоже всякий зверь» [3]). Под 859 годом читаем, что «Козари имаху (взимали дань) на Полянех и на Северех и на Вятичех, имаху по белей веверице (белки) от дыма» [4]).

Таким образом — как справедливо указывает Н. А. Рожков [5])—славянские племена еще до прихода варяжских князей жили в лесах, занимались звероловством и уплачивали хозарам дань в пушных зверях.

И в дальнейшем летопись постоянно упоминает об охоте и лесном пчеловодстве. Олег взимает дань с древлян «по черне куне» (кунице [6]). Игорь одарил греческих послов «скорою (мехами) и челядью и воском» [7]). Ольга также обещает греческому царю «челядь, воск и скору» [8]), а Святослав, желая

---

[1]) Ключевский. Курс ист. России. I. 145.
[2]) Лавр. Лет. 1872. Стр. 8—9.
[3]) Там же. 12—13.
[4]) Там же. 18.
[5]) Рожков. Очерк истории труда в России. Арх Ист. Тр. V. 59—60.
[6]) Лавр. Лет. 883 г. стр. 23.
[7]) Там же 945, стр. 61.
[8]) Там же 955 г. стр. 61.

переселиться в Переяславль, заявляет, что туда идет из Руси «скора и воск, мед и челядь»[1]). Под 975 г. летопись рассказывает о том, что Олег, встретив в лесу Лота Свенельдича, выехавшего на охоту из Киева, убил его[2]). Он сделал это—поясняет М. Н. Покровский—потому, что тот из Киева, т.-е. из земли полян, приехал охотиться в древлянскую землю, очевидно, что территории племен именно в охотничьем отношении были резко отделены друг от друга... Охотиться на чужой земле все равно, что вступить с войсками на чужую территорию в современном государстве... С другой стороны, политическое подчинение племени выражалось в том, что победитель получал неограниченное право охоты в земле побежденных: когда Ольга завоевала Древлянскую землю, она первым делом устроила там становища и ловища — это был самый прочный и выразительный признак господства полян над древлянами»[3])

Однако, одновременно со звериными промыслами и бортничеством существовала и обработка земли, как подчеркивают М. Н. Покровский, Г. В. Плеханов и М. Грушевский и как утверждал еще в 60-х годах Д. И. Беляев. «Кому неизвестно, восклицает последний, что славяне искони были земледельцами». Земледелие было «повсеместным занятием наших предков»[4]). Земледелие первоначально производилось, как и у других народов, палкой, жердью, виловатым суком — это древнейшее значение слова «соха» — которыми разрывалась земля, «на всех славянских языках—как указывает М. Н. Покровский—совпадает корень жить и название хлеба жито; слово «брашно» означает более частным образом муку, затем пищу вообще, затем имение; «обилие» означает и «урожай» и «богатство». Всем славянским языкам знакомы обще- индо-европейские термины главнейших земледельческих операций — «пахать» (в форме «орать» — лат. orare, греч. aroo и т. д.) и «сеять» (лат. serere, литовское seti и т. п.); обще-индо-европейское название плуга «орало» (греч. aratron, армянское araur) и серпа (греч. harpe, лат. sarpere); жатва—общеславянское слово, точно также как и нива[5]).

Все это свидетельствует о том, что славяне еще до образования славянских наречий уже занимались возделыванием почвы. Существование земледелия подтверждается и тем, что в древлянских курганах, относящихся к X веку, найдены

---

[1]) Лавр. Лет. 966 г стр. 66

[2]) Там же 975 г. стр 272—273.

[3]) Покровский. Очерк истории русск культуры. I. Изд. 2-е, 1917 г, стр 45—46.

[4]) Беляев. О земледелии в древней России Труды Вольно-Экономич общ. 1866. I. 168, 178. См. Грушевский. Киевская Русь. I. 306. Его-же Очерк ист украинск. нар., 2 изд 31.

[5]) Покровский. Ист. культ. I 29 42

экземпляры серпов и обугленные зерна хлебных растений [1]). Под 883, 964 и 981 г.г. летопись упоминает и о дани, которая берется от «рала»—Олег ее взимает с Радимичей, Святослав и Владимир с Вятичей; эти племена, следовательно, занимались земледелием уже в IX — X ст. [2]). Ольга говорит Древлянам: «вси гради ваши предашасѧ мне и ялися и по дань, и делают нивы своя и земли свои, а вы хочете измерети гладом» [3]). Можно ли—спрашивает Плеханов—предположить, что этот рассказ возник в «охотничье-торговом государстве», как характеризует древнюю Русь Келтуяла в своем «Курсе истории русской литературы»? Ясно, что нет—отвечает он. Он возник в среде земледельцев, дорожащих возможностью «делать нивы своя и землю свою» [4]). Точно также старец в осажденном Белгороде советует жителям «сберете аче и по горсти овса, или пшенице, или отроб», а осадившим город печенегам он посылает сказать: «почто губите себе? коли можете перестояти нас? аще сидите 10 лет, что можете створити нам? имеем бо кормлю от земли». Печенеги этому поверили и сняли осаду [5]). «Этот рассказ—прибавляет Плеханов—тоже мог сложиться лишь в народе, который, по яркому выражению, вложенному летописцем в уста хитроумного белгородского Улиса, получал свою «кормлю» именно от земли» [6]).

Наконец, упомянутый Д. Н. Беляев уже обратил внимание и на то, что и в песнях, жатвенных праздниках и пословицах отражается земледельческий быт и труд земледельца [7]). Мало того, сам же Келтуяла, отрицающий значение земледелия, признает, что среди колядских песен, сохранивших на себе следы языческих представлений, т. е. наиболее древних, многие носят земледельческий характер. «В одной песне поющий приглашает хозяина встать и посмотреть, как господь ходит по двору и приготовляет плуги и волов; даже поется о том, что господь приготовляет коней, ходит на току, кладет снопы в три ряда, пшеницу—в четыре, устраивает пчеловодство и готовит пиво». Он сам указывает на то, что образ бога здесь является, повидимому, отражением языческого Даждь-бога (дай-богатство) и прибавляет, что и главным предметом гаданий в древности было, повидимому, богатство, зависевшее от «Даждь-бога», между тем последний являлся богом солнца, богом земледелия [8]).

---

[1]) Антонович. Черты быта русских славян по курганным раскопкам. Русская история, под ред. Довнар-Запольского. I. Стр. 139.
[2]) Лавр. Лет 23, 63, 80.
[3]) Там же, 946 г. стр. 57
[4]) Плеханов. История русск общественной мысли, т. I 1919. Стр 37
[5]) Лавр. Лет 997 г., стр. 125.
[6]) Плеханов. I. 38
[7]) Беляев О земледелии. Стр. 168 сл.
[8]) Келтуяла Курс истории русск. литературы I 105 сл

И в других песнях слышим земледельческие мотивы. весна является с радостью, с высоким льном, с высоким корнем. с обильными хлебами, она приехала «на сошечке, на бороночке, на овсяном снопу, на ржаном колосу»; во время гаданий поют. «катилося зерно по бархату» [1]). Любопытна и хороводная песня, изображающая сеяние проса в связи с выбором невесты. Девушки поют про то, как они просо сеяли, а парни им отвечают, что они это просо вытопчут. В связи с этим указывают на то, что в древнейшую эпоху. повидимому, земледелием занимались женщины, мужчины же охотой [2]). Это мы находим и у древних германцев в эпоху Тацита [3]) и у неевропейских первобытных народов. В связи с обработкой женщинами земли они и питались плодами ее, тогда как мужчины убитыми на охоте животными. Потребление пищи производилось отдельно теми и другими.

II

Исходную точку в области аграрного строя древней Руси составляет, повидимому, то же групповое (общинное), а не индивидуальное землевладение, которое мы находим в наиболее раннюю эпоху хозяйственной жизни и других народов. Вопрос это, правда, спорный и за отсутствием данных—его решить трудно. Но некоторые указания допускают такое толкование. что земля принадлежала родам [4]). По словам начальной летописи, «живяху каждо своим родом и на своих местах, владеюще каждо родом своим» [5]). Каждый род имел «свои места». определенную территорию. Дальнейший рассказ о трех братьях. Кии, Щеке и Хориве, из которых каждый жил отдельно от других, и имеет в виду, очевидно, такие роды—каждый из них является главой рода. Эти роды вели между собой постоянные войны—как это мы находим всегда в первобытные времена: «вста род на род и быша в них усобице и воевати почаша сами на ся»—повествует летописец в рассказе о призвании варягов [6]). И Святослав, взявши у греков дань, берет их «за убьеные. глаголя: яко род его возметь» [7]).

---

[1]) Келтуяла 1 107 сл. Плеханов, 40 сл

[2]) Покровский Ист культуры I 50 Плеханов, I 41 Рожков. Очерки истории труда Арх Ист Тр. V. 58.

[3]) См мои Лекц по истор экономич. быта Зап Европы, 6-е изд. I 22

[4]) См. Ключевский Курс, т. I. изд 5-е, 1914, стр 133. М. Н. Покровский Русск ист., I, 1920, стр 15. Рожков. Обзор русск ист., ч. I, изд. 2-е, 1905, стр. 29 сл 33 Относительно первоначального быта русских племен и различных теорий на этот счет см у Загоскина. История права русск. народа, т I, 1899 и ст П И. Иванова «Научные мнения о госуд. быте русск. племен» в «Русской Истории» (под ред. Довнар-Запольского) Там-же литер.

[5]) Лавр Лет, 8

[6]) Там же, 18.

[7]) Там же 971 г.

Такой родовой характер землевладения соответствует и свойствам первобытной обработки земли—выжигание и выкорчевывание лесов являлось делом настолько тяжелым, что его могла осилить лишь группа людей, лишь «большая семья», но никак не семья в современном смысле. На такой характер земельной собственности указывают и статьи «Русской Правды», относящиеся к верви, которая является земельным союзом, основанным, повидимому, на кровном родстве, хотя и по этому вопросу есть и иные взгляды.

Слово «вервь» Карамзин [1]) производил от германского hwarf, означающего округу или волость, с которой шла вира (по более новым об'яснениям hwarf значит народное собрание, вече). Мрочек-Дроздовский и Соловьев выводили это название от веревки, вервия, указывая на то, что в грамотах участки пашни измеряются веревками и вервями («отняли у нас, государь, деревеньку..., и пашни, государь, в ней пять веревок»). Первый указывает на то, что нашему языку свойственно называть население по тому земельному пространству, на котором это население живет, почему вервь есть вместе с тем та земская община, которая живет и сидит на этой земле, второй прибавляет, что как у нас, так и у других народов (евреев, римлян) название орудия измерения перешло и к отмеренной земле [2]). По П. М. Собестианскому, вервь обозначает в древности и веревку и род, подобно тому, как латинское linea и французское la ligne употребляются в смысле не только измерения, но и связи родства [3]) [4]).

Как бы то ни было, вервь, по «Русской Правде», являлась территориальной единицей, на которой лежала круговая ответственность как за убийство, так и за некоторые виды кражи. «Аже кто убиет княжа мужа в разбои, а головника не ищоуть, то вервьную платити в чей же верви голова лежить, то 80 гривен; аща ли людин, то 40 гривен» (ст. 3). Но обязанность платить виру только тогда возлагается на вервь, когда последняя не желает выдать (или по другим толкованиям—не старается отыскать) убийцу, причем платит та вервь, в которой найден убитый. Однако и в том случае, когда убийца известен, не он один платит виру, а вервь помогает ему в этом, уплачи-

[1]) Карамзин История Государства Российского, т. II, прим. 72.

[2]) Мрочек-Дроздовский. Исслед. о «Русской Правде», 1885, стр. 134 сл (сл «вервь»). Соловьев. Ист. Росс. I. 232 Прим. 5.

[3]) Собестианский. Круговая порука у славян по древним памятникам их законодательства. Изд. 2-е, 1888, стр 115 сл.

[4]) Павлов-Сильванский (Сочинения, т III. 104—05) прибавляет, что и в Англии в некоторых местах судебный округ называется гаре, что значит веревка, и по его мнению, вервь хотя и происходит от веревки, но не как средства измерения, ибо границы в те времена не межевались, а от веревки, которой ограждалось место схода—отсюда оно (подобно слову погост) перешло на общину и ее земли.

нает «дикую виру», т.-е. платит ее сообща и за чужую вину. Сумма эта получается путем добровольной раскладки между членами верви («тако ему платити по вервинне, еже ся прикладывають вирою»). Однако это участие верви предполагает, что виновный раньше вносил свою часть в общую складчину, если же кто-либо не вносил своей доли в дикую виру («аже кто не вложится в дикую вину и виру»), «тому люди не помогають, но сам платить» [1]). Из последнего видно, что вервь представляет собой постоянный союз, производящий раскладку своих платежей между своими членами. Есть основание предполагать наличность кровного родства между членами верви. Иное об'яснение ее в качестве соседской общины предполагало бы принудительное соединение землевладельцев из полицейских целей—об'яснение весьма искусственное, не соответствующее рассматриваемой ранней эпохе.

Ответственность верви имеет место и в некоторых других видах преступлений, именно в случае недозволенной ловли бобров в чужом лесу или уничтожения межи, бортей и т. д.; в этих случаях «по верви искати к себе татя, а любо продажа платити». Если община откажется искать вора, «то тем платити и татьба и продажа» (ст. 88). В связи с этим П. А. Соколовский обращает внимание на то, что не только самое название верви, означающее меру длины, указывает на ее поземельное значение, но и упомянутые статьи «Русской Правды» [2]). Сравнивши эти положения с другими статьями, относящимися к нарушению прав собственности, мы найдем, что в тех случаях, когда приходилось преследовать нарушение прав, связанных с поземельным владением, напр., если были попорчены или уничтожены борти, древо на межи, знамение на земли, «им же ловлено», бобры, сети в местах ловли и т. п., вообще когда нарушены были права на предметы, выходящие за пределы непосредственного личного владения и охранения,—то вора искали «по верви», т.-е. при участии всей общины, и, в случае его исчезновения, вервь платила 12 гривен продажи. Напротив, если дело шло о краже оружия, коней, скота и челяди, т.-е. предметов личной собственности, то община не помогала при отыскании вора, а истец должен был действовать

---

[1]) Соловьев производит «дикий» от «общий», Дубенский от «чужой». Карамзин, спис. Русск. Правды, ст. 3—6. См. Goetz. Das Russische Recht. III, 27 сл. Филиппов Учебник истории русского права, I, 1907, стр. 218 сл.

[2]) Соколовский. Экон. быт земледельческого населения России. 1878 г., стр. 124.

О верви см. Лешков, Народ и государство, стр. 104, 110 сл. 114 сл. Погодин, Исследования, замечания и лекции о Русской истории, III, 384. Ясинский, Село и вервь Русской Правды. 1906. Леонтович, О значении верви по Русской Правде (Журн. Мин. Нар. Просвещ. 1867, IV). Сергеевич, Лекции и исследования по древней истории русск. права 1903, стр. 246. Лаппо-Данилевский. Очерк истории образования главн разряд. крест. населения в России.

Библиотека

самостоятельно [1]). Из этого вытекает, что земля, в противоположность указанной движимости, не составляла индивидуальной собственности, а принадлежала группе лиц, верви, роду.

Наконец, в пользу нашего предположения можно привести и данные позднейшего времени, свидетельствующие о существовании на севере формы родового быта в виде «печища», соответствующего «задруге» юго-западных славян. Роду противополагаются другие роды (племена), ему враждебные. Большая семья—задруга, печище или дворище постепенно разлагается и каждый член ее получает право на долю во всем деревенском хозяйстве, становится «дольщиком», «пайщиком», «подворником», «половинщиком». Родственные союзы с течением времени уступают место соединениям не-родственных, только экономически связанных между собою, элементов-складников, сябров. Однако, печище не делится вполне, а часть его, в особенности в виде угодий, остается в общем владении родственников; и об этих совладениях говорится, что они состоят «в сябре, в складстве», так что можно предполагать, что в основах складства лежали первоначально чисто родственные отношения. И. В. Лучицкий нашел сябринное землевладение, основанное на родственном кровном начале, и в Малороссии [2]).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Торговля с арабами и Византией.

I.

Славяне издавна занимались, как мы видели, звероловством и бортничеством, но в то же время и земледелием. Продукты первых двух отраслей—меха, воск и мед, как и рабы,

1905, стр. 8. Ведров, О денежных пенях по Рус. Правде (Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1876, II, 92). См. также указ. выше соч. Собестианского, Филиппова, Мрочек-Дроздовского, Павлова-Сильванского, Рожкова.

[1]) По поводу аналогичной верви у западных славян (сохранился статут далматской общины Полицы 1400 г.) см. Леонтович. «О значении верви по Русской Правде и Полицкому статуту, сравнительно с задругою юго-западных славян». Журн. М. Н. П. 1867 г.

[2]) См. Ефименко. Крестьянское землевладение на крайнем севере. (Исследования народной жизни. 1884). Иванов. К истории крестьянского землевладения на севере. (Древн. Тр. Арх. Ком. Моск. Археол. О-ва, т. I. 1900). Его-же. Сябры-помещики. Журн. М. Н. П. 1903, кн. XII. Клочков. К вопросу о складниках. Там-же, 1901, кн. XI. Островская. Земельный быт сельского населения русского севера. 1913, гл. I. Лаппо-Данилевский. Критические замечания по поводу соч. Никитского. Журн. М. Н. П. 1895. Сергеевич. Древности русского права. III. 1903. См. также Рожков. Обз. русск. ист. I. 29. М. Н. Покровский. Русск. ист. I. 16. Лучицкий. Сябры и сябринское землевладение в Малороссии. Сев. Вестн. 1889, кн. I и II.

вымеливались ими и на произведения арабов и других народов, как и на золото и на паволоки в Византии. Наряду с первобытным земледелием и лесными промыслами появляется, следовательно, и обмен. Но значение последнего отнюдь не следует преувеличивать, тем более, что обмен этот совершался не коренным населением, не славянами, а пришельцами—русами, варягами.

На торговые сношения между арабами и племенами, населявшими современную Русь, указывают не только клады, найденные в большом количестве на территории ее [1]) и являющиеся результатом не одного лишь мирного обмена, но и грабительских нападений арабов, но и сообщения арабских географов X ст. (Ибн-Фоцлана, Масуди, Истахри, Ибн-Хаукаля, Ибн-Руста, Ибн-Якуба, Ал-Бекри, Гурдези, Эл-Балхи, Ибн-Хардадбеха), много странствовавших в нынешней юго-восточной части России и оставивших нам описания своих путешествий, характеристику этих местностей и их населения.

Еще в 1847 г. известный ориенталист П. С. Савельев обратил внимание на арабские монеты, находимые в России, как на важный исторический источник для изучения сношений древней Руси с Востоком. Если, по словам Гиббона, на основании одних медалей, можно установить путешествия императора Адриана, то и арабские монеты открывают исторические факты, о которых умалчивают летописи. Арабские или куфические монеты (от г. Куфы, где установлено старинное арабское письмо, употребленное для их надписей), которые начали чеканить в самом конце VII ст. (после Р.Х.), будучи немыми памятниками, все же подробно рассказывают нам о многих явлениях своего времени. Место чеканки, на них обозначенное, свидетельствует о том, что данный город в это время признавал власть определенной династии, и указывает на географическое протяжение государства; титулы эмира или султана и присутствие или отсутствие имени современного халифа на монете показывают отношение чеканившего к «повелителю правоверных», духовному главе мусульманского мира; притязание владетеля или его наместников на независимость, явная вражда или разрыв его с халифом выражаются опущением имени последнего. Мало того, самое нахождение арабских монет в какой-либо стране уже означает факт сношений между ней и Востоком в данный период, ибо на Востоке монета, как эмблема верховной власти данного времени, перечеканивалась с восшествием на престол каждого нового халифа или султана.

В русской земле найдены «целые капиталы» в куфических монетах VIII—XI ст. Населению негде было укрывать свои ценности в ином месте, как «в матери сырой земле»—она служила для них своего рода банком. Тщательно хороня свое добро близ дома или на берегу реки, они делали тайный знак,—клали камень или садили деревцо и открывали по ним свое сокровище. Но, в случае смерти их, «безответный банкир» навсегда хранил вверенную ему тайну. В других случаях богатства

[1]) См. Марков. Топография кладов восточных монет 1910.

буквально «хоронили» вместе с их хозяином—и могильные холмы сохранили их до наших времен. Все эти монеты—серебряные, хорошо сохранившиеся, с четкими надписями Часто они надрублены на-двое или на четыре части, разрезаны ножницами или разломаны—доказательство отсутствия мелкой монеты, которую должны были заменять части крупной—диргемов (никакой иной монеты не знали), способ, практикуемый, впрочем, в раннее средневековье и в Западной Европе («ломаная монета») [1]).

«Каким же образом и вследствие какого политического переворота эти огромные массы серебряных куфических монет перенесены были с берегов Каспия, Аму и Сыр-Дарьи и городов халифата в равнины России и на берега Балтийского моря?—спрашивает П. С. Савельев. Он не настолько наивен, чтобы приписывать все эти клады исключительно торговым сношениям Руси с Востоком, ибо ясно, что ценности могут переходить от одного народа к другому и всевозможными иными способами—путем дани, уплачиваемой покоренными племенами или народами, которые откупаются от нападений других, путем получения подарков, уплаты вир, оброков и сборов разного рода и в особенности посредством насильственного захвата, в качестве военной добычи. Савельев и указывает на то, что азиатские монеты VIII—XI ст. занесены частью торговлей с мусульманскими народами прикаспийских стран, частью вследствие грабительских набегов на берега Каспийского моря; монеты же африкапско-арабские и испано-арабские попали благодаря норманнам, которые неоднократно грабили Испанию и Африку, а потом утвердились и на Руси.

Мало того, Савельев понимает, что для доказательства факта торговых сношений мало безмолвных свидетелей—монет, нужно еще нечто большее—подтверждение говорящих памятников, летописцев, в данном случае арабских географов X ст. Лишь в том случае, если эти авторы действительно признают, что сношения между Востоком и русскими областями имели торговый характер, мы вправе утверждать, что клады эти занесены именно таким, а не каким-либо иным способом.

Но и поскольку Савельев таким путем устанавливает товарообмен Руси с Востоком, он все же считает нужным указывать на то, что последний, в частности у арабов, шел рука об руку с походами, с кровопролитной борьбой, с захватом добычи, с завоеваниями. Магомет, «правда, убил поэзию народа, заменив ее Алкораном, зато развил его воинственность и его торговый дух»—и то и другое одновременно. Тот же самый араб, который с ожесточением дрался с «неверными», не гнушался вступать с ними в обмен, потому что «куплю и продажу» завещал пророк—«храм, рядом училище, перед ним рынок; это торговля и просвещение под покровом религии, могущество и слава халифата» [2]).

«Торговые пути арабов—говорит Савельев—прокладывало их оружие: каждое новое завоевание было новым рынком». На западном берегу Каспия сидели хозары, «и они первые из на-

[1]) Савельев. Мухамеданская нумизматика. 1846
[1]) Савельев, ук соч.

родов России вступили в непосредственные сношения с арабами, сперва в битвах против них на берегах Аракса и в Закавказье, потом в торговле с ними на берегах Итиля (Волги). После того, как халифат завоевал ряд хозарских городов, хакан перенес свои шатер на берега Волги, и хозарской столицей стал Итиль, названный по имени реки и расположенный около нынешней Астрахани. По словам Ибн-Фоцлана, хозарская столица состоит из двух частей, которые отделены друг от друга рекой; на западной стороне реки живут царь и его вельможи, на восточной—магометане, причем в этой восточной части живут купцы и находятся товары. У Ибн-Хаукаля также читаем: «Хазеран имя восточной половины города Итиля, где находится большая часть купцов, магометан и товары; западная же часть исключительно для царя, вельмож и войска». То же повторяет и Эл-Балхи [1]). Таким образом восточная часть Итиля или Хазеран, как она именовалась, составляла особую слободу, в которой жили иностранные купцы, отделенную от прочего города рекою. Это характерное явление для ранних эпох истории торговли и вполне понятное, если иметь в виду указанную нами тесную связь торговли с грабительскими набегами. Неудивительно, что население боялось впускать в пределы городской территории иноземцев, в которых оно привыкло видеть врагов; в данном случае воинственные арабы, многократно производившие набеги на хозар, даже будучи купцами, не могли внушать хозарам особого доверия. Поэтому-то их держали в особой слободе по другой стороне реки, что являлось более безопасным.

Далее, арабы знали лежавшую к северо-востоку землю буртасов (или бурдасов) в нынешней Симбирской губернии, о которых Ал-Бекри замечает, что «они имеют обширную страну и много торговых мест» [2]), знали и граничащих с ними болгар. «Булгар—говорит Ибн-Хаукаль—небольшой город, не имеющий многих владений; известен же был он потому, что был гаванью этих государств» [3]). Современные авторы не без основания понимают под гаванью торговый порт и складочное место (рынок, торговый центр) [4]). В средневековой Англии «port», во Франции «portus» (порт) означало торговое место, рынок [5]). Мы находим обычно соединение того и другого.

---

[1]) Fraehn Die ältesten Nachrichten uber die Wolga-Bulgaren aus Ibn-Foszlans Reiseberichten. Записки Имп. Акад. Наук. I. 583 сл. 588 сл. 602.

[2]) Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. I. Пер. Ал.-Бекри бар. Розена, стр. 62 (Прил. к т. 32. Зап. Имп. Акад. Наук, № 2. 1878).

[3]) Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. 1870. Стр 218.

[4]) См. Вестберг. К анализу восточных источников о восточной Европе. Ж. М. Н. П. 1908 г. XIII. 387. XIV. 3.

[5]) Maitland Domesday Book and Beyond. 1897. p. 195. Pirenne. Villes, marchés et marchands au moyen-âge. Revue historique. T. 67, p. 75.

Относительно торговли приволжских народов Масуди сообщает, что караваны постоянно ходят с товарами из страны Болгар в Ховарезм и обратно, причем им приходится защищаться от кочевых тюркских племен, чрез страны которых они проходят. Из страны буртасов—продолжает он—живущих у этой реки, вывозят меха черных и красных лисиц, которые и называются буртасскими. Арабские и персидские цари ценят черные меха выше куньих, собольих и иных и делают из них шапки, кафтаны и шубы [1]). О торговле хозар и арабов с приволжскими болгарами сообщает и Ибн-Ростех (Ибн-Даста): хозары ведут торговлю с болгарами; когда приходят туда мусульманские суда, то с них берется десятая часть товаров в виде пошлины [2]).

Город Булгар—говорит П. С. Савельев—был однако крайним пределом странствовании арабов X века и самым северным пунктом торговли халифата; арабы не отваживались далее Булгара [3]). Действительно, Джейхани, Истахри, Ибн-Хаукаль, Эл-Балхи—все в один голос утверждают, что купцы не осмеливаются ездить далее к племени (русов) Арта или Артания (Арсания), так как эти люди убивают немедленно всякого чужестранца, между тем, как они сами путешествуют по воде и производят торговлю. Следовательно, сношения и с этим племенем существовали, только арабы не решались сами отправляться туда. Комментаторы указывают на то, что болгары намеренно представляли эту страну столь опасной и недоступной, чтобы удерживать восточных купцов от попыток лично проникнуть в эти страны, и таким образом сохранить торговлю с ними в своих руках; этот прием сопоставляют с подобным же образом действии финикиян, которые также старались преувеличивать опасности предпринимаемых ими с торговыми целями путешествий [4]).

Но возникает вопрос: кто же были эти арты или эртсы (артсы)? Мнения писателей расходятся. Френ понимает под Эрсой Арзамас, Нижегородской губернии, Савельев—эрзу или мордву, то же Георг Якоб и Маркварт. Хвольсон читает не Артсания, а Армания, и полагает, что опущена буква «б» в начале, т.-е. должно быть Бармания—Биарма, речь идет, следовательно, о пермяках на Каме. Наконец, Ф. Ф. Вестберг указывает на то, что те товары, которыми, по словам восточных географов, торговало это племя, исключают земли мордвы, а метят на Скандинавию, изобилующую металлами,—оттуда привозятся (по словам Эл-Балхи, Истахри, Джейхани, Ал-

---

[1]) Хвольсон. Известия о хозарах, буртасах, болгарах. мадьярах, славянах и русах Абу-Али-Ахмеда-Бен-Омар Ибн-Даста 1869, стр. 163—164.
[2]) Там же. стр. 160
[3]) Савельев. Мухаммед нумизмат. XCIII.
[4]) Хвольсон Ибн-Даста, стр 174.

Хоросани и персидского автора X ст.) кроме черных соболей (и лисиц) свинец, олово, мечи и клинки [1]).

Толкование этого места весьма существенно, ибо это племя является у упомянутых писателей одной из трех народностей, на которые распадаются русы. Другие два племени русов находятся, одно по соседству с Булгаром и царь его живет в Куябе, под которым понимают Киев, а другое—в Новгороде; это, повидимому, новгородские славяне, хотя и последнее далеко не вполне выяснено.

Но о торговле русов с различными народами—хозарами, буртасами, болгарами арабские географы X ст. упоминают неоднократно. Так Ибн-Руста рассказывает, что Русь привозит к болгарам свои товары, как-то: меха соболья, горностаевые и другие. Они ездят и в хозарскую столицу и продают и там меха и невольников [2]). У Ал-Бекри читаем относительно болгар, что хозары ведут с ними торговые сношения и также русы [3]). Я видел русов—сообщает Ибн-Фоцлан—когда они пришли со своими товарами и расположились на реке Итиль. При этом они остановились не в самом городе, а на некотором расстоянии его, по Волге (как подобало—прибавим—иностранцам, которых боялись допускать в город). Там они—продолжает он—оставались до тех пор, пока не успевали продать товары, но постоянно не проживали, а являлись лишь временно для торговли (быть может, на время ярмарки—также обычное явление в ранние эпохи культуры). Они молились—читаем далее—своим идолам, чтобы они послали им покупателей товаров, которые бы купили у них все и с ними бы не торговались и имели бы много динаров и диргем—продавали, следовательно, товары на звонкую монету [4]). Не ясно только, где их встретил Фоцлан—в Хозарии или в Болгарии; как Итиль, так и Булгар лежали ведь по Волге. А. Я. Гаркави (еще до него Савельев) и Ф. Ф. Вестберг находят, что речь идет о Булгаре [5]).

Но Масуди рассказывает о том, что русы имели в Итиле, хозарской столице, свои жилища, где жили купцы. Он же встречал восточных купцов, путешествующих в страну хозар, а оттуда по морям Майотас и Найтас (т.е. Азовскому и Черному) в земли русов и болгар. Таким образом, существовала и непосредственная торговля между страной русов и арабами, а не только между русами и хозарами или (волжскими) болгарами.

---

[1]) Fraehn, Ibn Foszlans und andrer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit 1823. p. 162 Савельев, CXIII. Хвольсон, стр. 174 сл. Вестберг, XIII. 398

[2]) Хвольсон Ибн-Даста. стр 160.

[3]) Розен. Известия Ал-Бекри 63

[4]) Гаркави. Сказания мусульманских писателей. стр. 93 сл.

[5]) Гаркави. 108 сл Савельев. LIX сл Вестберг XIV, I сл.

Кто же были эти русы? Только что упомянутый Масуди прибавляет: русы путешествуют с товарами в страну Андалус, Румию, Кустантинию и Хозар. Между ними есть многочисленнейшее племя, называемое лудзания; другие читают: «лудзана», «мудгана», «нурмана» и толкуют в смысле лучан (Шармуа), готландцев (де Гоэ), ладожан (Френ, Савельев, Гаркави), наконец, норманнов (Хвольсон, Вестберг) [1]. Последний обращает внимание на то, что на скандинавский мир указывает следующее сообщение Масуди: они (русы) образуют великий народ, не подчиняющийся ни царю, ни закону, т.-е. у них нет политической организации, а это не соответствует условиям жизни русского народа в первой половине X ст. Далее говорится «русы имеют в своей стране серебряный рудник»—но мы напрасно стали бы искать серебряных рудников на Руси в это время.

К числу наиболее ранних арабских источников, трактующих о русах (первый мусульманин, о них упоминающий), принадлежит «Книга путей и государств» Ибн-Хордадбеха. В противоположность приводимым выше авторам, он писал не в X, а в IX ст., именно, по Куник, около 860 г. (по де Гоэ между 854 и 869), т.-е. задолго до смерти Рюрика [2]. У него имеется глава под названием: «маршрут купцов русов», которая начинается словами: «и они вид (род, племя) славян». Из самых отдаленных частей страны Сакалаба (под которой понимают славянскую землю) они направляются к морю Румскому (повидимому, Черное море) и продают там меха бобров (по другому толкованию: выхухоли) и черных лисиц, причем царь Рума (Византии) с них взимает десятую часть в виде пошлины (по одним толкованиям в Константинополе, по другим на Таврическом полуострове). Или же они отправляются по Танаису, славянской реке (под которой одни разумеют Дон, другие Волгу) и доходят до хозарского города Камлиджа, где царь с них берет десятину. Иногда они везут свои товары на верблюдах в Багдад. Таким образом, купеческие караваны русов путешествовали двумя различными маршрутами: либо они отправлялись по Днепру к Черному морю, либо по Волге (а не Дону—это об'яснение, повидимому, более правильно) к Каспийскому морю и затем далее в Багдад [3]. Во всяком случае — как подчеркивает Ф. Ф. Вестберг — Ибн-Хордадбех представлял себе родину русов лежащею где-то на дальнем

[1]) De Goeje. Bibliotheca Geographorum Arabicorum. Pars VIII, 141. Marquart. Osteuropaische und Ostasiatische Streifzüge. 1903, p. 342 сл. Хвольсон. 166—67. Вестберг. XIII, 380 сл. 390 Frachn. Ibn-Foszlan. 71 Гаркави. 155.

[2]) Известия Ал-Бекри. Ч. II. Куник. Разыскан 5-е, стр. 119—21

[3]) De Goeje. Geogr. Arabic. VI, 115 Известия Ал-Бекри, ч II. 1903. Разыск Куника. 129—31 Marquart, p. 31, 198. Вестберг Ж. М. Н. П. XIII, 370 сл Гаркави 49—54 сл

севере, на окраинах славянской земли, вблизи верховьев Волги—«из отдаленнейших славянских стран», по Гаркави, означает из стран новгородских славян.

На это было обращено особое внимание в последнее время. Ибн Руста, Гурдези, Ал-Бекри, Ибн-Якуб, как и позднейшие комментаторы, изображают Русь прежде всего как племя, живущее грабежом, и лишь в дополнение к этому занимающееся торговлей; землю же они во всяком случае не пашут. «Русь имеет царя, который зовется Хакан-русь. Они производят набеги на славян; под'езжают к ним на кораблях, выходят на берег и полонят народ, который отправляют потом в Хозеран (Итиль) и к болгарам и продают там. Пашень русь не имеет и питается лишь тем, что добывает в земле славян. Когда у кого из руси родится сын, отец берет обнаженный меч, кладет его перед дитятею и говорит: не оставлю в наследство тебе никакого имущества, будешь иметь только то, что приобретешь себе этим мечом» (Ибн-Руста) [1]).

Мы имеем перед собой безусловно разбойничье племя, которое все добывает мечом и которое у других «силою отнимает полезные предметы, чтобы они находились у них» (русов)— хотя и прибавлено, что они торгуют мехами. Указывается и на то, что «Русь живет на острове, окруженном озером; он нездоров и сыр до того, что стоит наступить ногою на землю, и она уже трясется по причине рыхлости от обилия воды».

Ф. Ф. Вестберг обращает внимание на то, что согласно арабским писателям, русы должны жить на верховьях Волги, так как на среднем и нижнем течении Волги помещаются другие народы, как-то: булгары, буртасы, хозары, и он утверждает, что «разбойничье гнездо островных русов находится на северо-восточной Европы с стране славян» [2]). В бассейн реки Днепра русы еще не проникли, во всяком случае не успели еще овладеть Киевом. Итак, автор нашего первоисточника писал не позже середины 50-х годов IX ст., еще до появления в Киеве Аскольда и Дира, которые (по Куныку) засели там, по крайней мере около 855 года, если не раньше, ибо уже в 860 г. они предпринимают свой знаменитый поход на Византию [3]). По мнению Марквварта, остров русов совпадает с Holmgard (островной город) исландских саг, т. е. Новгородом. Здесь мы имеем начало русского государства. Источники подтверждают норманское происхождение древней Руси [4]).

---

[1]) Бартольд. Отчет о поездке в среднюю Азию. Записки Имп. Акад Наук по историч. отд. VIII серия, т. I, № 4, прил стр. 123. Хвольсон, 34 сл., 152 сл. Гаркави, стр 267 Marquart p 200 сл

[2]) Вестберг. Журн. 1908, XIV, 24 сл.

[3]) Круге Два первые вторжения русов в Византию. Ж М. Н П, т. 28 Васильевский Русско-византийские исследования. Т. II. Стр. CXXXVIII.

[4]) Marquart. p. 201 сл

На этом вопросе останавливается А. А. Шахматов в своем посмертном исследовании о древних судьбах русского племени. Он указывает на то, что, начиная с VIII ст., Европа становится поприщем деятельности норманнов, т.-е. жителей Дании, Норвегии и Швеции, которые совершают набеги на прибрежные страны, предаваясь вообще грабежу и насилиям, но в отдельных случаях стремясь и к покорению чужеземных народов, к насильственному среди них водворению. Путь их шел как на запад и на юг (к берегам Англии, Франции, Испании, в Средиземное море), так и в Балтийское море — в Курляндию, Ливонию, Эстляндию и Финляндию, но затем они достигли устьев Двины и углубились дальше, двигаясь по Волге. В то время, как византийских монет в Швеции и Готланде насчитывается только до 200, число арабских монет, найденных там, доходит до 24 тысяч и 14 тысяч обломков. Из этого исследователь этих монет Арн сделал вывод, к которому присоединяется А. А. Шахматов, что путь по Волге открыт скандинавами раньше, чем путь на юг в Византию по Днепру. Многочисленность этих монет в Швеции свидетельствует, по мнению последнего, что монеты эти попадали не только через посредство восточных купцов (арабов или хозар), отправлявшихся вверх по Волге, но что «клады эти собраны и скрыты самими готландцами, посещавшими восточные страны. т.е. прежде всего юго-восточную Россию, где, по свидетельству археологических находок, процветали торговые сношения с Азией»[1]).

Каким способом добывались норманнами эти монеты? Хотя—как мы видели—арабские источники и упоминают о торговле русов с булгарами, буртасами, хозарами, но все же первостепенное значение эти писатели придают приобретению русами имущества мечом, а отнюдь не мирным обменом. Уже в IX — X ст. они создали и постоянные поселения — «административные центры, куда свозилась собираемая дань и награбленная добыча». При этом, по мнению А. А. Шахматова, остров, на котором арабы полагали русское государство и который нездоров и сыр, и где земля трясется по причине обилия воды, означает не Новгород и вообще не обязательно остров, ибо под последним арабы могли разуметь вообще какую-либо из областей, ограниченных озерами, болотами, реками, которых на севере не мало и которые в известном смысле соответствуют представлению об острове. Он отдает предпочтение Старой Русе. Осевшие здесь варяги и называли себя русью.

---

[1]) Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. 1919. Стр. 43—45. Arne. La Suéde et l'Orient. 1914, p. 89—90.

Западные финны и до сих пор называют Скандинавию «Русью» (Ruotso) [1] [2].

И С. Ф. Платонов придает большое значение этой гипотезе, согласно которой древнейшая Русь находилась между Ильменем и волжскими верховьями [3]. Отсюда уже вскоре после 839 года началось движение руси на юг—об этом свидетельствует то, что в 860 г. мы видим уже русских под стенами Царьграда. Этому походу должно было предшествовать более или менее продолжительное существование русской державы на юге, а чтобы утвердиться здесь, ей пришлось вести борьбу с хозарами и покорить силой оружия восточно-славянские племена, сидевшие на верхнем и среднем течении Днепра. В результате этой борьбы и завоевания установился наряду с волжским путем и новый днепровский путь из варяг в греки, о котором сообщает первоначальная летопись. Она уже трактует о сношениях Руси с Византией, которые составляют следующий период в истории России [4].

Торговые сношения Руси с арабами в древнейшую эпоху подтверждаются и тем фактом, что тот самый иракский фунт, который арабы занесли в Испанию, Южную Францию и другие местности, расположенные у Средиземного моря, был ими занесен вместе с куфическими монетами и на Русь. Последняя заимствовала у них иракский фунт в 96 зол. или динаров. На иракский ротль или фунт шло 96 золотых динаров и на тот же фунт шло 144 серебряных диргема, так что все диргема составляли $^2/_3$ динара. Именно такую же монету мы находим на Руси, чеканенную во времена Владимира св. Золотая монета его по весу была повторением арабского динара и получила название золотника, т. е., по просту золотого, аналогично византийскому ауреусу, немецкому гульдену (т. е. golden), польскому злотому—все эти названия обозначают тот же золотой. Фунту или ротлю арабскому соответствует русская гривна в 96 золотых или золотников. Подобно арабскому фунту, западноевропейской либре (ливру=фунту), или марке, она была одновременно и весовой и монетной единицей и разделялась, как арабский фунт, на 96 динаров, на те же 96 золотников, на которые наш фунт делится и до сих пор. При чеканке серебряных монет Владимир св. также шел за арабами, чеканя из гривны 144 серебренника, как они 144 диргема, так что серебренник (обозначает просто серебряную монету) был равен по

---

[1]) Шахматов. Стр. 50—56

[2]) Относительно происхождения слова «Русь» (Ros —Рос) от шведск. «Ruotsi» (последнее от древне-шведск. «rôther») см. Kunik. De Berufung der schwedischen Rodsen. Томсон. Начало русского государства 1891. Ekblom. Rus et Vareg dans les noms de lieux de la région de Nowgorod. 1915 См. также Кнауэр. О происхождении имени народа Русь (Труды XI Археологич. с'езда в Киеве. Т II). Брим Происхождение термина Русь. (Россия и Запад. I 1923) Marquart ук соч 351 сл.

[3]) Платонов. Руса «Дела и Дни». 1920, I Стр I сл Ср. Пресняков Взгляд Шахматова на древн. судьбы русск племени (Русск. Истор. Журн. VII. 1921).

[4]) Шахматов, стр 45, 58, сл. См. Иконников Опыт русской историографии. Т II, ч. I. стр. 117 сл

весу $^{2}/_{3}$ золотника (или динара) Это установлено на основании взвешивания арабских и русских монет того времени. При этом выяснилось, что такая гривна была известна уже в IX веке как Новгороду, так и Киеву. Уже под 882 г. летопись рассказывает, что Олег в Новгороде, «устави дань даяти варягом гривен триста на лето», а в 907 г. он требует от греков для своего войска по 12 гривен на человека. Так что уже для IX ст. можно установить сношения Руси с арабами [1]).

II.

Торговля Руси с греками нам известна гораздо лучше, чем торговые сношения с арабами и народностями, жившими по Волге.—известна, главным образом, благодаря тем дошедшим до нас договорам, которые были заключены в X ст. русскими князьями с Византией и которые сообщает начальная летопись.

Шлецер (Schloezer), занявшись впервые изучением их в начале XIX ст., рассматривает их, однако, как позднейшую вставку, указывая на то, что летописные сообщения неправдоподобны, содержание договоров противоречит духу времени, византийские источники о них молчат [2])

На эту точку зрения стали и другие историки Соловьев (заявляет, что это позднейшая вставка) [3]), Сергеевич («в договорах все сомнительно и спорно», «ни один из них не известен византийским историкам») [4]). Напротив, в защиту их выступили Круг [5]), Погодин, указывающие на соответствие между ними, сообщениями византийского императора Константина и засвидетельствованными памятниками обычаями норманнов [6]). а также Самоквасов, обращающий внимание на то, что молчание византийских летописцев о договорах объясняется отсутствием византийских летописей от 1-й половины X ст., напротив, в «Истории» же Льва Диакона, которая относится к тому же времени, о договоре Олега с греками упоминается ясно и неоднократно [7]); что же касается легендарности

---

[1]) И. И. Кауфман. Русский вес, его развитие и происхождение в связи с историей русских денежных систем. 1906 И. И. Толстой Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского. 1882 О монетах Владимира Св.— статьи Куника в Изв. Имп. Арх. Общ. т. III, Бартоломея и графа Уварова, там-же, т. IV, и Прозоровского в Труд. IV Археолог. с'езда, т. I 1884 Отд. II

[2]) Шлецер. Нестор. Русские летописи, пер. Языкова 1816 Т. II, 693 сл.

[3]) Соловьев I, 117

[4]) Сергеевич. Лекции и исслед. по истории русского права 1883 Стр. 99 сл. 113 сл.

[5]) Krug Kritischer Versuch zur Aufklarung der Byzantinischen Chronologie 1810 p. 108 Рус. пер., стр. 147.

[6]) Погодин О договорах русских князей Олега, Игоря и Святослава с греками Русск. Историч. Сборник, т. I, кн. IV. 1838 г., стр. 98—137 (а также кн. 3, стр. 118 сл.). Его-же, Исследован. замечания и лекции о русской истории, т. III. 1846 Стр. 254, прим. 595.

[7]) «По тексту греческой истории император Иоанн Цимисхий в переговорах со скифом Святославом ссылался на давний договор скифов с греками и на договор, нарушенный Игорем, отцом Святослава. В условиях Святослава, предложенных Цимисхию, по тексту истории Льва Диакона Калойского также

похода Олега на Константинополь, то получившаяся «бессмыслица принадлежит Шлецеру, а не русскому летописцу» [1]).

В виду этого, Владимирский-Буданов уже в 1888 г. признавал, что важнейшие основания для подозрения договоров с греками в подлинности отвергнуты, и эти договоры «имеют чрезвычайную важность для истории русского права» [2]). И другие исследователи (Соколовский, Димитриу, Мулюкин, Мейчик) не возбуждали более сомнений в этом, а Лонгинов утверждает, что они представляют яркую картину древне-русской эпохи, «среди многочисленных, нередко противоречивых и запутанных повестей того времени блестят путеводною звездою» [3]). Даже Сергеевич, 20 лет спустя после того, как он совершенно отказался от договоров с Византией в качестве источников русского права, все же вынужден был признать, что в «настоящее время никто не отвергает достоверности договоров Олега, Игоря и Святослава» и они являются весьма существенными в качестве «древнейших памятников наших международных сношений», хотя он и указывает на то, что «история договоров с греками представляет многие неясности» [4]). Но этот упрек можно было бы сделать и большинству других исторических памятников.

Наиболее спорным является вопрос о взаимоотношении между договорами. Их насчитывается четыре, из которых текст первого—договор Олега 907 г.—не сохранился, а лишь изложен летописцем, тогда как текст остальных трех договоров—Олега 911 г., Игоря 945 г. и Святослава 971 г—помещен в летописи, хотя и передан, повидимому, в редакции несколько попорченной и неполной. Сомнения возникали по поводу первого договора 907 г. В то время, как Срезневский, Бестужев-Рюмин, Сокольский, Пахман, Мейчик признают его вполне самостоятельным договором, Эверс считает его лишь предварительным соглашением [5]), Барац усматривает в нем документ, сочиненный на осно-

---

упоминается о древнем законе, обязавшем греков признавать друзьями русских купцов в Константинополе, которому соответствует содержание договора 945 г.» (Речь проф Самоквасова на торжеств акте Варшавск университета 30 августа 1886 г Варшавск. Унив. Изв 1886, № 6. стр. 3, 9)

[1]) Баснословным кажется, напр., Шлецеру «победоносное движение Олега к Царьграду на кораблях, поставленных на колеса и снабженных парусами». На самом деле это была подвижная крепость, древне-русский «обозный град» или «гуляй-город», материалом для которого послужили лодки, поставленные на колеса Или Шлецер считает невероятным сообщение о парусах, сделанных по приказанию Олега после победоносного похода на Византию, парусах «паволочитых» и «кропинных», которые он толкует в смысле парусов из золотой парчи и крапивы Но это были паруса из шелковой ткани, которыми, как известно из истории, победители многократно оснащали свои суда, и паруса из кропины (а не крапивы). т. е. из бумажной или ситцевой материи» (Самоквасов. Варшавский Унив. Извест. 1886 г. № 3 Стр. 4—7. Его же. Свидетельства современных источников о военных и договорных отношениях славяно-русов к грекам Там же 1886)

[2]) Владимирский-Буданов. Обзор истории русск. права. 2 изд 1888. Стр 88.

[3]) Лонгинов. Мирные договоры русских с греками, заключ. в X в (Зап. Одесск Общ. Ист и Древн. Т XXV, стр. 395).

[4]) Сергеевич. Лекции и исслед 3-е изд. 1903 г. Стр. 604, 616. 653.

[5]) Эверс. Древнейшее русское право, стр. 135.

вании последующего договора 945 г. [1]), а Шахматов полагает, что он взят из состава договора 911 г. и перенесен летописцем в 907 г. [2]). И по мнению Сергеевича, ограничительные статьи, которые касаются торговли русских с Византией, не могли входить в договор 907 г., когда русские полчища стояли еще у ворот Константинополя—греки думали тогда лишь о том, как бы поскорей убрать Олега с его воинством со своей территории, но не могли вести никаких переговоров об условиях торговли. Но в то же время он не соглашается с тем, чтобы договор 907 г. имел предварительный характер в смысле установления общих начал для последующего окончательного мира, ибо это было бы слишком искусственно для первобытных условий того времени [3]).

Как бы то ни было, вопрос этот при изучении истории торговли имеет лишь второстепенное значение. Для нас важно признание подлинности договоров, заключенных русскими князьями с Византией, того обстоятельства, что содержание их дает нам действительно сведения о жизни X ст., а не сочинено впоследствии. Это позволяет рассматривать договоры в качестве источника, характеризующего торговлю Руси с Византией в древнейшую эпоху. Но заимствованы ли отдельные части договора 907 г. из последующих договоров того же X ст. и являлся ли договор 907 г. действительно таковым, а не только проектом договора или договором, устанавливающим лишь общие начала,—это мало меняет дело. Во всяком случае, и он сообщает о том, как производилась торговля Руси с греками в рассматриваемую эпоху.

Договоры эти, как видно из летописи, являлись результатом предварительных военных походов русских князей на Византию.

Производившие грабительские нападения на страны Запада (Францию, Британские острова и т. д.) норманны укрепившись на Днепре, стали совершать непрерывные набеги на Византию. Восточная Европа представляла для них выгоду не столько сама по себе, сколько тем, что через нее пролегал путь «из варяг в греки», в Византию, где было чем поживиться [4]).

Уже спустя 20 лет после того, как в Киеве основалось новое русское государство, оно совершает поход на Царьград. На основании найденной венецианской хроники, двух речей патриарха Фотия по поводу русского нашествия и некоторых других свидетельств, выяснилось, что поход был для русских удачен, и, заключив мир под стенами Царьграда, они удали-

---

[1]) Барац. Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией. 1910. Стр I сл.

[2]) Шахматов Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря. Записки неофилологическ. общ. Т. VIII 1914.

[3]) Сергеевич. Лекции и исслед. по древн. истор. русск права. 1903. Стр. 617 сл.

[4]) См Егунов Торговля древнейшей Руси. «Современник» 1848. Кн. X. Стр. 94—95.

лись от города [1]). И Олег, овладев Киевом и заставив древлян, северян и радимичей платить ему дань, стал помышлять об исполнении заветной мысли—добыть золото и паволок греческих. Летописец подробно описывает, как «иде Олег на греки, Игоря оставив Киеве», что он там учинял и вытворял. «Много убиство сотвори около града Греком, и разбиша многы палаты, и пожгоша церкви; а их же имаху пленникы, овех посекаху, другие же мучаху, иныя же растреляху, а другыя в море вметаху, и на многа зла творяху Русь Греком». В результате греки предложили ему дань: «чего хощеши дамы ти», и Олег вернулся в Киев с богатой добычей, «неся злато, и паволоки, и овощи, и вина и всякое узорочье». И на этом основании его прозвали вещим, «бяху бо людие погани и невегологы»,—поясняет летописец [2]) При этом Олег заключил в 907 г. соглашение с греками, касавшееся торговли Руси с Византией, а затем новый договор в 911 г. Эти договоры по своему содержанию в сущности свидетельствовали о том, что русские имели в виду посещать Византию и с мирными намерениями, хотя, надо сказать, из предыдущего (приведенного нами) изложения летописи такого намерения вовсе не видно. Все внимание греков при заключении договоров с Олегом «сосредоточено на том, как бы обуздать воинскую наглость Руси, как бы заставить ее приходить в Грецию с куплей и с миром» [3]). «Греческое правительство должно было позаботиться об обуздании приезжавшей в Царьград Руси» [4]).

Однако, несмотря на то, что мир с Византией был установлен, как только Олега заменил Игорь, договор потерял всякое значение и Игорь с своей стороны пошел «на Греки» и стал творить те же неистовства, которые производил до него Олег: «гвозди железныи посреди главы въбивахуть им, много же святых церквей огневи предаша, монастыре и села пожгоша» и при этом, конечно, «именья немало от обою страну взяша» [5]). Греческий огонь заставил его вскоре возвратиться «восвояси». Но Игорь не унывал, а «пришед нача совкупляти вое многи» и снова «поиде на Греки, в лодьях и на коних хотя мьстити себе». Греки, узнав об этом, начали просить, «глаголя: не ходи, но возьми дань юже имал Олег придамь и еще к той дани». Игорь стал советоваться с дружиной. По-

---

[1]) Лопарев. Старое свидет. о полож ризы Богородицы во Влахернах в новом истолковании применительно к нашествию русских на Византию 860 г. Визант. Временник 1895 Ч II, вып. 4, стр. 581 сл Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени, стр. 60. De Boor Der Angriff der Rhos auf Byzanz Byzantin Zeitschr. 1895. p. 445. Васильевский. Русско-Визант исслед. II Стр. CXIX Иконников Опыт историогр. II. 1. 1908. Стр 120 сл

[2]) Лавр. лет., 907 г., стр 29 сл.

[3]) Егунов «Современник». 1848 X 110

[4]) Сергеевич. Лекции и исслед 629

[5]) Лавр. лет, 941 г. стр 43

следняя решила. неизвестно еще, «кто весть, кто одолеет, мы ли, оне ли», к чему нам воевать, раз мы можем «не бившеся имати злато, и сребро, и паволоки». Игорь послушался дружины, взял у греков злато и паволоки и отправился домой [1]). Цель ведь была достигнута, дань получена. В следующем 945 году был заключен новый мирный договор с греками.

То же повторилось при Святославе. Он заявил грекам: «хочю на вы ити и взяти град ваш». Они предложили ему не ходить, а взять дань, но не дали, и Святослав стал «грады разбивать». После этого он получил дань, почти дойдя до Царьграда. «Взя же и дары многы и возвратися в Переяславець с похвалою великою». Но, желая, «иметь мир и совершену любовь со всякимь великимь царем Гречьским», и он заключил договор—уже четвертый—с Византией 971 г. [2]).

Любопытны и последующие факты, сообщаемые летописью. Когда Владимир св. отказал варягам в выкупе, они потребовали от него, чтобы он, по крайней мере, показал им «путь в Греки», где бы они, очевидно, могли вознаградить себя [3]) Тот же Владимир стал в 988 г добиваться руки греческой царевны Анны. Она на это ответила «луче бы ми зде умрети» Но братья стали ей об'яснять необходимость согласиться: «Гречьскую землю избавишь от лютые рати; видиши ли колько зла створиша Русь Греком и ныне аще не идеши, тоже имут створити нам» [4]). Греки, видно, весьма боялись Руси, ожидая от нее всякого зла, а Русь смотрела на Грецию, как на источник легкой наживы.

На первый взгляд основная мысль договоров не имеет ни малейшего отношения к торговле. У Олега «греци почаша мира просити», а не торговли; Игорь точно также обновляет «ветхий мир»; наконец, и Святослав говорит: «хочу имети любовь с царем», а не торговлю. Однако это еще ничего не доказывает. Мир являлся необходимым условием торговли, он обозначает нечто более общее, из чего затем вытекала возможность достижения и более специальных целей, в том числе возможности торговать. Грекам нужно было обезопасить себя от нападений Руси, заменить насилия их мирным обменом. Они готовы были давать Руси то же злато, те же паволоки и другие предметы, но без того, чтобы Русь предварительно жгла и грабила страну, мучила и «в море метала» жителей («не погубляй града»), и с тем, чтобы князья с своей стороны давали в обмен за получаемые от греков товары свои—невольников, воск и меха. Ради этого они и заключали договоры. В последних мы находим ряд

[1]) Лавр Лет. 944 г., стр. 45
[2]) Там же, 971 г., стр. 68—71.
[3]) Там же, 980 г., стр. 77.
[4]) Там же. 988 г., стр. 107—08.

статей, касающихся именно торговли, так что отрицать эту цель нет основания.

Больше всего о торговле говорится именно в первом договоре 907 г., где греки ставят следующие условия русским, приезжающим в Царьград: «Аще придуть Русь бес купли, да не взимають месячины; да запретить князь словом своим приходящим Руси зде, да не творять пакости в селех в стране нашеи; приходяще Русь да витають у святаго Мамы и послеть царьство наше и да испишють имена их и тогда возьмуть месячное свое,—первое от города Киева и паки ис Чернигова и ис Переаславля и прочии гради; и да входять в град одними вороты со царевым мужем, без оружья, мужь 50 и да творять куплю, якоже им надобе, не платяче мыта ни в чем же» [1]).

Здесь мы находим, прежде всего, общее правило, чтобы Русь, являясь в Византию, «не творила пакости», не занималась вместо торговли грабежом и насилиями. Мало того, в целях предосторожности, приезжающим в Царьград купцам предоставляется жить только в предместьях у монастыря св. Мамы, но отнюдь не в городе; они предварительно переписываются греческими властями («да испишють имена их»); они могут входить в город только через одни определенные ворота, партиями не более 50 человек, без оружия и в сопровождении царева мужа, т. е. греческих властей. Все это устанавливается «да не творять пакости в стране нашеи». «Греки побаивались Руси,—поясняет Ключевский,—даже приходившей с законным видом» [2]).

Все эти предосторожности находятся в связи с характером торговли того времени. Такие меры, как обязанность иноземных купцов селиться за городом или по другой стороне реки, протекающей через город, на островке, или во всяком случае подальше от прочего населения в предместьях,—находим везде и повсюду на Западе в средневековую эпоху [3]). Мы видели это в хазарской столице Итиле, увидим в отношении немецких поселений на Руси. Первоначально новгородцы даже, повидимому, не впускали немцев в город, а торговля происходила в Гостинополе, которое было, как можно думать, островом на Волхове. В Пскове немецкое торговое подворье находилось в предместье на левом берегу р. Великой и немцам запрещалось переходить на другой берег реки в город [4]). Точно также требование приходить в город без оружия, ходить по городу не иначе, как в сопровождении местных властей, устанавли-

---

[1]) Лавр. лет., 907 г., стр. 31

[2]) Ключевский. Курс русской истории. I. 188.

[3]) См. Кулишер. Лекции по истории экономич. быта Зап. Европы Изд. 6-е. Т I. 1922. Стр 194.

[4]) Buck. Der deutsche Handel in Nowgorod. 1895, p. 11. Winckler Die deutsche Hansa in Russland, p. 11 сл.

ается сплошь и рядом в отношении иностранцев—последнее нередко и в видах защиты их самих от нападения местного населения. Еще ранее, по приказу греческого императора, франки толпою не смели посещать город, но могли входить по 5 или 6 человек [1]). Самое пребывание русских купцов имело лишь временный характер—они получают месячное содержание, причем в требованиях, пред'являемых Олегом, говорится о том, что эта «месячина» в виде хлеба, вина, мяса, рыбы и овощей должна им выдаваться на 6 месяцев [2]). Очевидно, такой порядок выдачи припасов на полгода установился, он сохранен и в договоре Игоря 945 г. Здесь говорится, что русские не могут «имовать у святого Мамы», как и «в устье Днепра», Белобережи. ни у святого Ельферья; но егда придеть осень, да идуть в домы своя в Русь» (ст. 2. 10) [3]) [4]). И это соответствует рассматриваемой эпохе—речь идет о временных поселениях иностранных купцов, караваны которых появляются в определенные времена года и по распродаже товаров возвращаются обратно [5]), так что по этому договору 945 г. Руси не дозволяется зимовать не только в Царьграде, но и в весьма отдаленном от него устье Днепра—они обязательно должны отправляться домой. Так велик был страх греков перед насилиями со стороны руссов, они желали иметь их возможно дальше от Черного моря, где купцы легко превращались в пиратов.

В правах русских, оговариваемых Олегом, прибавлено также, «да творять им мовь, елико хотять». Имеются в виду баня и пользование колодцами в Царьграде. Баня являлась исконным русским обычаем. Ольга «вне деревлянам мовь сотвориті». Сближение с русскими в разрешении пользоваться пресной водой для мытья получили венецианцы и генуэзцы по договорам с греками. По возобновленному договору с Исааком Ангелом 1192 г. генуэзцам разрешалось набирать воду из цистерн для домашнего употребления, но с тем, чтобы они не засаривали и не загрязняли их купанием скота [6]).

Приведенные выше постановления договора Олега 907 г., устанавливающие условия пребывания русских в Царьграде

---

[1]) Лонгинов Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн. XXV 153

[2]) Насколько важна была упомянутая льгота (выдачи припасов), видно из того, что в 941 г. руссы вынуждены были возвратиться из Греции за недостатком продовольствия (Лонгинов. 471)

[3]) Лавр. лет., 915 г. Договор напечатан у Владимирского-Буданова Хрестоматия по истор. русс. права I

[4]) В рассказе имп. Константина о путешествии Руси в Царьград упоминается указанный здесь остр. св. Еферия в устье Днепра и река Белая (см. Погодин Русск. историч. сборн. I, кн. 4, стр. 114). По Лонгинову (стр. 471), Белобережье есть Белобережань, нынешний остров Березань.

[5]) Мейчик Русско-византийские договоры. Ж. М. Н. П. 1915 X Стр. 302.

[6]) Лонгинов, 452.

и предохраняющие греков от насилий, повторяются и в договоре Игоря 945 года (ст. 2) [1]).

Впрочем, отчасти упомянутая 2-я статья договора 945 г. отклоняется от договора 907 г. Исключено упоминание о беспошлинной торговле русских; из фразы «да творять куплю якоже им надобе, не платяче мыта ни в чем же», последние слова «не платяче» и т. д. отпали. Купленные паволоки «да показываеть цареву мужю и то е запечатаеть и дасть им». Обязанность пред'являть купленные товары цареву мужу наводит на мысль о том, что это делалось не только для накладывания им клейма на товары, но и для взимания сбора с купленных товаров. «Царев муж» фигурировал в качестве своего рода посредника между местным населением и Русью (своего рода маклера) для устранения непосредственных сношений между ними, как это было в рассматриваемую эпоху и в Западной Европе и на Востоке. Но задачей такого посредника являлось и следить за уплатой иностранцами торговых сборов. Наконец, «царев муж» являлся, повидимому, и судьей в столкновениях между русскими и греками, который чинит управу при всякой совершенной кривде («кто от руси или от грек створить криво, да оправляеть то») [2]).

В ст. 2-й договора 945 г. установлено еще новое ограничение для русских купцов: они могут «купити паволок лишь по 50 золотник». Такое стеснение в отношении приобретения паволок (не более чем на 50 золотых на каждого) находим в Византии и в отношении купцов других национальностей (напр., в договоре с Болгарией 715 г.) [3]).

Прибавлена и дальнейшая предосторожность со стороны греков—приходившие в Царьград русские послы и гости обязаны иметь при себе грамоты от князя и бояр с указанием числа отправленных судов, в доказательство того, что «с миром приходят». «Требование греков в договоре с Игорем, чтобы все мореходы российские—говорит Карамзин по этому поводу—пред'являли от своего князя письменное свидетельство о мирном их намерении, имело без сомнения важную причину: ту, кажется, что некоторые россияне под видом купечества выезжали грабить на Черное море, а после вместе с другими приходили свободно торговать в Царьград. Надобно было отличить

---

[1]) Это и навело некоторых авторов на мысль, что весь договор 907 г. заимствован из этой 2-й статьи договора 945 г. последующим переписчиком летописи и вставлен им под 907 годом. Напротив, Владимирский-Буданов утверждает, что эта статья есть не что иное, как повторение договора 907 года (Хрестоматия, 12). Во всяком случае наличность приведенных постановлений в договоре 945 г. существенна для нас, ибо никаких сомнений в том, что последний договор является подлинным, не может быть

[2]) Сергеевич, 637.

[3]) Лонгинов. 472

истинных купцов от разбойников»[1]). Такая выдача грамот купцам вообще практиковалась в те времена: по договору греков с дунайскими болгарами 715 г. в обеих странах купцов надлежало снабжать грамотами и печатями, в противном случае товары отбираются; в договоре Владимира св. с волжскими болгарами 1006 г. русским и болгарам предоставлено торговать по Волге и Оке с выдачей и тем и другим печатей. И впоследствии представление таких письменных свидетельств, выданных на родине купца, было обязательно для приезжих иностранцев в качестве удостоверений личности[2]).

Корабли посылаются в Византию—согласно этой статье—князем и боярами. Они отправляют послов и гостей, т.-е. своих собственных приказчиков и вольных гостей[3]). «А великий князь русский и бояре его да посылают в греки к великим царем гречьским корабли, елико хотять, со слы (с послами) и с гостьми якоже им уставлено есть» (т.-е. как установлено—по толкованию Владимирского-Буданова,—в договоре 907 г.). «Дань, которую собирал киевский князь, как правитель,—поясняет В. О. Ключевский,—составляла в то же время и материал его торговых оборотов: став государем, как конунг, он, как варяг, не переставал еще быть вооруженным купцом»[4]).

Наконец, ст. 8 договора 911 г. упраздняет береговое право. Как указывает Мейчик на основании источников—оно практиковалось в Византии еще в XII ст., причем суда, выбрасываемые бурей, подвергались разграблению не только тогда, когда они принадлежали иностранцам, но, повидимому, и будучи собственностью туземцев. Правительство пыталось бороться с «безумным обычаем», согласно которому прибрежные жители не только не оказывали никакой помощи кораблю, застигнутому бурей, а напротив, хуже всякого урагана разносили и расхищали все, чего не унесло море». В договорах, заключенных Византией с различными государствами, корабельщикам, потерпевшим крушение, предоставляется возможность спасать и продавать свой груз, местные же жители должны оказывать им помощь и получают за это вознаграждение[5]). И в ст. 8 договора 911 г. говорится о таком случае крушения греческой ладьи, и если при этом случается кто-либо из русских, то он обязан спасать (или охранять) ладью с грузом и провожать ее в землю христианскую (греческую) до безопасного места. Однако, статья эта вызвала много споров. Не ясно, где выброшен корабль и что следует понимать под «чужой» землей («аще вывертена ладья будет ветром великом на землю чюжю»). Лонгинов полагает, что чужая земля есть для греков земля русская, для русских—земля греческая, так что обе стороны взаимно гарантируют друг другу помощь при корабле-

[1]) Карамзин. Ист. госуд. Российск. I. 245.
[2]) Эверс. Древн. русск. право, стр. 20. Погодин I. 4. Стр. 115—16 Лонгинов, стр. 464.
[3]) Ключевский. Курс. I. 185.
[4]) Там же.
[5]) Мейчик Ж. М. Н. П. 1916. XI 71 сл.

крушении, тогда как он считает невозможным подводить под чужую землю страну третьего народа, ссылаясь при этом на другие договоры— нигде место разбития судна не переносится за пределы дружественной державы [1]). В этом смысле понимает эту статью Барац, переводя дальнейшую фразу «аще ли ключится тако же проказа лодьи Рустей, да проводим ю в Русскую землю» словами: равным образом такую же помощь должны оказывать и греки, если подобное несчастье случится русскому кораблю близ земли греческой» [2]). Напротив, А. С. Мулюкин утверждает, что чужая земля есть именно третья страна, а не греческая и не русская. Говорится об обязанностях русских, оказавшихся на месте крушения ладьи, отослать ее в Грецию, а также о том, что крушение произошло «близ земли Грецкыя»—значит, это не греческая земля. Но это и не земля русская, на что указывает случайное нахождение на месте крушения ладьи русских и налагаемая на них обязанность проводить ладью «в Русскую землю» [3]). Наконец, Мейчик полагает, что статья имеет односторонний характер, устанавливая обязанность только сопровождения русскими греческой ладьи, подвергшейся крушению, но не предоставляя тех же прав русским. Он указывает на то, что хотя в статье и упоминается о русской ладье, но последняя могла означать ладью греческую, отправляющуюся в Русь, подобно тому, как впоследствии на Руси называли гречниками русских купцов, торговавших в Греции [4]) [5]).

Статья эта во всяком случае любопытна в том смысле, что свидетельствует о готовности не только Византии, но и Руси уже в X в.

[1]) Лонгинов 545—46

[2]) Барац 131

[3]) Мулюкин К вопросу о договорах русских с греками Ж. М. Ю. 1906. XII 101

[4]) Мейчик 1916 XI 64—65

[5]) Стоит же спорно и окончание статьи В тексте говорится: «аще ли ключится тако же проказа лодьи Рустей, да проводим ю в Русскую землю и да продають рухло тоя лодьи и аще что можеть продати от лодьи, наволочим им мы Русь, да ведуть хлеб в Греки или с куплю или в солбу к нареви вашему, да пустим я с честью проданное рухло лодьи их». Соловьев переводит его так: если беда приключится близ земли русской, то корабль проводят в последнюю, груз продается и вырученное Русь привезет в Царьград, когда приедет туда для торговли или посольством (Нст Росс I. 120), следовательно, речь идет о русских, продавших груз и доставляющих вырученную сумму. Напротив, по Мейчику (стр 68—69), греки да продают груз этой ладьи на Руси, если что может быть продано, а с лодьи стащим его (груз) мы, Русь Когда же Русь отправится в Грецию с посольством или с товарами, то отпустим греческих купцов с миром и с вырученными ими деньгами

В передаче Соловьева смысл вполне ясен, но переводить слова «пустим я с честью проданное рухло им» словами «вырученное Русь принесет в Царьград» довольно рискованно. Вторая передача точнее, и в указании на право греков продать на Руси свой груз и увезти вырученные деньги нет ничего странного Необходимо было—как это делалось в других договорах, трактующих об отмене берегового права,—особо подчеркнуть, что спасенный с корабля груз принадлежит его владельцу и последний может распорядиться им по своему усмотрению Но непонятно, почему греки оставляются на Руси до отправления в Византию руссов с посольством или с товарами Быть может, такое сопровождение греков Русью имело место в целях безопасности путешествия

отказаться от берегового права и оказывать при кораблекрушении всякое содействие к спасению товаров и к возвращению их владельцам. Но утверждать, что она не имела действия на Руси, как делает А. С. Мулюкин, после изложенного было бы трудно. Есть основания предполагать, что она именно относилась к грекам, приезжавшим на Русь, и в этом отношении—как справедливо указывает Сергеевич,—является единственной, распространяющей действие договора 911 г. за пределы греческой территории. «Статьи частного международного права—продолжает он, — предназначались для действия только в пределах греческой территории и притом в столкновениях русских с греками. Надо было обеспечить спокойствие Константинополя и его окрестностей и в то же время удовлетворить русских, обычаи которых именно и угрожали спокойствию и безопасности греческих подданных». С одной стороны, греки сохраняли русские обычаи, поскольку они были терпимы, и даже ссылались на русский закон, «чтобы северные варвары видели, что в договорах содержится их право», с другой стороны, поскольку русские обычаи угрожали спокойствию и противоречили условиям культурной жизни, «их надо было искусно обойти и заменить началами греческого права». «Русь часто и в значительном числе приезжала в Константинополь, оставалось там подолгу и вела себя не совершенно спокойно... Но если греки и приезжали в Русь, то весьма редко». О пребывании их в Руси по своим делам указаний в источниках не встречается [1]).

На этой точке зрения стоят и другие авторы, указывая на то, что заинтересована в договорах «была Византия, а не Русь, для которой в то время даже выгоднее было быть свободной от всяких уз и препятствий в своих стремлениях к добыче» [2]), что «Русь ездила в Грецию, но не греки в Русь и в договорах нигде нет указаний, чтобы какое-нибудь из их постановлений имело применение в России. В самом деле, какой интерес для греков в смысле торговли могла представлять бедная Русь того времени? «Сам знаменитый путь из Варяг в Грекы... назывался путем в Грецию, а не из Греции» [3]).

Характер путешествий руссов в Византию можно усмотреть из описаний византийского императора Константина Багрянородного, жившего в X веке. Подвластные руссам славянские племена вырубают зимою в горах лес и строят из него ладьи, а когда растает лед, отводят их в близлежащие озера, сплавляют до Киева и здесь вытаскивают на берег и продают руссам. Руссы покупают одни остовы судов, весла же, уключины и другие снасти берут сами из старых судов. Снарядив таким образом суда, руссы спускаются по Днепру до Витичева, платящего им дань, и, прождав здесь два-три дня, пока соберутся однодеревки (лодки) из отдаленных местностей, отправля-

---

[1]) Сергеевич. 629—33.

[2]) Димитрову. К вопросу о договорах русских с греками. Визант. Времен. 1895 Стр. 542.

[3]) Мулюкин Ж. М Ю. 103—04

ются в путь. Первый днепровский порог Ессупи, к которому они подходят, очень узок и имеет высокие и острые камни, которые издали кажутся островами; руссы не решались плыть прямо через порог, а останавливались на некотором расстоянии от него, выходили на берег, оставив груз на судах, а затем, ощупав дно босыми ногами, с великой осторожностью проводили суда чрез это узкое место между торчащими камнями и берегом. Таким же образом они проходили второй и третий порог и достигали четвертого, где оставляли часть своей дружины на страже из-за печенегов, вытаскивали из лодок груз и высаживали скованных невольников, которых вели на расстоянии 6 тыс. шагов, пока не миновали порога. Прочие же тянули суда волоком или несли их на плечах, а за порогом спускали их опять в воду, снова погружали и плыли далее. Минуя остальные пороги, руссы подходят к карийскому перевозу, куда являются печенеги для нападения на них. Затем под'езжают к острову св. Григория, после чего им не приходится опасаться печенегов уже до самой реки Селины. В четыре дня достигают устья Днепра, где находится остров св. Эферия, здесь отдыхают два-три дня и в это время снабжают суда парусами, мачтами, веслами, которые привозят с собой, а затем продолжают путь к реке Селине, рукаву Дуная. Но тут их снова со всех сторон окружают печенеги, и если, как нередко бывает, вода прибьет однодеревку к берегу, то все выходят из нее, чтобы общими силами вступить в борьбу с печенегами Переплыв Селину, руссы входят в устье Дуная, из Дуная проходят через Конопу, а затем Констанцию к рекам Варне и Дицине, которые все текут по стране булгарской. Оттуда они направляются в область Месемврийскую и таким путем совершают свое трудное, исполненное опасностей и препятствий, путешествие [1]).

К этому имп. Константин прибавляет, что зимою, с наступлением ноября, князья руссов со всем народом покидают Киев и отправляются в другие города или в земли древлян, дреговичей, кривичей, северян и прочих славян, им подвластных. Здесь проводят они зиму, а когда вскроется Днепр, возвращаются обратно в Киев и, собрав свои суда и надлежащим образом снарядив их, ибо их могут тревожить печенеги, совершают указанный путь в Грецию.

Как бы мы ни относились скептически к торговле руссов с Византией, но нельзя отрицать того, что независимо от приведенных выше статей договоров, трактующих о торговле, в этом путешествии, описанном Константином, имеется не что иное, как плавание с торговой целью. Тот груз, который руссы у первого порога оставляли на судах и который у четвертого

[1]) Stritter. Memoriae Populorum etc. II, p. 975 сл. § 34 сл

порога нагружали (вещи—res), состоял не из одних только припасов на время пути и снасти, которыми они снаряжали суда на острове Эферия[1]), но несомненно также из товаров, везомых в Византию. Таким же товаром являлись и упоминаемые Константином закованные невольники. С какой стати их везти в таком виде, если не для продажи? И вообще из всего описания путешествия получается впечатление, что оно производилось с торговой целью; на военный набег оно совершенно не походит. Другое дело, что главным товаром, доставляемым в Византию, являлись, повидимому, эти невольники, а остальные товары были результатом тех зимних путешествий князей по покоренным землям, которые совершались ради получения дани (полюдия).

Читая этот рассказ императора,—говорит В. О. Ключевский,—легко понять, какими товарами грузила Русь свои торговые караваны лодок, сплавлявшихся летом к Царьграду. это была дань натурой, собранная князем и его дружиной во время зимнего об'езда, произведения лесных промыслов, меха, мед, воск. К этим товарам присоединялась челядь, добыча завоевательной дружины[2]).

Киевский князь «делился со своей дружиной, которая служила ему орудием управления, составляла правительственный класс. Этот класс действовал, как главный рычаг, в том и в другом обороте, и политическом, и экономическом: зимою он правил, ходил по людям, побирался, а летом торговал тем, что собирал в продолжение зимы... К торговому каравану княжескому и боярскому примыкали лодки и простых купцов, чтобы под прикрытием княжеского конвоя дойти до Царьграда».

Вообще все путешествие, как заметил еще Погодин, было столь же торговым, как и военным, ибо каждый раз приходилось отбиваться от печенегов; неудивительно, что «торговые караваны имели характер военный»[3]). Но они были военными не только в виду необходимости отражать нападения, но и потому, что караван и сам производил нападения—переход от обороны к наступлению был весьма прост и легок. Это вполне соответствовало характеру деятельности норманнов.

«Северные викинги занимались торговлей и разбоем одновременно, иногда отправляясь для грабежа, иногда для обмена и нередко торговые путешествия у них соединялись с военными плаваниями. В таком случае они заключали перемирие с прибрежными жителями тех местностей, куда они приставали, чтобы торговать с ними, обменивая одни товары на другие

---

[1]) Так это об'ясняет Егунов («Современн.» 90 сл.).
[2]) Ключевский. I. 185.
[3]) Погодин. Исслед. III. 252—53

Но как только обмен заканчивался, назначенный для него срок приходил к концу, мир снова прекращался и снова возобновлялись военные действия»[1]).

Так поступали, повидимому, и руссы—те же норманны. И по поводу руссов имп. Константин говорит, что они приходят в Царьград sive belli sive commerci causa—ради войны или ради торговли[2]).

Любопытен не только факт соединения торговли и разбоя в руках одних и тех же лиц, как указывал еще Егунов и как признают современные исследователи[3]), но не менее характерны и об'екты торговли—продукты лесных промыслов и рабы. Ольга в бытность свою в Константинополе обещает прислать челядь, воск, меха [4]); те же продукты (скора, воск, мед и челядь) вывозились, по словам Святослава, из Руси на Дунай [5]). На первом плане стояла, повидимому, торговля рабами, откуда славяне и получили свое название sclavi (т.-е. рабы)[6]). «Обрусевший норман оставался работорговцем»[7]). Поскольку производилась торговля, а не грабеж, последний все же предварительно должен был иметь место—надо было добыть живой товар для продажи. Происходило «внеэкономическое» присвоение[8]). При таких условиях едва ли можно преувеличивать значение этой торговли в первобытную эпоху экономической истории России и говорить о существовании больших торговых городов на Руси того времени, как утверждает Ключевский[9]).

С незапамятных времен—читаем у Ключевского—«Днепр был главной хозяйственной артерией, столбовой торговой дорогой для западной полосы равнины». По Днепру шел «путь из Варяг и Греки», «своим низовым течением и левыми притоками Днепр потянул славянских поселенцев к черноморским и каспийским рынкам. Это-то торговое движение вызвало разработку естественных богатств занятой переселенцами страны... С тех пор меха, мед, воск стали главными статьями русского вывоза». «Следствием успехов восточной торговли славян—читаем далее—завязавшейся в VIII в., было возникновение древнейших торговых городов на Руси. Повесть о начале Русской земли не помнит, когда возникли эти города—Киев, Переяславль, Чернигов, Смоленск, Любеч, Нов-

---

[1]) Стрингольм, Erslis saga I. 257. Погодин. III. 254

[2]) Suite II, p 981 § 34.

[3]) Первый вообще утверждает, что Русь имела в виду не торговый обмен, а добычу, вторые подчеркивают, что она «столько же намеревалась торговать, сколько и грабить» (Мулюкин, 104), что она «прибывая в Византию, обнаруживала стремление к добыче» (Димитриу, 542), что грекам необходимо было позаботиться об обуздании приезжавшей в Царьград Руси (Сергеевич, 629)

[4]) Лавр. лет., 955 г.

[5]) Там же, 969 г.

[6]) Иконников. II, ч. II, стр. 151.

[7]) Покровский. Ист. культ. I. 56.

[8]) Покровский. Русск. ист. I. 64

[9]) Ключевский. I. 149 157

город, Ростов, Полоцк... Довольно беглого взгляда на географическое размещение этих городов, чтобы видеть, что они были созданы успехами внешней торговли Руси... Возникновение этих больших торговых городов было завершением сложного экономического процесса, завершившегося среди славян на новых местах жительства... Восточные славяне расселялись по Днепру и его притокам одинокими укрепленными дворами. С развитием торговли среди этих одиночек возникли сборные торговые пункты, места промышленного обмена, куда звероловы и бортники сходились для торговли, для гостьбы, как говорили в старину... Мелкие сельские рынки тянули к более крупным, возникавшим на особенно бойких торговых путях. Из этих крупных рынков, служивших посредниками между туземными промышленниками и иностранными рынками, и выросли наши древнейшие торговые города по греко-варяжскому торговому пути» [1]).

Правильнее будет сказать, что эти города великого водного пути времен Олега и Игоря были просто стоянками купцов-разбойников, как их характеризует М. Н. Покровский [2]). О торговых городах нам ничего неизвестно, были только городища, укрепленные места. Сам же Ключевский указывает не то, что имелись лишь пункты, куда бортники и звероловы сходились для торговли. Как мы увидим ниже, и в следующие столетия влияние обмена на хозяйственную жизнь было еще весьма слабое [3]).

Мы имеем перед собой в эту эпоху тот строй, который обычно именуется первобытным. Конечно, возникает вопрос, насколько с ним совместимо вообще существование обмена. Однако описания путешественников свидетельствуют о том, что не-европейские народы иногда производят обмен даже на весьма ранней ступени хозяйственной жизни, когда весь остальной экономический строй еще сохраняет примитивный характер [4]). Лишь с дальнейшим ростом обмена и весь характер хозяйственной жизни должен измениться, именно по мере того, как обмен становится существенным фактором в хозяйстве

---

[1]) Ключевский. Курс. I. 144—45 148—49
[2]) Покровский Русск. ист. I 81.
[3]) Плеханов. I. 56 сл. и ниже.
[4]) И все же едва ли можно говорить—как это делает В. В Святловский—о примитивно-торговом государстве (Святловский. Примитивно-торговое государство как форма быта. 1912), ибо торговое государство означает не такое, которое вообще знает торговлю, а такое, где торговля достигла уже значительного развития, играет роль в хозяйственной жизни. Между тем это с примитивным хозяйственном строем не совместимо—рост торговли должен немедленно вести к разложению последнего, так что такая характеристика, как примитивно-торговая организация невозможна; одно исключает другое.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ.

Удельный период (XI—XV ст.)

Источники.

Полное Собрание Русских Летописей, изд. Археогр. Комисс. Сказание о святом Борисе и Глебе, изд. *Срезневским.* 1860. Житие преподобного Варлаама Хутынского, изд. Общ. Древн. Письм. Патерик Печерский. Русская Правда, изд. *Сергеевича* и в Хрестоматии *Владимирского Буданова,* I Собрание Государственных Грамот и Договоров *Румянцевск.* т. I. (с 1265 г.). Акты, собранные Археографической Экспедицией Имп. Акад. Наук, т. I. 1836 (с 1294 г.). Акты Исторические, т. I. 1841 (с 1334 г.). Дополнения к Актам Историческим, т. I. 1846. Акты, относящиеся к истории Западной России, т. I. 1846 (с 1340 г.). Акты Юридические или собрание форм старинного делопроизводства. 1838. (с XV в.). Акты, относящиеся до юридического быта древней России, (т. I—III. 1857. 1864. 1884 (небольшое количество актов периода, предшествующего XVI в.). Архив *П. М. Строева,* т. I. 1915 (первые 69 грам. относятся к XV в.). Псковская Судная грамота (1397—1467), изд. Археографической Комиссии 1914 г. и в Хрестоматии Владимирского-Буданова, т. I Новгородская Судная грамота 1471 г. (в той же Хрестоматии, ч. I. Там же различные уставные грамоты). Сборник Грамот Коллегии Экономии, т. I. 1922. (есть грамоты XV в.). Сборник *Муханова.* 1866. Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России, собр. и изд. *Дедюв-Чеховской.* Грамоты Моск. Арх. Мин. Юстиц., изд. *Мейчик.* Акты XIII—XVII в., представленные в разрядный приказ, изд. *Юшков.* (Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1898. II—IV).

Специально *по истории торговли Руси с Ганзой.* Русско-ливонские акты, собранные *Напьерским.* 1868. Грамоты, касающиеся до сношения с Ригою и ганзейскими городами в XII, XIII и XIV веке, собран. *Напьерским.* Изд. Арх. Комис. 1857. Памятники истории Великого Новгорода, под ред. *Вихрушина* (памятники Русской Истории, вып. II). *Sartorius-Lappenberg.* Urkundliche Geschichte des Ursprunges der Deutschen Hanse. 1830. Liv-Est-und Curländisches Urkundenbuch. Erste Abteil, B. I—XII (1093—1476). 1853—1910. *Goetz.* Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters. 1916. *Hildebrand.* Das Rigische Schuldbuch (1226—1352) 1872. Die Recesse und andere Akten der Hansetage von 1256—1430, herausg. durch die histor. Kommission bei der Königl. Akad. der Wissensch. zu München. bearb von *Koppmann.* B. I—VII. 1870—1897. Hanserecesse von 1431—1476, bearb. von *Ropp* B I—VII 1876—92. Hansisches Urkundenbuch B. I—X. bearb von *Höhlbaum* (B I—III), *Kunze* (B. IV—VI), *Stein* (B. VIII—X). 1876 г. и сл. Codex Diplomaticus Livoniae, Estoniae et Curlandiae. Abt. I. Urkundenbuch der Stadt Lübeck. 1843 г. и сл. Schlüter. Die Novgoroder Schra in sieben Fassungen vom XIII—XVII Jahrh. 1911. Третья Новгородская скра. Текст и рус. пер. с предисл. *Тиля.* (Чтен. Общ. Ист. и Др. 1895. IV) *Андреевский.* О договоре Новагорода с немецкими городами и Готландом. 1855. (В прилож. договор и текст скра).

Литература.

Кроме общих сочинений по русской истории, по истории русской культуры, русского права и экономической жизни, указанных на стр. 9—10, еще следующие книги и статьи:

По вопросам *колонизации и населения. Голубовский.* Печенеги, Торки, Половцы. 1881. Его же. История Северской земли до конца XV века. 1880. *Грушевский* Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV в. 1891. *Лященко.* История Переяславской земли до XIII в 1897. *Андриашев.* Очерк истории Волынской земли. 1887. *Молчановский.* Очерк известий о подольской земле до 1434 г. 1886. *Довнар-Запольский.* Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия. 1891. *Корсак в.* Меря и Ростовское Княжество. 1872. *Иловайский.* История Рязанского княжества до конца XIV в. (Сочинения 1884). *Костомаров* Северно-русские народоправства. I—II. 1863. *Никитский.* История экономического быта Великого Новгорода. 1893. Его же. Очерк внутренней истории Пскова. *Шахматов.* Введение в курс истории русского языка. 1916 *Любавский.* Возвышение Москвы (Москва в прошлом и настоящем, ч. I). *Полежаев* Московское княжество в половине XIV в. 1878. *Забелин.* История города Москвы. 2-е изд. 1905. *Барсов.* Очерки русской исторической географии. 1885. *Сердонин.* Историческая география. 1916.

По вопросам *сельского хозяйства и аграрного строя. Ключевский.* Подушная подать и отмена холопства в России. (Опыты и исследования) *Блюменфельд.* О формах землевладения в древней России. 1884. *Соколовский.* Экономический быт земледельческого населения России. 1878. *Рожков.* Натуральное хозяйство и формы землевладения в древней России. (Социологические очерки. т. I). Его же. Очерки юридического быта по «Русской Правде». Ж. М. Н. П. 1897. XII. *М. И Покровский.* Отражение экономического быта в «Русской Правде». (Русская история с древн. времен. I). *Мрочек-Дроздовский.* Исследования о «Русской Правде». (Зап. Моск. Унив. Юрид. Отд. IV). Его же в Чт. О. И. и Др. 1885. *Бедров.* О денежных пенях по «Русской Правде» (Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1876 II) *Лопарович.* О значении верви по «Русской Правде». Ж. М. Н. П. 1867. IV. *Goetz.* Das Russische Recht. B. I—IV. *Древняков.* Княжое право в древней Руси. 1909. *Бахрушин.* Княжеское хозяйство XV и пер. пол. XVI века. (Сборн. статей, посвящ. Ключевскому). *Милютин.* О недвижимых имуществах духовенства в России. 1861. *Горчаков.* О земельных владениях всероссийских митрополитов и патриархов. 1871. *Панов.* Льготное землевладение в Московском госуд. до конца XVI в.. 1911. *Никитский.* История экономического быта Вел. Новгорода. 1893. *Гневушев.* Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области, т. I. Сельское население Новг. обл. по писцовым книгам 1495 — 1505 г.г. ч. I. 1915. *Леонтович.* Крестьяне юго-западной Руси. 1863. *Владимирский-Буданов.* Население Юго-Западной России от пол. XII до пол. XIV ст. (Арх. Юго-Зап. России. т. VII, I, 2). *Романов.* Смердий конь и смерд. (Извест. Акад. Наук Отд. Русск. яз. и слов, 1908. III). *Яковкин.* Закупы Русской Правды. Ж. М. Н. П. 1913. IV. V. *Ясинский.* Закупы Русской Правды и памятников западнорусского права. 1904. *Удинцев.* История займа. 1908. *П. И. Беляев.* Холопство и долговые отношения по древне-русскому праву. Юридическ. Вестн. 1915. Его же. Древне-русская сонерия. Ж. М. Ю. 1916. VII. VIII. *Павлов-Сильванский.* Закладничество — патронат. Зап. Имп. Археол. Об. т. IX. 1, 2. 1897. *Сергеевич.* Закладничество в древней Руси. Ж. М. Н. П. 1901. XI.

По вопросам *городов, промыслов, торговли (вообще, кроме ганзейской), денежного обращения, кредита. Лешков.* Русский народ и государство. 1858. *Самоквасов.* Города древней Руси. 1873. *Костомаров.* Северно-рус

ание народоправства. 1863. *Хмыров.* Металлы, металлические изделия и минералы в древней России. 1875. *Забелин.* О металлическом производстве в России до XVII в. кн. Зап. Моск. Археол. Общ. V. *Гессен.* К истории труда в древней Руси. Арх. Ист. Тр., к. 4, 5, 8. *Висильевский.* Древняя торговля Киева с Регенсбургом. Ж. М. Н. П. 1888. VII. *Ключевский.* Рассуждение о кожаных деньгах. 1849. *Прозоровский.* Монеты и вес России до XVIII ст. 1865. Его же. О куниых ценностях. Сб. Арх. Инст. т. II. *Тотомой.* Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского 1882. *Трутовский.* Русские монетные ценности и техника чеканки монет на монетарах XVI ст. 1911. Его же. Что такое ногата. 1901. *Бодянский.* Русские монетные гривны их форма и происхождение. Археол. Летопись Южной России. 1903. *Урванцев.* О гривенной денежной системе по древним кладам. Труды Моск. Нумизмат. ч. Общ. т. II. 1901. *Святловский.* Примитивно-торговое государство как форма быта. 1912. *Кулишер.* Серебряный рубль в России. 1910. Его же. Русский вес, его развитие и происхождение. 1906. *Зверовский.* Исторический очерк займа по русскому праву до конца XII ст. 1875. *Удинцев.* История займа. 1908. *Яковкин.* Закупы Русской Правды. Ж. М. Н. П. 1913 г. IV. V.

По вопросам *торговли с Гизнзой. Нитский.* Экономический быт Вел. Новгорода. 1893 и ст. *Лаппо-Данилевского* о нем. Ж. М. Н. П. 1895. XII. *Брежков.* О торговле Руси с Ганзой до конца XV ст. 1878. Его же. Торговля Ганзы в XIII и XIV ст. Ж. М. Н. П. 1877. II. *Winckler* Die deutsche Hansa in Russland. 1886. *Buck.* Dis deutsche Hanse in Nowgorod bis zur Mitte des XV. Jahrh 1895. (Jahresber. der St. Annen Schule). *Hildebrand.* Das deutsche Kontor zu Polozk. Balt Monatsschr. XXII. 1873. *Hausmann.* Der Hof von St. Peter zu Nowgorod, Balt. Monatsschr. 1904. *Riesenkampff.* Der deutsche Hof zu Nowgorod. *Gurland.* Der St. Peterhof zu Nowgorod (1351—1494). 1913. *Hennig.* Zur Verkehrsgeschichte Ost und Nordeuropas im 8 bis 12. Jahrh Historische Zeitschrift. 1915 *Höhlbaum.* Die Gründung der deutschen Kolonie an der Düna Hansische Geschichtsblätter. 1872. *Bugge.* Die nordeuropäischen Verkehrswege im frühen Mittelalter Vierteljahrschrift für Sozial-und Wirtschaft-geschichte. B. I. 1906. Его же. Kleine Beiträge zur ältesten Geschichte der deutschen Handelsniederlassungen im Ausland. Там же. B. VI. 1908. *Von der Osten Sacken.* Der Kampf der lievländischen städte um die Vorherrschaft im Hanse contor zu Nowgorod bis 1442 Beiträge zur Kunde Est-Liv-und Kurlands. B. VII. 1912 *Schlüter* Die Nowgoroder Schra in ihrer geschichtlich n Entwicklung vom XII bis zum XVII. Jahrh. Sitzungsberichte der gelehrten Esthnischen Gesellschaft. 1911. *Goetz.* Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. 1922. *Bächtold.* Der norddeutsche Handel im 12. und beginnenden 13. Jahrh. 1910 (Abhandl. zur mittleren und neueren Geschichte. H. 21) *Bunge.* Die Stadt Riga im XIII und XIV Jahrh. 1878. *Frensdorff.* Das statutarische Recht der deutschen Kaufleute in Nowgorod. Abhandlungen der Königl. Gesellsch. der Wissensch. zu Göttingen. 1887. B. 33, 3.

Мы рассмотрели древнейшую эпоху до X ст.—первобытный период; при изучении дальнейшей истории экономического развития России едва ли есть основание разбивать следующую эпоху XI—XV ст. (точнее с половины XI до половины XV ст.) на две части. В политической истории несомненно с XII ст. происходит значительная перемена, она обнаруживается и в хозяйственной области в том, что место деятельности переносится с юга на северо-восток. Но перемена места отнюдь не означает изменения в характере хозяйственной жизни. Натуральное замкнутое (вотчинное) хозяйство господствует в Киев-

ской Руси, оно сохраняется в Суздальской, первоначально и в Московской. Только XVI век обозначает перемену—не только наступление денежного и товарного хозяйства, но и постепенное образование рынка, выходящего за пределы местного. Плеханов справедливо называет историю России историей страны, колонизовавшейся при условиях натурального хозяйства, хотя он распространяет эту характеристику и за пределы XV ст. [1]).

Правда, Ключевский, чрезвычайно преувеличивающий роль и значение торговли в Киевскую эпоху, в силу этого, не может не противополагать ей верхневолжскую Русь. Там внешняя торговля являлась «главной пружиной народного хозяйства» и сна «создала многочисленные города, служившие крупными или мелкими центрами торговли», здесь, «вследствие удаленности от приморских рынков, внешняя торговля не могла стать главной движущей силой народного хозяйства» [2]). Нельзя, конечно, отрицать того, что прекращение торговли с Востоком, потеря прежнего значения великим водным путем из варяг в греки с XIII ст. не могла не отразиться на хозяйственной жизни страны вообще и на роли городов, лежавших на этом пути, в частности. Но, с другой стороны, именно с конца XII ст. создается новый товарообмен на севере Руси—с Ганзой, не менее оживленный, чем тот, который прежде происходил с Византией. Следовательно, и торговые центры передвинулись лишь с юга на север—Киев уступил место Новгороду. Мы не хотим преувеличивать значения торговли последнего с немцами для прочих областей Руси, но все же полагаем, что на междуречьи между Окой и верхней Волгой развитие ее не могло не отразиться и поэтому едва ли есть основание проводить значительное различие между ролью торговли в Киевскую эпоху и в северо-восточной Руси XIII—XV столетия.

М. Н. Покровский в одном из своих сочинений говорит о периоде городского хозяйства, предшествовавшем эпохе народившегося капитализма, и обращает внимание на появление нового общественного класса ремесленников уже в Киевской Руси. Он находит, что те формы ремесла, которые знакомы московскому государству XVI ст., существовали уже гораздо раньше в Киевской Руси [3]). К сожалению, в отношении периода, предшествующего XVI веку, мы располагаем слишком бедным материалом относительно характера ремесла того времени, чтобы его можно было сопоставить с ремеслом XVI ст. Но поскольку такое сравнение возможно, нам думается, что ремесло XVI ст. все же (см. т. II) обнаруживает значительные успехи, по сравнению с предыдущим периодом, в особенности

[1]) Плеханов. I. 82.
[2]) Ключевский. I. 382.
[3]) Покровский. Ист. русск. культ. I. 80 сл.

в смысле дальнейшей дифференциации промыслов и нарождения новых отраслей производства. Есть основание утверждать, что в XVI ст. ремесло являлось существенным фактором в хозяйственной жизни страны и характерной чертой городов того времени, тогда как едва ли в Киевской Руси ему можно придавать такое значение. В эту эпоху оно находилось, повидимому, еще в зачаточном состоянии, делало лишь первые шаги, производство для местного рынка еще только зарождалось. Как указывает Н. А. Рожков, обрабатывающая промышленность в Киевской Руси была совершенно ничтожна, по сравнению с другими отраслями хозяйства [1]). Выделение ремесленников только «началось» в Киевской Руси—как упоминает сам же М. Н. Покровский в одном месте—тогда как в XVI ст. этот общественный класс уже был на лицо—общественное разделение труда совершилось [2]).

По всем указанным соображениям мы считаем все же наиболее целесообразным рассматривать весь период XI—XV ст. как одно целое, как эпоху замкнутого натурального хозяйства, сущность которого не изменялась ни вследствие существования торговли, производимой сначала с Востоком, затем с Западом, ни от постепенно нарождавшегося ремесла.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Колонизация. — Лесные промыслы и рыболовство. — Земледелие. Скотоводство.

I

С XII ст. идет усиленное движение населения с юга на северо-восток, из Киевского, Переяславского и Черниговского княжеств на Оку и Верхнюю Волгу, в Ростово-Суздальскую землю. Здесь, в междуречье, возникают один за другим новые города—в 1134 г. Кснятин, в 1147 г. Москва, в 1150 г. «Юрьев в поле» или «Польский», в 1154 г. Дмитров, в 1155 г. Боголюбов; появляется Тверь, Городец, Кострома, Стародуб, Галич, Звенигород, Вышгород. «Я всю Белую (Суздальскую) Русь городами и селами великими населил и многолюдной учинил»—заявляет Андрей Боголюбский. Эти новые суздальские поселения наполняются жителями из Поднепровья. «Надобно вслушаться в названия новых суздальских городов—говорит Ключевский—Переяславль, Звенигород, Стародуб, Вышгород, Галич,—все это южно-русские названия, которые мелькают

[1]) Рожков, Обзор рус. ист. I 21
[2]) Покровский, Ист культ. I. 78.

чуть не на каждой странице старой киевской летописи в рассказе о событиях в южной Руси... Имена киевских речек Лыбеди и Почаины встречаются в Рязани, во Владимире на Клязьме, в Нижнем-Новгороде. Имя самого Киева не было забыто в Суздальской земле», встречаются села Киево и Киевцы и речка Киевка. Еще любопытнее то, что в древней Руси известны были три Переяславля, южный или русский, Переяславль «Рязанскии» (Рязань) и Переяславль «Залесский» и все они стоят на реке Трубеже—так названы все три реки, в последних двух случаях по имени южного Переяславля на Трубеже. Эти имена перенесны переселенцами с юга, согласно обычаю всех колонистов: «по городам Соединенных Штатов можно репетировать географию доброй доли Старого Света» [1]).

Соловьев указывал на подвижной, бродяжнический характер русской жизни, как на отличительную черту русской истории, на то, что от всех бедствий русский человек всегда искал спасения в бегстве—«брести розно» было ни по чем: «с легкостью русский человек покидал свой родной дом, свой родной город или село» [2]). Точно также и Щапов утверждал, что огромное равнинное пространство и обилие земель простором своим, невольно, вызывали массу к свободному, привольному разгулу по земле, к постоянным переходам с места на место, приучали к полукочевому земледелию, к полукочевой, полуномадной колонизации [3]).

Против этого приписывания русскому человеку какой-то особой, ему одному свойственной склонности к бродяжничеству справедливо возражали Беляев и Соколовский, находя, что обзаведение хозяйством было сопряжено для крестьянина с таким трудом, что на перемену места он мог решаться лишь в крайнем случае [4]). Еще решительнее восставал Павлов-Сильванский против преувеличения Соловьевым подвижности Руси до фантастических размеров [5]).

Однако, тот-же Соловьев признает, что причины передвижения русского населения таятся не в склонности его к бродяжничеству, а в совершенно ином: крестьянин «уходит от татарина, от Литвы, от тяжелой подати, от дурного воеводы» [6]). Экономическими причинами прежде всего об'яснялось бегство населения как у нас, так и на Западе, причем и в отношении Западной Европы едва-ли можно утверждать, как это делает П. Н. Милюков—что «передвижение этнографических масс улеглось в общих чертах к VIII-IX векам... когда только что началась наша история» [7]). К тому времени Западная Европа еще далеко не вполне

---

[1]) Ключевский. I. 356 сл.
[2]) Соловьев Русская История, т XIII. 664.
[3]) Щапов. Сочинения, II, 233.
[4]) Беляев. Крестьянство на Руси. 91. Соколовский. Экономический быт земледельческ. населен., 169 сл. См. также Янишкий. Экономич. кризис в Новгородской области XVI в., 116 сл.
[5]) Павлов-Сильванский, 15.
[6]) Огановский, 19 сл.
[7]) Милюков. Ист. русск. культ. I. 54

«уселась на месте»: XII—XIV ст. характеризуются обильным потоком населения с запада на восток, в заселенные ранее славянами и ныне колонизуемые германцами земли. Этот уход крестьян на Восток, с одной стороны, и прекращение его с конца XIV ст., с другой, сыграли большую роль в экономической истории Запада [1]). Но в XV ст. уже не было свободных мест—некуда было итти от гнета, негде было искать свободных земель западно-европейскому крестьянину. Иное дело на Руси—там еще долго был простор, куда можно было спасаться.

Одновременно с уходом населения с Днепра, Буга и Днестра в Верхнее Поволжье происходит запустение южной Руси, а вместе с тем и обеднение ее. В 1157 г. Святослав Ольгович заявляет: «взял город Чернигов с семью другими городами, да и то пустыми, живут в них печери да половцы». Начавшееся в XII в. запустение было завершено татарским погромом 1229—1240 г.г.; с этого времени старинные области Киевской Руси превращаются в пустыню со скудным остатком прежнего населения. Проезжавший в 1246 г. через Киев на Волгу к татарам Плано Карпини в своих записках замечает, что Руси осталось очень мало: она либо перебита, либо уведена татарами в плен. На всем пройденном им пространстве в Киевской и Переяславской земле он встретил по пути лишь бесчисленное множество человеческих костей и черепов [2]).

Однако, татарское нашествие было лишь последним ударом. Киевская Русь уже раньше была опустошена вековым натиском кочевников, остановивших рост производительных сил населения и оттеснивших ее от берегов Черного моря. Не меньше разоряли землю и сами русские князья, ходившие за полоном и возвращавшиеся домой «ополонившися челядью». Они же нанимали и половцев для содействия им в разорении земли русской. Истощали они землю и данями, вирами и продажами всякого рода. Приобретаемые вне-экономическим путем произведения лесных промыслов Полесья постепенно оскудели, богатства же северных областей находили себе сбыт через Новгород к Балтийскому морю. Наконец, взятие Царьграда крестоносцами и изменение торговых путей с XIII века довершили упадок южной Руси. Все эти причины, вместе взятые, и вызвали отлив населения к северо-западу [3]).

Как указывает Любавский, «в XII и большей части XIII века население Суздальской земли группировалось преимущественно в средней ее части и восточной, а западная окраина ее, территория позднейшего княжества Московского и Твер-

[1]) См. мои Лекц. по истории эконом. быта Западн. Европы. 6-е изд. Т. I. 94 сл. 109.

[2]) Ключевский. I, 349, 351 сл.

[3]) Ключевский. I, 342 сл. 346. сл. 349 сл. Покровский. Русск. ист. I. 96 сл. Смирнов. Москва в XIV—XV в. стр. 2 (Русск. ист. под ред. Довнар-Запольского, т. II).

ского, была слабо заселена... На такое именно, а не иное размещение населения указывает и самое распределение княжений в Ростово-Суздальской области в XIII веке». Однако сюда именно направлялись удары татарских полчищ и поэтому население не могло здесь задерживаться, предпочитая уходить дальше на север и запад. «Перелив населения с востока на запад Суздальской земли и обусловил естественно возвышение княжеств, лежавших на западе этой земли,—Тверского и Московского [1]). Сюда татары редко попадали, только нашествие 1293 г. захватило и Москву. Но географическое положение Москвы доставило оседавшему здесь населению и другие выгоды. Город Москва возник на пункте пересечения трех больших дорог. От Москвы шла «великая дорога Володимерьская», через нее пролегала дорога с Киевского и Черниговского юга на Переяславль-Залесский и Ростов, Ламским же волоком Москва соединяла верхнюю Волгу со средней Окой и на этом самом перевале возник торговый пункт Волок на Ламе (Волоколамск), построенный новгородцами и служивший им складочным местом в их торговых сношениях с бассейном Оки и с областью средней Волги. Так что устанавливалась непосредственная связь Москвы с Новгородом, наиболее важным торговым центром того времени, вследствие его торговых сношений со странами, лежавшими у Балтийского и Северного морей, производимых при посредстве ганзейских купцов [2]).

На перемещение торговых путей, вызвавших упадок Киева и на возвышение Москвы, обращает внимание Забелин. Упадок Киева «происходил не от разорений во времена княжеских усобиц или татарских нашествий, но главным образом оттого, что торговые пути к началу XIV ст. направлением итальянской (генуэзской) торговли, стали переходить с устья Днепра к устью Дона, из древнего Корсуня в новую Тану в местности древнего Танаиса, вследствие чего и княжеские и татарские разорения были столь губительны для упадавшего города». В то же время Москва становится средоточием торговых путей с Запада на Восток, почему и самые беспощадные разорения не могли задержать ее роста. Она находилась на перекрестном и бойком пути у перевала из речной долины Москвы реки в речную же долину Клязьмы, вблизи двух небольших рек: Восходни (ныне Сходни) и Яузы, вершины которых достигали этого перевала и служили удобною дорогой, пролегавшей в лесных дебрях, как с запада, так и с юга [3]).

II.

Вплоть до XV ст. среди занятий населения еще попрежнему играли большую роль охота, пчеловодство и рыболовство.

---

[1]) Любавский Лекц. по древн. русск. ист., 215 сл.

[2]) Ключевский. Т. II, 6, 10 сл.

[3]) Забелин История города Москвы. I 1902 Стр. 7, 21—22. Ср. Покровский. Рус. Ист. I, 174.

Бобровые гоны, бортные ухожья, рыбные езы (ловитвы—ловли) встречаются на каждом шагу. В грамотах постоянно упоминаются бобровники и ловчие, идет речь о ястребиной и соколиной охоте, встречаются борти и бортные деревья, в которых гнездятся дикие пчелы, бортные леса и бортные деревни, наконец, широко распространены рыбные ловли, необходимые в виду многочисленных постов.

В договорах Новгорода с князьями, им предоставлено право летом зверей гонять, в отдалении от города свиней бить [1]). «Тура мя два метала—рассказывает Мономах в своем «Поучении»—на розех и с конем, олень мя один бил, а два лоси, один ногами топтал, а другой рогами бил, вепрь ми на бедре мечь оттял, медведь ми у колена подклада укусил, лютый зверь скочил ко мне на бедры и конь со мною поверже» [2]). Из этого видно, что в лесах Черниговской области водились в XII столетии дикие быки, олени, лоси, кабаны, волки и медведи. Водились и дикие кони: «конь диких (Мономах) своими руками связал (есмь) в пушах 10 и 20 живых конь». Охотой, как и прочим хозяйством, он сам ведал («ловчий наряд сам держал») «и о соколех и о ястребех» заботился. При помощи соколов (кречетов) и ястребов ловили птиц и зверей, почему они весьма ценились: «а что поимали на Вологде кречеты и сребро дали им назад»—говорится в договоре князя Юрия с Михаилом Тверским 1318 г.). Зверей травили и собаками; ими пользовались в особ. для ловли бобров: «и собаки держати и сети, как мога, так бобра им ловити»—говорится в грамоте Витовта 1453 г.; «а бобровник один с конем и со псом»—читаем в грамоте пол. XV стол. [3]). Русская Правда определяет: «аще кто украдет бобр, то 12 гривен продажи»—столько же сколько за убийство холопа [4]). Столь высокое наказание может быть об'яснено лишь в том случае, если принять толкование Мрочек-Дроздовского, что дело идет не об отдельном бобре, а о недозволенной охоте на бобра в чужом владении [5]). В грамоте Казимира Польского к князю Федору Рязанскому идет речь о такой запрещенной охоте на бобров, которая особо подчеркивается; «люди твои зверь бьют... и ты бы людем своим приказал, ажбы в нашей земле звери не били, а пчелы не драли, а по рекам бобров не били» [6]). В источниках часто упоминается о княжеских бобровниках. «Ловчие же вел. князя и бобровники бобров у них не ловят, ни в деревнях ся у них не ставят, а кормов себе у них не емлют»; княжеский бобровник в «его (монастыря) уезд не въезжает», «мои бобровники и бортники по рекам и по лесом ходят, а в их селех в монастырских их крестьян монастырских на дело не емлют, ни кормов, ни

---

[1]) С. Г. Г. и Д. I. №№ 1, 2, 3, 8, 9, 20 и др

[2]) Лавр. лет. 1096 г. стр. 242.

[3]) Ак. Юж. и Зап. Р. I. № 23. Ак. Зап. Р. I. № 35 Аристов. Промышленность древн. Руси. 1860, стр. 9.

[4]) Русская Правда. Карамзинский спис. ст. 81.

[5]) Мрочек-Дроздовский. Исследование о Русск. Правде, стр. 131. Об'ясни тельный словарь. (Учен. Зап. Имп. Моск. Унив. Отд. юрид. IV). 1885.

[6]) Сб. Муханова, № 15. Мрачек-Дроздовский, 132

подвод у них не емлют же» [1]). В жалованных грамотах монастырям встречаются передаваемые им в числе угодий бобровые гоны (воды реки Суры с бобровыми гонами, бобровые гоны на реке Звани), как и «тетеревники», «ловища гоголиные». Монастырь св. Богородицы получает село Арестовское «и с озеры и с бобры и с перевесищами», да пять погостов—все они с бобрами и с перевесищами [2]). «О перевесех» названа одна из статей «Русской Правды»: «Аще кто посечет верею или вервь переткет в перевесе, то 3 гривны продажи, а господину за верею и за вервь гривну кун». За нею следует статья: «о перевесах и о птицах». из коих первая гласит: «аще кто украдет в чеем перевесе чии пес, или ястреб или сокол, то 3 гривны продажи, а господину гривну [1]) [3]). Перевесами или перевесищами назывались по одному толкованию просеки в лесу, поперек которых развешивали сети, так что в последние попадали птицы [4]), другие же понимают под перевесами эти сети для ловли птиц, укрепленные между столбами или деревьями; около них держали ястребов и соколов для ловли других птиц [5]). Во всяком случае за ущерб, наносимый соколиной и ястребиной, как и псовой охоте, «Русская Правда» налагает высокие наказания как в пользу собственника, так и в пользу князя («продажа»), лишнее доказательство крупного значения звероловного и птицеловного промысла в те времена.

Не меньшую роль, судя по «Русской Правде», играло и бортничество. Пчелиных ульев касается ряд статей. Прежде всего: «а еже борт разнаменоует то 12 гривень продажи» [6]). Речь идет об уничтожении знаков (знамя) на бортных деревьях, которые делал, вероятно, топором, собственник для того, чтобы никто не мог себе присвоить дерево, в котором водились пчелы. Тот, кто сгесал чужое знамя, совершал серьезное преступление [7]). «Оже межу перетнеть бортную, то 12 гривен продажи» [8])—уничтожение межи бортного ухожья, т.-е. части леса, назначенной для пчеловодства и предоставленной бортникам [9]) [10]). В отличие от нарушения границ, за которые установлена высокая вира 12 гривен. за самое уничтожение бортного дерева или улья взимается всего три гривны: «оже борт подломить, 3 гривны продажи, а за дерево 3 гривны» (ст. 86). «Оже пчелы выдереть, три гривны продажи, а за мед

---

[1]) А. А Э. I №№ 35, 43, 56, 86. А. И. I №№ 13, 38, 81, 83. С. Г. Г. и Д. I. №№ 40, 41, 42

[2]) Грамота 1393 г. Спасскому и Благовещенскому монастырям, 1399 г. Полоцкому Троицкому монастырю, Грамота Смоленского князя Ростислава 1150 г., вклад Варлаама в Хутынский монастырь конца XII ст., дарение Олега Ивановича монастырю Ольгову св. Богородицы и Солотчинскому монастырю Д. А. И. т. I. №№ 4, 5 А. И. I, №№ 2, 14. А. А. Э. I, № 12, 22. Ак. Зап. Р. I. № 13

[3]) Карамзинск спис, 83

[4]) Ланге. Исследование об уголовн. праве Русской Правды, 1850, стр. 204.

[5]) Аристов. 31. Владимирский-Буданов. Христом. 64. Прим. 113

[6]) Карамзинск. спис, 82.

[7]) Аристов. Промышленность, стр. 8 Мрочек-Дроздовский, 228.

[8]) Карамзинск. спис, ст. 92, 93.

[9]) Владимирский-Буданов. Христом. 65. Прим. 114

[10]) В Академич. списке, ст. 30: «А в княже борти три гривне любо пожгуть, любо изоудроуть».

еже будуть пчелы не лажены, то 10 коун, будет ли олек то 5 кун» (ст. 87). Более низкое (и четыре раза) наказание за подлом борти, чем за нарушние бортного знака, Владимирский-Буданов об'ясняет тем, что здесь разумеется неосторожное уничтожение борти в противоположность умышленному действию в первом случае [1]), тогда как Ланге полагает, что дело идет не о знаменной борти, т.-е. такой, в которой находились уже пчелы, а о простом дереве, годном к борти [2]). Наиболее правдоподобно, повидимому, об'яснение Геца, что статьи о нарушении знака касаются не отдельных деревьев, как статья о борти, а целого бортного ухожья Этому соответствует следующая статья, где то же наказание полагается за уничтожение межи бортного леса. В приведенной ст. 87, кроме той же «продажи» в 3 гривны за уничтожение пчел, установлено еще наказание в 10 или 5 кун, в зависимости от того, подрезан-ли мед ил еще нег. Так об'ясняет слово «олек» Владимирский-Буданов; по словам Ланге, оно обозначает рой пчел без меда, по Диеву, молодые пчелы в сотах, не принесшие еще меду. Во всяком случае речь идет о пустом улье, где нет меду [3]).

В княжьем хозяйстве устройство бортей и добывание меду имело, повидимому, существенное значение. На это указывает специальная статья о княжьей борти в академическом списке «Русской Правды» (ст. 30, см. стр. 51). Но о том же, повидимому, свидетельствуют и завещания московских князей XII ст., в которых точно перечисляются местности, где имелись бортные ухожья и с такой же точностью князья распределяют их между своими детьми. Постоянно говорится, «а что моих бортников и оброчников купленных», «что отца моего купленные бортници», «селы и з бортью с оброчники» [4]). Но и монастыри владели бортями в большом количестве Смоленский князь Ростислав в 1150 г. дает «село Ясенское и с бортником и с землею и с изгой Святей Богородице», Новгородец Клемент в XIII ст. завещает Юрьевскому монастырю село с огородом и с бортью, князь Олег Рязанский дарит во второй пол. XIV ст. Ольгову монастырю, а ок 1402 г. Солотчинскому монастырю села с бортниками и с бортными землями, в конце XIV стол. полоцкий князь Онуфрий дает Предтеченскому монастырю «на Уле реце землю с бортью» [5]). Везде борти («борть с селом», «бортници в станех в городских») специально упоминаются, подчеркиваются, огораживаются. Вообще бортные деревья, бортные земли, бортные ухажаи, бортники, бортные старосты, даже бортные станы и целые бортные деревни постоянно упоминаются в источниках [6]). Дал яз князь Юрии Дмитриевич отцу своему игумену Саве бортника Андрейка Телицына с деревнею, в которой живет на Репищи, и те борти монастырские делает

---

[1]) Владимирский-Буданов. Христом I 66. Прим 117.
[2]) Ланге. 192.
[3]) Владимирский-Буданов. Христом. I. Прим 118 Ланге, стр 207 Мрочек-Дроздовский, 218 (сл. «олек»). Goetz Russisches Recht B. III. 316.
[4]) Сб. Г. Г. и Д. I. №№ 21, 22, 25, 34, 39, 40, 41, 42
[5]) А. И. I. № 2, 14. [Ак. Зап Рос. I, № 14 Доп. А. И. I, № 4. Владимирский-Буданов, Христом. 137 Аристов. Христом. по русск. ист. №№ 268, 270.
[6]) Мрочек-Дроздовский, 132. (Слово «борть»).

(1404 г.) [1]). Княжеские бортники не должны выезжать в монастырские земли, снабженные жалованными грамотами [2]). Но дело идет всегда лишь о диких пчелах — бортные леса заменяли пчельники и пасеки. Пасеки и улья (улья именуются пчелами—«дал село да трои пчелы»), т.-е. искусственное разведение пчел, упоминается не ранее XIV ст., «с дубровами и с пасеками»—купчая 1400 г. [3]).

Еще о Владимире Святом рассказывается, что он пожаловал духовенству земли, борти, озера, реки, волости со всеми прибытки». И впоследствии князья дают монастырям «ловища рыбные». «рыбную ловитву», заводи, «езы». Нижегородский князь Борис Константинович жалует Спасскому и Благовещенскому монастырю в 1393 г. рыбные ловли по р. Суре и озера, источные и глухие и роздерти, и заводи, и пески, и с падучими реками, и бобровые гоны, и стрежен по реку Волгу; и архимандриту Ионе с братьею в тех водах рыба ловити... а опришные люди у них в те рыбные ловли... не вступаются никто ничем [4]). В жалованной грамоте Дмитровского князя Петра Дмитриевича Троице-Сергиеву монастырю 1423 г. читаем: «дал есми им в моей вотчине, в Воре, на реке на Воре же омут Теременевской рыбы ловити да бобров ловити... а мои рыболове и мои бобровницы ту де на меня рыбу не ловят ни бобров» [5]). Вообще храмы предпочитали строить в местностях, изобилующих рыбой, ибо чернецам запрещено было потребление мяса: «место убо мало и кругло, но зело красно, всюду яко стеною окружено водами» [6]). Там поселился св. Кирилл (в 1390 г.), основав знаменитый Кирилло-Белозерский монастырь, игравший впоследствии немалую роль и в хозяйственной жизни страны. А митрополит Киприан писал в своем послании: «а никто бы не смел вступатися в церковные пошлины, ни в земли, ни в воду, блюлся бы казни святых правил» [7]). «Дал есми им свое озеро Вознесенское... да освободил им есми реку свою Уготь, рыбу в ней ловити и езы бити на них монастырю» [8]). А кто у них туго живет в монастыре или в деревне рыболове, черницы и миряне, ино тем монастырским рыболовом ловити волно вниз до Ярославского рубежа всякою ловлею. А паместницы мои... им не возбраняют и на мою ловлю мои ловчие (их)... не зовут, а моих рыболовов (они)... к себе... не принимают» [9]). Но княжеские «езовники» и «подлещики» нарушают права монастырей и в жалованных грамотах приходится каждый раз повторять. «ни езовники не ездят ни почто, ни езу им не бити», «и тех их вод не ловить никому, опричь их, ни ватагам не стоять», и «яз их пожаловал, велел им те воды монастырские заповедати из 2 рублев. чтобы у них тех их вод без докладу не ловили» [10]) О княжеской рыбной

---

[1]) А. И I. № 15.
[2]) Там же. I №№ 36, 83, 102.
[3]) Аристов. Промыш. 32. Его же. Христом. № 264.
[4]) А. А. Э. I. № 12.
[5]) А. А. Э. № 22. А. Ю. Быта, I. № 41, I.
[6]) Аристов Пром. 26.
[7]) Д. Акт. Ист. I. № 7.
[8]) А. И. I. № 85.
[9]) А. А. Э. I. № 43.
[10]) А И. I. № 76, 91. 96. А. А. Э. I. № 17 Ср ниже. стр 103

ловле упоминается и в других источниках. Великий князь Дмитрий Донской, в духовной 1389 г. «благословляет» своих сыновей и княгиню озерами и езами [1]). Новгородские ватаги ходили к Белому морю и к Ледовитому океану, посещали и Соловецкий остров, чтобы бить рыбу и зверя. В соглашениях с Новгородом князья (в XIII ст.) выговаривают себе право посылать и свои ватаги к Белому морю и Северному Океану на Тверскую и Печерскую сторону за рыбой, зверьми и птицей («Ходити трем ватагам моим на море») [2]).

Однако с течением времени на первый план все более и более выдвигается существовавшее уже и в предыдущую эпоху (см. 12 сл.) земледелие. Конечно, не только в таких мало населенных областях, как придонские степи, которые описывает в своем путешествии 1391 г. митрополит Макарий, но даже в юго-западной Руси, как видно из записок Михалона Литвина первой половины XVI ст., имелось изобилие зверей, дичи и птиц всякого рода [3]). «В средине XVI века юг Киевской губернии, вся Полтавская, почти вся Курская и Воронежская— говорит П. Н. Милюков—представляют полосу бобровых гонов, рыбных и звериных ловель. К средине XVII века эти местности уже заселены земледельческим населением» [4]). В Центральной полосе распространение «пашенных сел» совершилось однако гораздо раньше. Герберштейн, посетивший Московское государство в начале XVI столетия, рассказывает, что «по пням больших деревьев, которые существуют даже и ныне, можно заключить, что вся эта область (Московская) не так давно была очень лесиста». Но он же прибавляет, что теперь «стáрательным трудом земледельцев она довольно обработана» и «изобилует хлебом» [5]).

Под 1093 г. летопись сообщает, что торки, осажденные половцами, послали сказать Святополку: «Аще не пришлеши брашна, предатися имамы», исходя, очевидно, из того, что они имеют дело с земледельцами, которые могут их снабдить хлебом. А описывая произведенные вслед за этим половцами опустошения, летописец на первом месте отмечает: «Сынове Измаилеви пожигаху села и гумны», придавая этому, следовательно наибольшее значение [6]). Еще большее значение имеет другой летописный рассказ под 1103 г. о совещании Святополка и Владимира Мономаха в Долобске о том, следует ли отправиться в поход против половцев. Дружина Святополка возражает против похода: «яко не годно ныне весне ити, хочем погубити смерды и ролью их». Она ссылается на то, что весенний

---

[1]) С. Г. Г. и Д. I. № 34.
[2]) А. А. Э. I № 1.
[3]) Архив истор.-юридич. II. 2 стр. 61. Аристов. Промышлен. 6
[4]) Милюков. Очерки истор. русск. культуры. I. 73
[5]) Герберштейн. Записки о Московии. 1866. Стр. 95.
[6]) Лавр. лет. 1093 г., стр. 214—15. См. Плеханов I. 38 сл.

поход погубит смердов. т.-е. крестьян и их пашню. Но Мономах на это отвечает, что того же пашущего смерда погубит половчанин: «дивно ми, дружно, оже лошаден жалуют, ею же кто ореть (пашет); а сего чему не промыслите,оже то начнет орати смердь и приехав половчин ударит и стрелою, а лошадь его поимет» [1]). Смерд пашет (на лошади) и обе стороны имеют в виду его интересы. Он составлял, очевидно, уже в то время, по крайней мере в некоторых областях, обычную картину.

Так было на юге, так же было и на севере—как справедливо указывает Н. А. Рожков: о том свидетельствует былина о Микуле Селяниновиче, где мужик-земледелец Микула Селянинович оказывается во всех отношениях превосходящим Вольгу и всю его «дружинушку хоробрую» [2]).

Орет в поле ратай, понукивает,
Сошка у ратая поскрипывает,
Омешики по камешкам почеркивают...
А я ржи напашу, во скирды сложу!
Во скирды складу, домой выволочу,
Драни надеру, да и пива наварю.

Н. Огановский обращает внимание и на старательность и подробность, с которой летописи отмечают неурожайные годы XI—XIII ст. и их последствия. «Если неурожаи приводили к тому, что люди падали замертво на улицах, питались падалью и продавались в рабство, то ясно, что хлеб составлял основной продукт народного питания... ни дикие звери, ни домашний скот не могли прокормить голодное население [3]) На роль земледелия указывает и пища, которую потребляли монахи Печерской лавры в XI ст., на первом месте стоял хлеб. Из нее можно вывести, чем питалось тогда население: хлеб, каша и вареные овощи были в то время главной пищей населения; в скоромные дни ели сыр, в постные рыбу [4]). В «Русской Правде» наряду со скотом, бортями и бобрами упоминается о покраже зерна: «оже крадуть гоумно или жито в яме», по поводу «резоимства» (взимания процентов)—о ссудах рожью, полбой, овсом, ячменем, житом, сеном, об уничтожении «ролейной» межи (межи полевых участков)—вместе с истреблением межи бортной, наконец, о запахивании межи («а иже межу переорет»). О значении земледелия свидетельствует и статья о поджоге гумна («аще кто зажжет гоумно»), за что полагается поток и разграбление (как за умышленное убийство), т.-е. высшая мера наказания [5]) Последнее постановле-

---

[1]) Лавр. лет 1103 г, стр. 267.
[2]) Рожков. Арх Тр. V. 63.
[3]) Огановский. Закономерн. аграрн. эволюц II. 32—33
[4]) Грушевский Киевск Русь, 327.
[5]) Карамз. спис 40. 58—64. (Акад спис 33)

ние («а друг у друга межу переорет или перекосит») содержится и в более поздней Двинской уставной грамоте (конца XIV ст.)[1]), постановление о краже льна, конопли и зерна всякого рода—и в уставе Ярослава о церковных судах («аже муж имет красти коноплю или лен и всякое жито») [2]).

В духовной новгородца Климента конца XIII ст. (1270 г.) встречается выражение «а на поральское серебро накладъ взяти» [3]), т.-е. речь идет о серебре, о деньгах, уплачиваемых соразмерно числу рал (рало—плуг) или сох; поральское серебро аналогично позднейшему выражению «посошные деньги». Еще характернее способ взимания «черного бора» с новгородских волостей, грамота о котором имеется лишь Василия Темного, но который уплачивается уже при Дмитрии Донском (и грамота ссылается на старину: «куда пошло по старине»)—«с сохи по гривне, по новой... да тшан кожевничской за соху, невод за соху, лавка за соху... кузнец за соху... лодья за две сохи, црен (сковорода для солеварения) за две сохи» [4]).

Все приравнивается к сохе (чан, ладья, сковорода, невод, кузница, лавка). Очевидно, соха являлась основной податной единицей, а это еще более подтверждает важную роль земледелия.

Насколько велико было значение земледелия, можно усмотреть и из того, что, напр., княжеские бобровники, которые обязаны были «на бобров в осеннее ходить», сами жили не охотой, а земледелием. Упоминается о том, что бобровник у бобровника «межу переорет», что бобровник «тот наволок коспл». Точно также собственное хозяйство бортников мало чем отличалось от простого крестьянского хозяйства; бортное угодье эксплоатировалось на князя, а сами бортники кормились пашней и сенокосами, охотой и рыбной ловлей. И псари, которые держались для княжеской охоты, в своих деревнях вели сельское хозяйство, которое являлось средством пропитания для них самих и для содержания порученных им княжеских свор. Подобным же образом и сокольники превращаются в мелких помещиков. Сельское хозяйство при производстве всех этих промыслов все же стоит на первом плане [5]). При этом — как подчеркивает Плеханов — земледелие в киевскую эпоху уже далеко не было тем первобытным ковырянием почвы, какое мы находим наряду с охотой у различных диких племен Африки [6]). Действительно, в рассматриваемый период уже встречаются такие земледельческие орудия, как соха, плуг и борона, при обработке земли

---

[1]) Уставная Двинская грамота 1397 г. А А Э. I № 13.
[2]) Владимирский-Буданов. Христ I 237.
[3]) Там же, I. 138.
[4]) А. А. Э. I. № 32.
[5]) А. А. Э. I. №№ 150, 218. А. И. I №№ 102, 295. А. Ю. Быта. I, № 105 Бахрушин. Княжеское хозяйство. (Сборник в честь Ключевского). 574, 581—82, 586.
[6]) Плеханов. I. 39.

пользуются волами или лошадьми. Мы упоминали уже о лошадях, на которых пашут смерды, закупы — как мы увидим ниже — работают при помощи плуга и бороны [1]).

Значительно менее развито было, повидимому, скотоводство. На это указывает огромное большинство авторов (Плеханов, М. Н. Покровский, Аристов, Пономаров, Н. Н. Огановский) [2]). В «Русской Правде» впрочем скот фигурирует весьма часто. Упоминается много о конях. Конь украден, конь пропал, конь куплен на торгу, сел на чужого коня, закуп погубил коня [3]). Встречается специально княжий конь, княжий конюх, княжий конюх старый у стада—такого конюха князя Из'яслава убили дорогобужцы [4]). Но кроме коней в «Русской Правде» есть и другой скот. Мы узнаем о том, что скот продается на рынке, что закуп пользуется скотом господина и обязан его загонять во двор, что в хлеву или на поле украдены козы, овцы и свиньи, а равно коровы и телята. В ряде статей определяется приплод, отдаваемый при займе различных видов скота [5]). К этому еще надо прибавить, что смерды—как мы видели—пашут на лошадях, а скот означает деньги, серебро, богатство.

Однако—как указывает М. Н. Покровский—последнее обстоятельство скорее свидетельствует о редкости, чем об обилии скота [6]), частое же упоминание о лошадях, преимущественно княжеских, подтверждает лишь наличность табунов у князей, о чем говорится и в летописи. Наконец, несмотря на статьи о скоте в «Русской Правде», все же ни она, ни другие источники не дают права думать, чтобы славяне, подобно древним германцам, кормились молоком, сыром и мясом, т.-е. принадлежали к скотоводам. Об этих продуктах скотоводства памятники упоминают весьма редко [7]). Из сообщений о жертвоприношениях видно, что мясом своих богов древний славянин, в противоположность древнему греку (как видно из Илиады), не кормил, очевидно, потому, что его не было и он сам его не ел. Коровье молоко ценилось, по «Русской Правде», очень высоко, как целый жеребенок, несомненно вследствие своей редкости. Вообще—как указывает М. Н. Покровский—древнейшее значение слова «молоко» (млеко) просто жидкость, а масло это то, чем «мажут». «творог» же происходит от тюркского

---

[1]) См. выше, стр. 54, и ниже стр. 81.
[2]) Покровский. Ист. культ. I. 45 сл. Рус. Ист I. 11. Аристов 46 сл. Пономарев. Истор. обзор. правительств. мероприятий о разв. сельск хоз в России. 1888, стр. 4 сл Огановский, II. 34 сл. Плеханов. I. 42 сл.
[3]) Карамз. спис. 28, 29, 31, 33, 42, 71
[4]) Акад. 21, 25. Кар. 9
[5]) Кар. 33, 38, 39, 42, 48—56
[6]) Покровский Ист культ I 46 сл.
[7]) Аристов. 78

«turak», что значит «сыр». Из последнего видно, откуда славяне заимствовали скот и скотоводство [1]).

Но если разведением скота они занимались мало, то не может не возникнуть вопрос, откуда брался упоминаемый в летописях скот, в частности табуны коней. Летопись на это дает и ответ. Стада княжеские главным образом создавались войной, захватом скота у кочевых народов—печенегов, половцев, татар: «взяша скоты и овцы и кони и вельблуды и веже с добытком и с челядью» [2]), «взяша скоты их, а со стады утекоша, яко всим воем наполнитися скота» [3]). «Мнози вои его возрадовашася»—сообщается в сказании о Мамаевом побоище по поводу победы Дмитрия Донского—«яко обретающе корысть многу, пригнаша бо с собою много стада, коней и вельблуды и волы, им же несть числа» [4]).

При таких условиях у князей могли создаваться обширные стада из многих тысяч голов; но это не был результат разведения скота. У кочевых народов впрочем не только грабили, но и покупали скот—в особенности коней. С этим совпадает и утверждение императора Константина Багрянородного, что у русских мало скота и они добывают его у печенегов.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Землевладение.

I.

Медленно и постепенно совершалось заселение обширной восточной равнины. Из Днепровского бассейна к северу и востоку за Волгу и Оку подвигалось население и здесь, в окско-волжском междуречьи, поглотив туземцев—финнов, оно образовало плотную массу и завязало народно-хозяйственный узел. Посреди непроходимых лесов и болот поселенцы отыскивали сухие места, открытые пригорки, оазисы плодородной земли, здесь они ставили починки, выжигали леса, выкорчевывали пни, поднимали целину. В черных диких лесах стучал топор, шла расчистка и распашка лесов. Двигались поселенцы не вразброд, не в одиночку, а целыми группами, ватагами; «сечь леса» ведь было делом нелегким, являвшимся под силу только при совместной работе многих. Но селились они, повидимому, небольшими группами там, где находили удоб-

---

[1]) Покровский. Ист. культ I 47 сл.
[2]) Лавр. лет. 1103 г.
[3]) Ипат. 1224 г.
[4]) П. С. Р. Л. VI 97.

ное место. Примитивное, подсечное и переложное хозяйство требовало большого количества земли, обширной заимки на каждый двор, а сплошные пригодные для пахоти пространства попадались редко. Возникали отдельные дворы-починки на значительном расстоянии друг от друга.

Селом и деревней и назывались первоначально отдельные дворы со своим хозяйством. После смерти отца часто сыновья остаются в «селе» своего отца, т.-е. живут попрежнему на одном дворе, или напротив, сыновья еще при жизни уходят на новые места и возникают новые однодворные деревни-починки, или, наконец, они делятся после смерти отца и в деревне появляется два или три особых двора, деревня превращается в маленький двухдворный или трехдворный поселок. Делят «село» своего отца, каждый получает «пол-села», «треть-села», «пол-деревни»—как упоминается в грамотах, тот или другой продает или завещает свою «четверть» в «орамой» земле, лесе и водах. Этим делением первоначального единого основного двора на части об'ясняется тот факт, что обычная деревня того времени состоит из 2, 3, 4 дворов, большее количество дворов встречается весьма редко. В Шелонской пятине Новгородской области (в конце XV ст.) находим из 829 деревень 373 с одним и 234 с двумя дворами; они составляют, следовательно, почти три четверти всех деревень [1]).

К деревне однодворной или состоящей из нескольких дворов «тянут» угодья-пожни (сенокосы), бортные ухожья, лес, воды, рыбные ловища. Двор или дворы с землей и составляют деревню, единое хозяйство, обособленную законченную земельную единицу. «Деревня с лесом и с пожнями», «с деревнями и с луги и с пожнями и с лесом и с всем с тем, что к нему издавна потягло», «оступилися еси... и дворы, и дворища и орамых земель, и пожен, и с притеребы (расчищенные земли), и с рыбными ловищи и со всеми угодьи, где что ни есть изстари потягло к той деревни». Границы деревни при этом редко точно обозначались. Простора было много; волости, в состав которых входили поселки, нередко сообща пользовались лежащими между ними лесами. При столкновениях копали межи, тесали грани на деревьях. Обычно же границы заимки определялись не искусственным размежеванием, а старинным обычаем, довольно неопределенным выражением «куда топор, соха и коса ходили» (аналогичное выражение в Германии: «wohin der Pflug und Sense geht»). Это выражение: «куды тое деревни топор ходил, куды соха, куды коса ходила» с прибавлением «что к тому селу изстарь потягло» («куды топор отца моего ходил»:

---

[1]) См. Сергеевич Древн. Ш. 42. Гневушев Сельско-хозяйств насел. Новгор. обл. I. 144. Кауфман, отзыв о соч. Нордмана. Отчет о присужд. граф. Уварова, 85, 98 Прим. П. Загорский. Землевлад. Шелонской пятины Ж. М Ю. 1909 VIII 145. Яницкий. Кризис в Новгор. обл 1915.

«что к той деревни потянло из старины, куды соха и серп, и топор и коса ходила из тое деревни») повторяется в качестве постоянного припева во всевозможных грамотах. Оно заменяет определение границ; указание последних встречается гораздо реже [1]).

Первоначально это была свободная заимка; земля была «ничья», или «божья», крестьянин не имел над собой никакого землевладельца. Правда, с течением времени князья стали об'являть все такие земли своими, но по существу положение крестьян от этого еще не менялось. Это были земли черные или тяглые, крестьяне могли на них свободно селиться, уплачивая лишь тягло в пользу князя. Хотя эти земли и именовались «государевыми деревнями», но крестьяне все же к этому прибавляли: «а роспаши наши и ржи наши», «земля царева и великого князя, а моего владенья». Так было на севере еще и впоследствии, но в таком положении мы должны себе представить крестьян на черных землях и в других местностях в период до XV ст. Крестьяне заявляли, что «та деревнишка от веку вотчина дедов наших и отцей наших», они отчуждали эти земли и государство не препятствовало им в этом, признавая их как бы собственниками [2]).

О черных землях упоминается в договоре Дмитрия Донского с князем Владимиром Андреевичем 1388 г. Если князь Владимир Андреевич или дети его или его бояре купят в великом княжении земли «черных людей», или купили такие земли уже раньше, после смерти Ивана II, то черные люди могут их выкупить обратно, если же их не выкупят, то владельцы обязаны тянуть тягло вместе с черными людьми; «а хто не всхочет тянути», теряет земли и они отдаются «черным людем даром» [3]). И в других случаях встречаются черные люди, напр., в жалованных грамотах находим привилегию «не тянуть с черными людьми» [4]). Или говорится о черных волостных землях, напр., Пехорской волости, которая в 1462—64 г.г. ведет тяжбу с Симоновым монастырем из-за озер, деревень и пустошей. Но монастырю еще за 100 лет до того была дана жалованная грамота на земли волости [5]) В судном списке конца XV ст. читаем: «та пустошь наша

---

[1]) Чичерин. Опыты по истории русского права. Стр. 99 сл. Ключевский. I. 362 сл. Соколовский. Эконом. быт земледельч населения России и колонизация юго-восточных степей. 1878. Стр. 161. Рожков Обзор рус. ист. II. 121. Сергеевич. Древности русского права. Т. III. 42 сл. 47 сл. Павлов-Сильванский. Соч. Т. III. 34, 74. 145 сл. Ефименко. Крестьянское землевладение на крайнем севере. 1884 Стр. 204 сл.

[2]) Богословский. Земское самоуправление на севере. I. Стр. 52 сл. Островская. Земельный быт сельск. насел. русского севера. 21 сл.

[3]) С. Г. Г и Д. I. № 33

[4]) А. А. Э. I. № 131. А. И. I. № 15.

[5]) А Ю. Быта. I. № 52

тяглая, черная, волостная», наволоки (луга) «тянут к нашей земле тяглой, черной из старины, а как господине у нас отняли те наволоки старцы троецкие» [1])—волость считает тяглые земли своими. «Живет, господине, у нас, в великого князя в деревнях, в черных» [2]). В Судебнике 1497 г. при установлении давности для исков по земле упоминается о черных землях: «а взыщет черный на черном, или поместник на помещике... или черной или сельской на помещике, или помещик на черном... ино судить... за три годы, а дале трех годов не судити» [3]).

Как мы увидим ниже, на черных волостных землях, судя по многим данным, господствовало общинное землевладение [4]).

Однако эти крестьянские общины не долго сохраняли свою самостоятельность. Черные земли постепенно переходят в руки бояр и монастырей. Те сведения, которые до нас дошли об этих землях (относящиеся к рассматриваемому периоду) во многих случаях являются последствием тяжб волостей относительно отнятой у них земли. Таковы приведенные выше случаи [5]). Но точно также крестьяне Ликурской волости требуют возвращения захваченных у них боярами и митрополитом во второи половине XV ст. земель [6]). В конце XV ст. крестьяне волости Волочек-Словенскии пытаются вернуть себе деревни, которые Кирилло-Белозерский монастырь присоединил к своим землям, но за давностью лет получают отказ [7]) [8]).

Крестьяне, таким образом, теряют свои земли. Земля сосредотачивается в руках крупных землевладельцев-духовных и светских, а с землей переходит к ним и власть; сила покоится на богатстве. Разорившиеся же крестьяне попадают в экономическую зависимость от вотчинников; они сидят на земле последних в качестве полусвободных арендаторов (закупов) и несвободных (холопов).

II.

Церкви и монастыри весьма рано уже обладают землями. Не касаясь спорного вопроса о существовании церковных зе-

---

[1]) А Ю № 4. Ак. Федотова-Чеховского. №№ 15, 34.
[2]) А Ю № 9.
[3]) Судебн 1497 г. Ст 63
[4]) См. т II, гл. 5
[5]) См. стр 60.
[6]) А Ю. №№ 4, 9 А. Юр. Быта № 52
[7]) Ак. Кирилл.-Белоз. мон. №№ 16, 23, 28.
[8]) О черных землях. см. Блюменфельд. О формах землевлад в древней Руси. 110 сл Чичерин. Опыты. 12 сл. Лаппо-Данилевский. Ист. образ. главн. разр. 16 сл Огановский II 76 сл. Лаппо. Тверской уезд. 60 сл. Сергеевич. I. 211 сл.

мель при Владимире Св. и Ярославе [1]). мы можем во всяком случае установить, что, по словам летописи, в 1031 г. Антоний Печерский просит Изяслава о пожаловании ему горы под монастырь (Киево-Печерский). «Изяслав же посла муж свои и вда им гору ту» [2]). Имущество монастыря стало быстро расти. Под 1096 г. летопись уже сообщает, что он получил и вклад в виде церкви св. Дмитрия с селами («двор монастырьский Печерьского монастыря и церкви, яже тамо есть святаго Дмитрея, юже дал Ефрем и с селы»). Летопись упоминает под 1172 г. и о том, что киевской десятинной церкви принадлежал город Полонный («приеха же к Полоному к святои богородице к граду Десятинному») [3]). Андрей Боголюбский в 1158 г. заложил церковь св. Богородицы во Владимире «и да ей много именья... и села лепшая» [4]). К XII ст. относится и ряд грамот, снабжающих церкви и монастыри землею (113, 1150, 1192 и др. г.г.) [5]).

Только одна из этих грамот (облеченных в письменную форму, ибо церковь старалась придать им возможно большую крепость) [6]), упоминает о покупке монастырем имущества, во всех же остальных приведенных случаях имущество приобретено безвозмездно. Церковь предпочитала у нас, как и на Западе, этот способ расширения своих владений путем пожалований, вкладов и духовных завещаний.

В источниках XII столетия упоминаются и земли боярские, населенные челядью. «И розграбиша Киане с Из'яславом—читаем в летописи под 1146 г—домы дружины Игореви и Всеволоже и села, и скоты, изяша именья много в домех и в монастырех.» [7]). «Изяслав же рече дружине своей: вы есте ко мне из Русскые земли вышли, своих сел и своих жизней лишився» [8]) Владимирцы, одержав победу над ростовцами, «села боярьская взяша, и кони, и скот» (1177 г.) [9]). Князь рязанский Глеб напал с половцами на Владимирскую землю «и села пожже боярьская, а жены и дети и товар да поганым на щит» (1177 г.) [10]).

«Существование княжих дворов и сел с сотнями челяди с конскими табунами и стадами скота, с земледельческим хо-

---

[1]) См. Милютин, О недвиж. имуществах духовенства в России, 24 сл., Горчаков. О земельн владениях всероссийских митрополитов, стр. 45 сл. Блюменфельд. К вопросу о землевладении в древней России, стр. 105 сл.

[2]) П. С. Р. Л., I, под 1031 г.

[3]) Лавр. лет., 230, Ипат. лет., 338.

[4]) Ипат. лет., 381, Лавр., 330.

[5]) Древн. памятн. рус. письма и языка Срезневского, стр. 177. Владимирский-Буданов, Христ I, 133. Д. А. И. I. №№ 4, 5.

[6]) Неволин, Полн. Собр. Соч. IV, 47 сл. Дебольский, Гражданская дееспособность по русскому праву, 1903, стр. 311.

[7]) Ипат. лет. 1146 г.

[8]) Там же, 1150 г.

[9]) Лавр. лет., 362.

[10]) Там же, 364.

зяйством устанавливается—как указывает А. Е. Пресняков—уже на основании источников XI—XII ст. Домашнее и сельское хозяйство княжое велось преимущественно трудом челяди, трудом холопским, под надзором тиунов огнищных, сельских, ратайных, конюших и рядовичей» [1]). Об этом княжеском хозяйстве, княжеском имуществе, княжеских селах трактует «Русская Правда» сыновей Ярослава, установленная на с'езде князей вместе с их четырьмя мужами между 1054 и 1073 г.г. Князья говорят в ней только о своих мужах, своих тиунах (управляющих), своих старостах, о своих конях и бортях и не касаются людей и имущества других лиц [2]). Княжеские мужи, холопы, кони, борти, очевидно, подвергались не раз нападениям, если их считали нужным оградить повышенной вирой; устанавливается же повышенная вира за княжеского конюха (80 гривен) со ссылкой на то, что это «уставил Изяслав в своем конюсе, его же убили Дорогобудьци» [3]). Такая же высокая вира в 80 гривен, в противоположность обычной вире в 40 гривен за убийство, определена за княжеского под'ездного (по одним об'яснениям это дружинник, по другим—начальник княжеской охоты), за княжеского тиуна, наконец, за огнищанина. В пространной «Правде» эти частные постановления, касающиеся отдельных княжеских служащих, распространены (80 гривен за голову) на всех княжих мужей, высший класс дружины княжеской [4]).

Среди этих привилегированных лиц, охраняемых двойной вирой, обратил на себя уже давно внимание исследователей «огнищанин». В то время, как Татищев в XVIII веке, исходя из слов «огонь», определял огнищанина огневщиком или об'ездником, пожарным (брандмейстером), Успенский в 1818 г. указывал на то, что огнищем именуется выжженная в лесу полоса земли, а огнищанами выжигатели, следовательно, это—земледельцы, выжигающие леса под пашню [5]). Эверс (в 1826 г.) производит огнищанина, напротив, от огнища в смысле очага, так что получается владелец собственного очага, глава семьи, при чем—прибавляет он,—этот термин употребляется и в смысле боярина [6]).

Но уже Беляев, имея в виду высокое положение огнищанина, находил, что это не просто земледельцы, а крупные землевладельцы, которые сделали себе собственными средствами огнище, расчистив дикий лес под пашню и населив занятое место земле-

---

[1]) Пресняков. Княжое право в древней Руси, 1909, стр. 274
[2]) Павлов-Сильванский. III, стр. 86, 459, а также Пресняков, стр. 290.
[3]) Акад. спис., 21.
[4]) Акад. спис. 18—21, Карамз. спис. 1, 3, 10.
[5]) Продолж. Древн. Русск. Вивлиоф. Ч. I См. старые об'яснения у Мрочек-Дроздовского. Чтен. Прив. VII и VIII. 117 сл., 133 сл.
[6]) Ewers. Das älteste Recht der Russen. 1826. p. 310

дельцами,—это бояре-собственники [1]). К понятию боярина приходит и Соловьев, но исходная точка его иная—огнище не в смысле спаленного леса, а в смысле очага, дома, двора, но не просто очага, а очага княжеского. «Огнищанин должен означать человека, который живет при огнище княжеском, домочадца княжеского, человека близкого к князю, его думца, его боярина». Он сопоставляет «огнищанина» с позднейшим «дворянином», означающим «человека, принадлежащего ко двору», дому княжескому, а не имеющего свой дом или двор; следовательно, и под огнищанином нет нужды разуметь человека, имеющего свое огнище». К этому выводу Соловьев приходит на основании сопоставления источников: «единственное средство об'яснить это название—посмотреть, как оно заменяется в других списках «Правды» и в других летописях». Оказывается, что огнищанин краткой «Русской Правды» заменяется выражением «княж муж» в пространной «Правде» (ст. 3), а огнищанам одних летописных рассказов соответствуют бояре в других [2]). Эти соображения побудили и других авторов принять об'яснение Соловьева, признать огнищанина княжьим мужем высшего разряда, старшим дружинником, боярином [3]), хотя одни подчеркивают главным образом характер его в качестве дружинника, члена огнища своего вождя, другие положение (земского) боярина, крупного землевладельца.

Самый термин этот встречается лишь в четырех статьях «Русской Правды», где говорится об убийстве огнищанина, и кроме того только в Новгородской синодальной летописи (ни в других летописных сводах, ни в иных памятниках его нет), причем и тут всего три раза и все в одном и том же сочетании: огнищане, гридь и купцы—старшая дружина, младшая дружина или воины и купцы. Князь Ростислав (в 1166 г.) «позьва новгородци на поряд: огнищане, гридь, купце вячшее». В 1195 г. новгородцы «идоша с княземь Ярославомь огнищане и гридьба и купци». При нападении литовцев на Русу (1234 г.) «сташа Рушане и засада огнищане и гридьба и кто купець и гости» [4]). Напротив, в Лаврентьевской и других летописях при перечислении классов населения читаем: (996 г.) «боляром и гридем». (под 1177 г.) «боляре и гридьбу».

По А. Е. Преснякову, огнищанин этимологический (и социальный) близнец северо-германского hirdhmann'a, член дома (hird- дом) своего вождя-familiaris, domesticus: «никто же бо от

---

[1]) Беляев Рассказы из русск. истории, т. II, стр. 50 Лекции по истории русск. законод. 1888, стр 53.

[2]) Соловьев История России, т I, стр. 222.

[3]) См. напр., Костомаров. Северно-русские народоправства, т. I, стр. 20. Владимирский-Буданов. Обзор ист русск. права (Изд. 3), стр. 31 Павлов-Сильванский, III, стр. 457, 460 Пресняков, стр. 230. Goetz. II. p. 18. 33.

[4]) Новг. лет. 146, 170, 244.

бояр, кто ему служил и хлеб его ел и чашю пил и дары имал» (Лаврент. Летоп. под 1237 г.) — это и есть боярин-огнищанин [1]) [2]).

Однако нельзя упускать из виду и весьма существенного указания на то, что в славянском переводе «Слова Григория Богослова», относящемся к XI веку, к эпохе краткой «Русской Правды», греческое слово «раб» (andrapodos) переведено словом «огнище»—«грьдящеися многы огнищи и стады». Ключевский делает из этого вывод, что огнищане были рабовладельцами [3]). А. Н. Филиппов комбинирует это толкование с об'яснением (более старым) огнища в смысле пашни, расчищенной путем выжигания леса, и приходит к тому выводу, что огнищанин означает землевладельца, с одной стороны, рабовладельца, с другой. «Оба эти понятия были очень тесно связаны между собой... и очень подходят к тому общественному положению, которое занимали земские бояре в IX—X ст.» [4]). М. А. Дьяконов также исходит из понятия огнища в смысле «домашней челяди как необходимой принадлежности всякого хозяйства. Такое перенесение названия главного предмета на существенную его принадлежность об'ясняет, почему исторические памятники XI—XIII в.в. называют огнищанами только крупных домохозяев». В результате он признает, что «термины огнищанин и боярин очень близко соответствуют один другому» [5]).

Таким образом, из какого бы об'яснения мы ни исходили, мы все же получим тот вывод, что огнищанин есть, с одной стороны, землевладелец и крупный домохозяин, а с другой—дружинник, «княж муж», боярин, причем хозяйство его, как видно из источников, покоится на рабском труде, на холопах, на челяди.

В XIII и в особенности в XIV—XV ст. вотчинное хозяйство еще более расширяется, как княжеское, так и боярское и монастырское. В XIV—XV ст. мы находим большое количество сел с уездами, нивами, покосами и пашнею, принадлежавших (в качестве частной собственности—дворцовых сел) великим

---

[1]) Пресняков, стр. 231 Б. А Романов (Смердий конь и смерд. Извест. Акад Наук. Отд. русск. яз. и словесн., 1908, кн. 3, стр. 30) сопоставляет огнищанина как с северо-германским hirdmeann, huskarlar, так и с gardingi (gards-domus) вестготов и вандалов, с саксонскими hagustaldos, с вестготским bucellarius.

[2]) Как указывает Метиславский (Огнищанин и княж муж. Чтения в Обществе ист. и древн., 1860, IV, стр 27), новгородские огнищане жили на торговой или славянской стороне Новгорода, в Славенском конце его, там, где летописи показывают берег, известный под именем Княжанского. Они составляли, следовательно, особую группу населения.

[3]) Ключевский. Опыты и исследования, стр 292 Тоже Рожков. Очерки ист труда.

[4]) Филиппов. Учебн. истор. русск права, I, стр. 195.

[5]) М. А. Дьяконов. Очерки обществ. и государств. строя древней Руси, 4 изд., стр. 75 сл.

князьям и удельным князьям. К селу тянули починки и деревни и все они вместе образовывали сельский уезд, который группировался вокруг княжеского двора, резиденции княжеского приказчика-дворского.

Жена великого князя Александра Невского купила село Павловское (в пол. XIII ст.). Много сел покупал и менял у митрополита Иван Калита. В духовной Калиты (1328 г.) перечисляется 54 села, которыми он владел, из них 42 в Московском уезде и 12 приобретенных в других княжествах. Из них он оставляет 16 жене с дочерьми, остальные сыновьям: Семену 11, Ивану 14, Андрею 12; одно село пожаловано Воркову [1]). Преемники Калиты Семен Иванович и Дмитрий Донской присоединили к ним новые села. «А что буде прикупил или прымыслил или починков или которая будеть села»—читаем в духовной Дмитрия Ивановича 1371 г. В его же духовной 1389 г. неоднократно упоминается о селах «прикупа моего», встречается и «княгини моее прикуп» (приобретения жены его) [2]). Великий князь Василий Васильевич называет в своих духовных свыше 125 сел или даже групп сел, которые принадлежат ему и членам его семьи [3]). Столь же крупными владениями обладали и удельные князья: Владимир Андреевич (духовная 1410 г.) оставил своим наследникам 38 сел, Юрий Васильевич (духовная 1476 г.), второй брат Ивана III, 31 село, Иван Борисович Волоцкий (духовная 1504 г.) более 50 [4]).

Обширными вотчинами владели в XIII—XV ст. и церкви и монастыри, митрополиты и епископы. Во второй половине XIII ст. рязанский великий князь Ингвар с другими князьями и боярами дал обширные земли рязанскому Ольгову монастырю. Монастырь получил сразу 5 погостов, в которых было в общей сложности свыше 1.010 семей, кроме того «девять земель бортных»; тогда же бояре дали несколько сел, а «мужи»—«Ольговскую околицу»—уезд, купленный у муромских князей за 300 гривен. В XIV ст. великий князь Олег Иванович пожаловал еще монастырю Арестовское село [5]). В XV ст. митрополиту сверх земель в Московском княжестве принадлежали земельные владения в удельных княжествах Нижегородском, Можайском, Звенигородском, Дмитровском и Белозерском. Согласно извлечениям из писцовых книг, в конце XV ст. за митрополитом насчитывалось сел и деревень 531, дворов в них 1.825, людей 1.818, земли 57½ сох. Но в действительности митрополичьих владений было значительно больше, ибо известно, что митрополиты владели «изстарины» в XIV и XV ст. еще множеством

---

[1]) С. Г. Г. и Д. I. №№ 21, 22.
[2]) Там же. №№ 30, 34.
[3]) Там же. I. №№ 86, 87
[4]) Там же. №№ 40, 96, 132. Бахрушин Княжеское хозяйство. 564
[5]) А. И. т. I. № 2.

таких имении, которые не значатся в писцовых книгах [1]). Из 13 грамот, данных (вкладных) и купчих времени настоятеля Троице-Сергиевской лавры Никона (1392—1428) и 10 или 11 жалованных грамот великих князей и удельных князей на различные вотчины этого монастыря видно, что при Никоне владения лавры находились не только в Радонежском уезде, где был построен монастырь, но и в уездах: Дмитровском, Московском, Переяславском, Стародубском, Угличском и Галицком. Троицкий Сергиев монастырь владел к концу XV ст. селами и деревнями в 13 уездах; на этой территории, принадлежавшей тогда монастырю, сто лет спустя было расположено 475 поселений [2]). Новгородский владыка до секуляризации земель 1478 г. обладал почти 7 тыс. дворов в различных Новгородских пятинах [3]). В Шелонской пятине к концу XV в. духовным учреждениям принадлежало 35% всех деревень, при чем из них четыре пятых сосредоточивались в руках владыки и у крупных монастырей [4]).

Из того, что бояре делали вклады в монастыри видно, что и сами они владели значительными вотчинами. В Новгороде, на основании писцовых книг, оказываются вотчинники, которые только в одной или двух пятинах владеют по 2 тыс. и более десятин пахотной земли, к которым надо еще прибавить луга, леса, выгоны, огороды; но все же и после этого «мы будем далеки от действительных максимальных размеров владений новгородских бояр, ибо они могли иметь еще столько же в других пятинах, опись которых до нас не дошла» [5]). Богдан Есипов имел 106 деревень, его жена Оксинья Микитина 131, Федор Глухов 149, Кузьма Фефилатов 117, Грузовы 267, Настасья, жена Ивана Григорьева, 356, наконец, Марфа Исакова (Борецкая), известная Марфа-посадница владела в Обонежской пятине 503 деревнями (в 6 погостах) [6]). В Шелонской пятине к концу XV ст. половина всего светского землевладения находилась в руках 42 владельцев. По другим подсчетам, в Новгородских пятинах вообще в руках 68 человек из 1.632 была сосредоточена половина всех частновладельческих земель [7]). И боярам жаловались вотчины князьями. В 1332 году к Ивану Калите «приниде некто от киевских благоплеменных вельмож с тужити. Родион Несте-

---

[1]) Горчаков. О земельн. влад всеросс. митроп. 52—3, 81.

[2]) Горский. Историч. описание Свято-Троицкие Сергиевы лавры. Чт Общ. Ист. и Др 1878. IV Стр. 189. Рожков. Сельское хозяйство Моск. Руси в XVI в. стр. 405

[3]) Греков. Новгор. дом св. Софии. I. 1914. стр. 244—299.

[4]) Загорский. Ист. землевл в Шелонск пятине в конце XV и в XVI в.в. Ж. М Ю. 1909. VIII. 293.

[5]) Сергеевич. III, 91 сл.

[6]) Островская Земельн. быт Стр. 7 сл.

[7]) Загорский. Там же. Гневушев. Очерки экон. и соц жизни сельск. нас. Нов обл, 313.

ровичь, и с ним сын его Иван, и с ним же княжата и дети боярские и двора его до тысящи и до семи сот. Князь же великий прият его с радостью, и даде ему боярство на Москве и устави ему надо всеми большинство, и даде ему в вотчину пол Волока Ламского, а другая бысть половина Новгородская» [1]). Тот же Калита в своей духовной пишет: «а что есмь купил село в Ростове Богородичское, а дал есмь Борису Воркову, аже иметь сыну моему которому служити, село будет за ним; не иметь ли служити детем моим, село отоимуть» [2]). Здесь уже земли жалуются для службы и под условием службы, приобретают, следовательно, характер поместий [3]).

Характерной чертой крупного землевладения являлась его дробность, разбросанность вотчин по разным, нередко весьма отдаленным друг от друга местностям. Примером опять-таки могут послужить новгородские боярщины, относительно которых мы располагаем данными писцовых книг. Еще Никитский указывал на то, что владения земельных собственников «представляли массу разбросанных по всей Новгородской земле клочков, как они случайно образовывались чрез пожалованье, наследство, куплю, заклад и другие способы приобретения, напр., владения посадника Захара Овина и сына его Ивана находились больше, чем в 20 местах». К тому же выводу на основании гораздо более обильного материала приходит А. М. Гневушев, говоря, что крупная Новгородская вотчина состояла из целого ряда сравнительно небольших земельных участков, часто в одну или две деревни, которые были разбросаны чуть ли не по всей области Новгородских пятин, перемешиваясь с землями других владельцев [4]).

В грамоте митрополита Киприана 1391—97 г.г. перечисляются способы приобретения земель церковью: «а что погосты, и села, и земли, и воды, и пошлины, что потянло к церкви божьи, или купли, или кто дал по души памяти деля, а в то ни един христианин не вступается» [5]). Однако на первом плане для церквей и монастырей, повидимому, и в эту эпоху стояли различные способы расширения своих владений безвозмездным путем— в виде пожалований, вкладов, духовных завещаний. В виду того, что с XIV ст. писанные грамоты становятся обычным явлением, а духовенство их усердно хранило, до нас дошло большое

---

[1]) Карамзин. IV. Прим. 324.
[2]) С. Г. Г. и Д. I. № 21.
[3]) Такая раздача поместий могла иметь место уже раньше, в XIII ст., как указывает А. А. Линниченко (Грамоты Галицкого князя Льва. Извест. русск. яз. и словесн. Имп. Ак. Наук. Т. IX, кн. I): Мстислав Данилович «дает город Всеволожь бояромь и села раздаваеть» (1287 г., Ипат. лет. 592). «Черниговских бояр не велех ти, Доброславе, приимати, но дати волости Галичким» (1240 г., Ипат. лет. 525).
[4]) Никитский, 49. Гневушев I, 1. Стр. 321 сл.
[5]) А. И. I. № 7.

число таких дарственных грамот. Последние составляются как князьями и боярами, так и мелкими землевладельцами, крестьянами. В сборнике актов Кирилло-Белозерского монастыря находим за один только период 1397—1484 г.г. 36 вкладных грамот («данных») в пользу этого монастыря [1]). «Се яз, Насон Захарьин сын—читаем в одной из них—дал есми Пречистои в дом, в Кирилов монастырь, свою землицу в прости по своих родителех и по себе, куды топор, и соха, и коса ходила и что из старины потягло к тои земли. А дал есми свой участок и на то послуси: старец Игнатеи Матфеев, Самоило Мякитов, да Онаня Зиновов. А писал сию грамоту Митрофан старець, крылошанин Кирилова монастыря». Приблизительно так же составлены и прочие грамоты. Они даются «по душе», «на помины своей души», указаны свидетели и писец. Обычно говорится: «пожаловал есми игумена Трифона (Касьяна, Игнатия и др.) з братьею или кто по нем будет иныи игумен». Кроме того, часть жалованных грамот содержит земельные дарения князей—пожни, слободки, пустоши, села, деревни, езы (рыбные ловли) жалуются монастырю [2]). Наряду с этим находим и очень большое число случаев покупки земель: в приведенных актах Кирилло-Белозерского монастыря насчитывается за 1397—1485 г.г. 36 таких купчих, так что монастырь не только приобретал земли безвозмездными способами у богобоязненных людей, но и усердно старался о расширении своих владений, затрачивая на это крупные скопившиеся в его руках денежные суммы [3]). На основании данных, приводимых Н. К. Никольским, получается, что этот монастырь при первых четырех игуменах (1397—1471) приобрел земли при помощи 60 пожалований и вкладов и 41 купчей, так что последние составили две пятых совершенных им актов. При этом, однако, как указывает тот же автор, безвозмездные способы приобретения занимали все же первое место не только по количеству, но и по величине присоединявшихся участков. В числе купчих было не мало таких, которые были составлены для весьма мелких черно-тяглых владений, тогда как большая часть жалованных и данных относилась к крупным вотчинам [4]).

Этими двумя способами—получением в дар и покупкой создались и обширные земельные владения всероссийских митрополитов (в состав их входят и имущества домовых митрополичьих монастырей). С одной стороны, засвидетельствованы

---

[1]) Акты Дебольского. №№ 1—36

[2]) Ак. Кир.-Бел. №№ 86, 87, 89, 106, 117, 118, 119, 125, 130, 133, 142, 143, 144, 149. Пожалования земель см также А. И. т. I. №№ 2, 14, 36. А. А. Э. I. №№ 12, 15. А. Юр. Быта № 41. I

[3]) Акты Дебольского. №№ 41—76

[4]) Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь Т .I. Вып 2. 1910 Стр. 6 11—12

источниками вклады земель «в вечное поминанье» в пользу митрополичьей кафедры за XIV и XV ст. [1]), а с другой стороны, все московские митрополиты, начиная от св. Петра (ум. в 1326 г.) увеличивали свои владения покупкой новых земель. Так митр. Петр купил г. Олексин с «волостми и с селы, и с водами, с реки и с озеры, с бобровыми ловы и с бортными ухожаи и со всеми угодьи, что ни потягло изстари к городу» [2]); много земель скупали и митрополиты XV ст. (Фотий, Иона, Филипп, Геронтий и Симон) и в особ. XVI ст. [3]) Варлаам и Даниил. Покупка совершалась и лично митрополитом, и другими лицами—митрополичьим дворецким, дьяком, священником, митрополичьим боярином,—с доклада митрополиту, по благословенью его.

Еще большее значение имело однако, повидимому, приобретение земли как князьями и боярами, так и духовенством путем непосредственного захвата свободных, никем не заселенных пространств. Такую заимку земель производили вновь учрежденные монастыри. Они призывали к себе поселенцев, возникали села и деревни, которые, в свою очередь, высылали от себя основателей новых починков; все таким образом занятые земли становились собственностью монастыря. Точно также находившиеся в распоряжении митрополичьей кафедры «церковные люди» высылались ею для занятия земли. Они ставили дворы, становились митрополичьими посельскими и с другими привлекаемыми ими поселенцами производили захват земли в пользу митрополита на всем пространстве, куда коса, соха и топор ходили [4]). При митроп. Феогносте (1328—53) «по Рамене-реке на земле Голенищевской жил митрополич коровник Селята и на том месте преосв. Феогност митрополит поставя церковь св. Николы и зовется то место Селятино и с деревнями, что дорога идет к Можайску, того ж села Голенищева земля с лесы и луги; а те христиане голенищевские и селятинские и тех деревень на дворе митрополиче всякую страдную работу работают» [5]). Таким же образом расширяются и княжеские владения. Деревни и починки обычно основывались каким-нибудь одним выходцем из княжеского села и часто носили поэтому название своего основателя, напр., Митин починок, Савельевский починок. Основывались они где-нибудь на стороне, на диком месте, в лесу, очищенном, выжженном под пашню; на это указывают такие названия, как «Паншина гарь». Ряд таких починков тянул к селу и находился в управлении княжеского

---

[1]) Горчаков. 89 сл. Прил 73 сл

[2]) А. И. I. № 215.

[3]) А А. Э. I. № 20 (грам. митр. Фотию 1421 г.). С Г Г и Д. II. № 17. А. юр. быта. II. № 147.

[4]) Там же. 104.

[5]) Из сборн. Д И. Беляева, цит у Горчакова, 48 сл.

ключника или посельского [1]). В жалованной грамоте князя Михаила Андреевича Кирилло-Белозерскому монастырю 1473 г. перечислено 17 деревень, «посаженных на лесу» игуменами монастыря.

Духовенство, однако, не ограничивалось занятием земель, а старалось такое фактическое владение закрепить за собой посредством испрашиваемых у князей жалованных грамот, которыми земли признавались за церковью. В других случаях доказательством права собственности на ту или другую землю служила давность владения ею [2]). Так в споре между игуменом митропольего монастыря и боярскими детьми Борисовыми (1473—89 г.г.) читаем: «и чернец Геронтии так рек: яз, господине, помню за восмьдесят лет, что та земля и те слуги митрополичи, и жили, господине, в них отчичи игумен Семен Чан да брат его поп Алексей, а пел, господине, у великого Георгия» [3]). На основании этого показания спорная земля была присуждена митрополиту—выдана ему правая грамота [3]). В другом случае крестьяне села Каринского (в 1498 г.) жалуются на митрополичьего посельского и митрополичьих крестьян, которые не только захватили их землю, но и причинили им сверх того значительные убытки: «покосили у нас пожни и луга Феодоровские земли сильно, а укосили, господине, у нас двести копен сена, да и свезли на свою землю, да покосили, господине, у нас на осьмине льну, да сожгли, господине, у нас сто прясел огороды, да свезли у нас 20 сотниц ржи с поля, а из сотницы шло по четыре четверти ржи, да пожали, господине, у нас на 20 четвертях овса, да свезли с поля». При этом истцы пред'явили судье рядную грамоту, по которой отец их получил селище Федоровское в приданое за своей женой, но границ его не было указано, а говорилось лишь куда наш плуг ходил и коса, и топор. Весь спор заключался в определении межи—входило ли в их отчину село Каринское. И тут обе стороны ссылаются на давность в 30—60 лет, причем решение вынесено опять-таки в пользу митрополита: «землю селище Горлыковское (судья) отрезал к митрополичему селу Каринскому и с хлебом, и с сеном» [4]).

Монастыри не ограничиваются, следовательно, заимками на свободных землях, но вторгаются и в черные земли, уже занятые черносошными крестьянами. Неопределенность границ занятых теми и другими земель подавала повод к этому. Правительство же стояло обычно на стороне духовенства и присуждало ему спорную землю.

---

[1]) Бахрушин Княжеск хоз.. 564—65
[2]) Горчаков 105.
[3]) Там же. Прил. № 4. I
[4]) Там же. Прил № 4 III

Столкновения Кирилло-Белозерского монастыря с окрестными крестьянами стали учащаться уже с половины XV века, вследствие того, что многие монастырские владения оставались тогда не отмежеванными. Из правой грамоты конца XV ст., выданной монастырю по случаю спора его с Мартынком Косяком, видно, что даже земли, выданные кирилловской братии великим князем, не были своевременно «отведаны». На вопрос судей монастырский крестьянин Ивашко показал «та, господине, деревня Левшино Сямская же была деревня, а дал, господине, ту деревню старцом князь великии Василей Васильевич без отвода, а яз, господин, ту полянку посек лес дичь (дикий) да и пахал двенадцать лет по воду от тое деревня от Корчмитова, а за водою, господине, еще видите сами, что лес дичь Корчмитову, а топор с топором не сшелся». «Отвод» монастырских земель был произведен лишь к концу XV ст., причем большинство споров было разрешено в пользу монастыря. Одни земли были признаны принадлежащими монастырю, потому что они считались за ним «изстарины от игумена от Кирилла» (основателя его), другие в виду того, что прежние собственники их не искали за 30—40 и более лет. Соседи были убеждены, что писцы «у старцев посулы поимали», почему и возбуждали ряд вторичных исков против монастыря, но и эти иски оставались обычно безуспешными [1]).

В некоторых случаях мы можем определенно установить факт захвата волостных земель не только монастырями, но и боярами, напр., когда «волость Ликуржская запустела от великого поветрия, а те деревни и пустоши волостные разоймали бояре и митрополиты, не ведаем, которые, за себя тому лет с сорок» (т. е. около 1450 г.) [2]). Насильственный захват земель духовными и светскими вотчинниками составлял, повидимому, нередкое явление в эту эпоху.

Неудивительно при таких условиях, если крестьяне нередко прогоняли от себя монахов, которые селились на соседних пустопорожних землях, намереваясь заложить новые монастыри и пустыни, гнали и преследовали отшельников, оседавших вблизи крестьянских земель.

В житии Димитрия Прилуцкого рассказывается о том, что он «обретеся на пусте месте, на реце на Леже, и ту церковь постави. Не навидяй же добра роду человечю диаволь завистник подстрекает люди неблаговерные от прилежащие тамо веси... на святопомазанную главу ропот велий воздвигоша, глаголюще: отче неугодно есть тебе и нам твое зде пребывание». Они опасались, «яко сей велий старец зде близь нас вселися, по мале же времени совладеет нами и селы нашими». Положение Стефана Махрищского было еще хуже, ибо подстрекаемые дьяволом «лукавые человеки» приходили в монастырь, «поносяще святому» и даже «смертию претяще, аще не отъидет от монастыря». Так что ему пришлось уйти к север-

[1]) Никольский Кирилло-Белоз. мон II 2, стр. 8—10.
[2]) А. Ю № 8.

ным странам» В житии Даниила Переяславльского также сообщается, что «владеюще в селах близ монастыря того с оружием и дреколами приходяще и во ограде монастыря не дающе иноком земли копати». И ему говорили: «почто на нашей земле построил еси монастырь? Или хощеши землями и селами нашими обладати». В результате это и сбылось — замечает жизнеописатель. В таком же положении очутились и другие святые—Макарий Желтоводский, Макарий Калязинский, преп. Дамиан, Антоний Сийский. Даже последний, несмотря на все уважение, которым он пользовался на севере, был прогнан крестьянами, хотя успел уж поставить себе «хижицу малу» и часовню «на уединение молитвенное». Везде и повсюду одно и то же опасение: «по мале времени совладеет нами и селитвы нашими» [1]).

Очевидно, массовое озлобление крестьянства против монастырей явилось результатом горького опыта. Духовенство вторгалось в деревни, приобретая их путем вкладов или покупая часть их, а остальное просто захватывая; оно занимало пустопорожние земли и приобретало на них жалованные грамоты, прибегало и к насилию. Монастыри этим озлобляли крестьян до такой степени, что иногда монастырь погорал «жертвой злобы злых людей» [2]) [3]).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Рабочая сила в сельском хозяйстве. — Феодализм.

I

Главной рабочей силой древней Руси являются рабы. Они упоминаются под названиями—челядь, челядин, домочадцы,— последнее аналогично греческому dmoes (как именовались рабы), что обозначает домашний—холоп (мужчина), обельный (полный) холоп или просто обель (одьрень), роба (женщина; слова раб не было); робить, роботить— по «Русской Правде», обращать в рабство. В духовных холопы или люди именуются полными, купленными, деловыми, грамотными (приобретенными по грамотам). Рабство, повидимому, играло большую роль в хозяйстве того времени. Как

1) Павлов. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. I 20.

2) Ефименко 262 сл.

3) Впрочем и бояре захватывали не только волостные земли, но и принадлежавшие духовенству. Так, Ивашко Романов отнял «у Николы святого на Орлеце пять деревень, две деревни на Усть-Пинеги реки, да деревню в Товрице, да деревню Есюпиньскую, да деревню Кудемкинскую, да те деи деревни пашет и сено косит приезжая с Матигор по третий год на себя силно (насильно), и половником (церковным) деи в тех деревнях пахать на себя же велит». От другой церкви он тоже отнимает четыре деревни. (Ефименко, 280).

земледельческие работы, так и прочая хозяйственная деятельность возлагалась на рабский элемент. Не только низшие слуги и сельские работники, но и управители—тиуны и ключники, ведавшие хозяйством, состояли из рабов; только им и доверяли дом, двор и хозяйство. В то время, как о прочих видах населения, как, напр., о смердах, закупах, изгоях, изорниках, находим сравнительно скудные упоминания, вызывающие много споров и сомнений, «Русская Правда», напротив, подробно останавливается на рабах, посвящает им ряд статей, старается определить их юридическое положение, предусмотреть всевозможные случаи столкновений между ними, с одной стороны, и их господами и третьими лицами, с другой. Очевидно, потребность в такой нормировке ощущалась, институт рабства был широко распространен и накладывал свой отпечаток на всю жизнь того времени. «Русская Правда» упоминает о холопах княжеских, боярских и монастырских («оже боудеть холопи тати либо княжи любо болярьскыи, либо черньцевы») [1]; их земли обрабатывались холопами. Это подтверждается и летописью. Князь Глеб Всеславич оставляет «княгини 5 сел и с челядью», а она передает их после смерти Печерскому монастырю. Села, населенные челядью, следовательно, переходят от князя к монастырю [2]). В конце XII ст. Варлаам дает Хутынскому монастырю землю «и с челядью и с скотиною» [3])— челядь такая же неотъемлемая принадлежность земли, как скот. О боярских селах, эксплуатируемых челядью, сообщает и летопись под 1269 г., когда новгородцы разграбили дворы посадника, «а села их распродаша и челядь, а сокровища их изискаша и поимаша бещисла» [4]). Точно также при занятии Киева Мстислав Изяславич отнимает много добра у дружинников Изяслава «золота и серебра, и челяди, и коней и скота» [5]); челядь составляет такое же богатство бояр, как золото и серебро и скот. В этих ценностях выражается богатство того времени.

Еще большее значение имела челядь в хозяйстве князя. Захватив двор черниговского князя Святослава, Изяслав нашел в скотницах и амбарах много богатства, в погребах 500 берковцев меду и 80 корчаг вина «и челяди 7 сот» [6]). Очевидно, имелись крупные княжеские хозяйства, которые велись при помощи большого количества несвободной рабочей силы, обрабатывавшей землю, занимавшейся бортничеством. У таких земледельческих рабов св. Феодосий учится работе; желая начать подвижнические труды, он считает нужным «исходити

---

[1]) Карамз. спис. 43.
[2]) Ипат. летоп. 1158 г.
[3]) Д. А. И. I. № 5
[4]) Летоп. Синодальн. 191.
[5]) Ипат. лет 1159 г, стр 344
[6]) Там же, 1146 г, стр. 237

ему с рабы на село и делати с всяким смирением» [1]). В договоре между Изяславом Мстиславичем и Давыдовичами 1146 г. челядь является одним из главных предметов соглашения: «Что же будет Игорева в той волости, челядь ли, товар ли, то мое, а что будет Святославле челяди и товара, то разделим на части» [2]). Челяди придается здесь большое значение как имущественной ценности, как это видно и из договора между Юрием Долгоруким и Изяславом Мстиславичем 1149 г., согласно которому все награбленное во время предшествующей междуусобицы должно быть возвращено по принадлежности: это «все»—стада и челядь (что будет пограблено, или стада, или челядь, что ли кому будеть свое познавши, поимати же по лицю») [3]). Поэтому-то князья во время своих постоянных походов грабят челядь и скот («ополонившеся челядью и скотом»); Владимир Мономах, взявши город (Минск), «не оставихом у него ни челядина, ни скотины». Это обычное выражение, которое равносильно захвату всего имущества [4]). «Как видим,—прибавляет М. Н. Покровский,—для полного и совершенного опустошения русских областей не было ни малейшей надобности в татарском нашествии». И князья действовали впоследствии «вовсе не как ученики монгольских завоевателей, а как продолжатели старой и почтенной истинно-русской традиции» [5]).

Холопство принадлежит к числу древнейших исконных институтов русского права и хозяйства. Уже в конце VI века византийский император Маврикий упоминает о рабах, имеющихся у задунайских славян; это пленники, хотя в отличие от остальных народов, по истечении известного срока, пленникам дается возможность выкупиться на волю и либо вернуться на родину, либо остаться среди славян в качестве вольных людей [6]). Плен являлся всегда главным и наиболее обильным источником рабства. Это явление мы находим у всех народов. О пленниках упоминается в договорах Руси с греками X ст. Они могут выкупаться на волю за определенную «челядинную» цену [7]). Такса эта определена для пленника, по договору Олега 911 г. (ст. 9 и 11) в 20 золотников (золотых) по договору Игоря 945 г. (ст. 7) она понижена до 10 золотников для русских, а для греков установлена в 10 зол. и ниже, смотря по возрасту. Случаи захвата в плен встречаются неоднократно и в летописях, причем пленников уводят не только во время войн с иноземцами, но и при завоевании дру-

---

[1]) Яковлев Памятн русской литературы, стр V Дьяконов. Очерки обществ и государств строя древн. Руси, стр. 79.

[2]) Ипатовск. лет 1146 г., стр. 239.

[3]) Ипатовск 1149 г., стр. 274. Мрочек-Дроздовский. Учен. записки. стр. 285.

[4]) Ипатовск. Стр 412, 466 Лаврент. Летоп. 1096 г, стр. 239.

[5]) Покровский, Рус Ист. I, стр. 64.

[6]) Ключевский, Опыты, стр 291.

[7]) Владимирский-Буданов, Христ. I. 15.

гих русских земель. Это ведь были тоже иноземные государства. Ольга, взяв у древлян их город Искоростень, одних перебила, других обратила в рабство («прочая люди овых изби, а другие работе предаст мужем своим»)—обычный способ ведения войн в те времена. Но так же поступает и Андрей Боголюбский во время похода на Новгород: «много зла створиша, села взяша и пожгоша и люди посекоша, а жены и дети и имения взяша и скоты поймаша». В древности мужчин нередко совершенно истребляют и только женщин и детей вместе с драгоценностями и скотом забирают в плен. Как много уводилось пленников, можно усмотреть, напр., из того, что в 1169 г. новгородцы захватили такое множество пленных, что «купляху суждальцы по 2 ногате». «Если принять во внимание, что в ту пору коза и овца ценились по 6 ногат, свинья в 10 ногат и кобыла в 60 ногат, то цена пленника в 2 ногаты должна быть об'яснена лишь крайней нуждою поскорей сбыть черезчур обильный товар» [1]).

Пленных продавали в рабство, и так как войны происходили почти непрерывно, то и совершалось такое постоянное перемещение населения из свободного состояния в несвободное. Все это продолжалось еще и значительно позже. Когда Иоанн III в 1471 г. отправлялся в поход на Новгород, то войско его, «плѣнующе и жгуще и люди в плен ведуще». Из княжеских договоров видно, что князья считают своим правом продать пленника, но в то же время появляются и постановления, возлагающие на них обязанность отпустить пленных на волю и выкупить подданных из плена, обе стороны обязуются отпустить пленных: «что будет у тебе того моего полону, или у твоих бояр или у детей у боярьскых, и тебе тот мои полон весь отдати по сему моему целованию; а кто будет того полону запродан за рубеж, или инде где, и тебе тот полон выкупити весь безхытростно» (1433 г.) [2]).

Наряду с пленом было однако еще много других случаев возникновения рабства.

Дети, рожденные от рабов, суть рабы: «от челяди плод или от скота» [3]) — ставится наравне естественный прирост того и другого. Совершение различных преступлений — убийства в разбое, поджога и конокрадства—приводило к потоку и разграблению, но оно же могло влечь за собой обращение в холопы. Князь мог «повелить разграбити с жоною и детми», но он же мог отнять «жоноу и дети оу холопство» [4]). В холопы превращался и несостоятельный по своей вине должник. Кредиторы решали «ждоут ли ему, продадоут ли его—своя им воля» [5]). Но и этим дело не ограничивалось. Кроме принудительного холопства,

---

[1]) Дьяконов, Очерки, стр 105.

[2]) С. Г. Г. и Д. I. № 47. См. Гессен, Пленные на Руси в период княжеских междуусобий («Вестник Красного Креста». 1917 г., кн. 2—3).

[3]) «Русск. Прав.». Карамзин. спис., ст. 111

[4]) Смоленский договор с немцами 1229 г, ст. 11.

[5]) Карамзин. список, ст 68.

возникавшего в указанных случаях, было еще и холопство добровольное. На нем специально останавливается «Русская Правда», придавая ему, очевидно, существенное значение. В отделе о «холопстве» она перечисляет три случая («а холопство обельное трое»). Такова женитьба на рабе без особого договора с ее владельцем («поиметь робу а без рядоу»), далее самопродажа в присутствии свидетелей («оже кто то купить хотя и до полугривны, а послухы поставить, а ногату дасть пред самем холопом, а не без него»), наконец, поступление в тиуйство (что символически совершается посредством привязыванья ключа) без договора («тиоуньство без ряда или ключь к себе привяжет») [1]).

Обо всех этих случаях необходимо было особо упомянуть, ибо холопство в каждом из них наступало лишь при наличности определенных, указываемых законом, обстоятельств—именно при отсутствии особого соглашения (в первом и третьем случае) и при наличности свидетелей, публичном характере самопродажи, вероятно на торгу (во втором случае).

Все эти способы, повидимому, в широких размерах создавали холопство, приводили к включению в число холопов все новых и новых элементов. Древнему времени, как справедливо указывает В. И. Сергеевич, была чужда всякая забота об ограждении свободного состояния человека, ему предоставлялось, если он находил это для себя выгодным, продавать себя в рабство [2]). Особенно сильно такое превращение в холопы совершалось, повидимому, под влиянием столь частых в то время голодов, когда родители за хлеб отдавали своих детей и отдавались сами в холопы («одрен из хлеба гостем»).

«Русская Правда» содержит специальную статью (122), которая должна предупредить обращение в рабство. «Вдачь (а в даче) не холоп, а инии (и ни) по хлебе робять, ни по придатце; но ожо не ходять год то ворочати емоу милость; отходить ли, то не виноват есть». Одни понимают эту статью в том смысле, что за ссуду хлеба или денег никто не должен быть обращен в холопство, другие усматривают здесь работу за хлеб, которая не должна порабощать человека; за эту милость он год работает, а затем свободен [3]). Как бы то ни было, во всяком случае, речь идет о случаях, когда голодные или задолженные люди легко могли потерять свою свободу. Сильные мира сего стремились всячески к присвоению личности бедняка, к охолопливанию населения, по выражению И. И. Яковкина [4]).

Как признано всеми исследователями, «в древнейших памятниках русского права холопство является суровым инсти-

[1]) Карамзин. список, ст. 119—121.

[2]) Сергеевич, I, стр. 133.

[3]) Владимирский-Буданов. Христ. I, стр. 18. Прим. 160. Обзор. 4 изд. 407. Сергеевич, I, стр. 191. Мрочек-Дроздовский. Исслед. стр. 247. Дьяконов, стр. 107.

[4]) Яковкин. Закупы Русской Правды (Ж. М. Н. П., 1913, IV. 277).

тутом», «рабство принималось в самом строгом смысле», «первоначально права господина не подлежали никаким ограничениям», «древнее право берет под свою защиту рабовладельческие права от посягательства со стороны посторонних лиц, но ничем не ограждает интересов холопов» [1] [2]).

Правда указывают и на то, что бесправное положение рабов под влиянием церкви улучшается. Духовенство вооружается против людей, которые «томят челядь свою гладом и ранами», и приравнивает их к еретикам, блудникам, татям и разбойникам. От таких господ, если они потом желают успокоить свою совесть богатыми вкладами в пользу церкви, не следует принимать никаких приношений. «Челядь же свою такоже милоуй, дажь им потребная; показай же я на добро не яростию, но яко дети своя». В особенности церковь восстает против произвольного убийства рабов: «аще кто челядина убиет, яко разбойник эпитемью примет». Она требует обязательного дарового отпуска на волю рабы, прижившей детей со своим господином, или потерпевшей от совершенного над ней насилия, как и холопа, которому господин причинил увечье. [3]).

Однако, не следует упускать из виду, что не только церковь признавала самый институт рабства, но и сами монастыри имели холопов, трудами которых они пользовались. В «Русской Правде» упоминается о «черньцевых» холопах; получая от князей в дар земли, населенные холопами, церковь и не думала отпускать последних на волю. Мало того, и пред'являя те или другие требования, церковь шла на большие уступки. Когда в половине XII ст. Кирик высказывает мысль о принудительном и даровом освобождении холопок, которых господа превращают в своих наложниц, то еп. Нифонт на это отвечает, что такого обычая нет и готов довольствоваться принудительной продажей такой рабы—если заставить такого господина продать рабу, то это послужит другим уроком [4]).

В светское законодательство вошло только два постановления, в которых можно усматривать следы влияния церкви. Одно содержится в «Русской Правде»» и гласит, что дети, рожденные от рабы, после смерти отца их, получают свободу вместе с матерью своей, однако, никаких прав на наследство они не имеют: «аще боудоуть рабьи дети от моужа, то задници им не имати; но свобода им с матерью» [5]). По уставу Всеволода о церковных судах XII ст. им предоставлено лишь право на

---

[1]) Ключевский, Опыты и исслед стр 291 Владимирский-Буданов, Обзор. 412. Сергеевич, Русск. юридич. древн. I. (1 изд.), 111. Дьяконов, Очерки, 107—108. Чичерин, Холопы и крестьяне в России до XVI в Опыты по истории русск. права. 1858, стр. 153. Goetz. Russ. Recht. IV, 105. Дебольский, 54 сл.

[2]) См. Карамз. спис. 27, 34—36, 43, 102, 123—27, 132—убийство раба рассматривается лишь с точки зрения убытка, нанесенного господину, господин может искать пропавшего раба и т. д

[3]) См. Русск. Истр. Библ., VI, 107, 124. Сергеевич, I, стр. 112 сл. Ключевский, Опыты и исслед., стр. 224 сл. Дьяконов, 110 сл.

[4]) Русск Ист. Библ., т. VI, стр. 42. Ключевский, Опыты, стр. 301. Есть и иное толкование См. Goetz. ук. соч.

[5]) Карамзинск спис.. 110.

выдел, на «робичичю часть» («конь да доспех и покрут») [1]). Другое вошло в договор Новгорода с немцами конца XII в. и предоставляет рабе, потерпевшей насилие, свободу («паки ли соромить, собе свободна») [2]). Однако, судя по тому, что оно включено в договор с немцами, возможно предполагать, что это правило распространялось лишь на случаи насилия немцами, приезжавшими в Новгород, над имевшимися у них русскими рабынями, так что область применения его оказывалась весьма ограниченной [3]). Что же касается убийства холопов, то влияние церковной проповеди в этом отношении оказалось еще меньшим, как можно усмотреть из постановления Двинской судной грамоты, согласно которому неумышленное убийство (а на него можно было всегда сослаться) холопа господином не наказуемо («а кто осподарь огрешится, ударит своего холопа или робу, и случится смерть, в том наместници не судят, ни вины не емлют») [4]).

Из статеи «Русской Правды», трактующих об ответственности господ за своих холопов, видно, насколько разнообразна была деятельность последних. Так, упоминается о том, что господин поручает холопу торговлю от своего имени, и холоп при этом делает долги («оже кто поустить холопа в торг, а должаеть, то выкупати его господину»), или же холоп сам, уйдя от господина (находясь в бегах), приобретает товары и делает долги («оже холоп бегая добоудеть товару, то господину холоп и долги, господину же и товар»). Предусматривается и случай, когда кто-нибудь дал деньги заведомо в долг холопу, причем такие долги об'являются ничтожными («ведая ли боудеть дал, то кун лишену ему быти»). Значит холоп мог самостоятельно заключать сделки, и были лица, которые давали ему ссуды [5]). В связи с этим находится, очевидно, постановление договора Смоленского князя с немцами 1229 г., где речь идет также о суммах, которые немец дал взаймы княжескому или боярскому холопу; в случае смерти его, долг переходит на того, кто получает имущество умершего [6]).

Мало того, холопы, как мы видели, были тиунами, управителями по ключу сельскому (посельские) и городскому (ключниками). Владимир Мономах в своем поучении говорит: «не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмеются приходящии к вам ни дому вашему, ни обеду вашему». Он советует детям за всем присматривать самим, не полагаться на управляющего-

---

[1]) Устав вел. кн. Всеволода о церковных судах и о людях и мерилах торговых 1125—1136. (Владимирский-Буданов, Христ., I, стр. 247).

[2]) Договор Новгорода с немцами 1189 г., ст. 14.

[3]) Как справедливо указывает В. И. Сергеевич, речь может итти только о насилии собственной рабе, иначе рабство вообще не могло бы удержаться (I. 113) Насилия русских над рабами-немками едва ли могли иметь место, ибо такие едва ли вообще были в Новгороде, следовательно, все сводится к русским рабыням, купленным приезжими немецкими купцами.

[4]) А. А Э. I. № 13

[5]) Карамз. спис, 127. 128 130. 131.

[6]) Смоленск договор, ст 12.

тиуна. Но эти же тиуны из княжеского двора перешли в государственное управление, от службы в домашнем хозяйстве господ к государственной службе—как это было и в Западной Европе. В 1146 г., как сообщает летопись, «начаша кияне складывати вину на тиуна, на Всеволожа, на Ратьшу и на другого тивуна на Вышегородьского, на Тудора, реьуче: Ратша ны погуби Киев, Тудор—Вышегород». Они требуют, чтобы Святослав целовал крест, обещая сам править, и не отдавать население на произвол неправедным тиунам: «аще кому нас будет обида, то ты прави». У тиуна был и свой двор, который киевляне бросились грабить, так что Святослав едва «утиши их». И впоследствии несвободные ключники и тиуны управляют и княжеским двором и государственными землями—казначеи ведают всякую казну, и частную казну князя, и государственную, дьяки ведут всякую переписку, и ту и другую. Если московские князья милостивы к ним, они отпускают тиунов, казначеев, дьяков и приказных людей на волю. Неудивительно, если «Русская Правда» устанавливает за них повышенную виру—за убийство боярского тиуна 40 гривен, за княжеского 80 гривен, он ведь мог быть судьей и правителем.

После своей смерти князь отпускает своих людей на волю — не только тиунов, но и прочих холопов. «а что моих людий деловых или кого буди прикупил или хто ми ся будеть в вине достал, тако же мои тивуни и посельские, и ключники и старосты, всем тем людем дал есмь волю» (духовная Семеона Ивановича 1353 г.). «Хто будет моих людей куплены, грамотных, полных, дал есмь им свободу, куда им любо: а детем моим ни моей княгини не надобни» (духовная 1356 г. Ивана II). Василий II оставляет своих холопов своим дочерям, по пяти семей, но «опроче того вси холопи мои на слободу и с женами и с детьми» [1]) (духовная 1423 г.).

И беглый закуп обращается в холопа («оже закоупный бежить от господина, то обел») [2]). Закуп, следовательно, не есть холоп, но может обратиться в него. Закупы составляют, таким образом, вторую группу рабочих сил, работающих на частно-владельческих землях. Из «Русской Правды» мы можем усмотреть, что закупы играли существенную роль в хозяйстве того времени. Это были ролейные закупы («а иже у господина ролейны закоуп боудеть» [3]), т.-е. пашенные, пахотные, земледельческие; ролья—пашня, рало—соха, орати—пахать. На крестьянах Константиновского монастыря лежала обязанность «игумнов жеребей весь рольи орати изгоном, и сеяти, и пожати, и свезти» [4]). Такие же работы, очевидно, выполняли и закупы, они занимались «ораньем чюжого поля». Об этом

[1]) Сб. Г. Г. и Д. I. №№ 24, 26, 41. Ср. № 30 и др.
[2]) Карамз. спис., 70.
[3]) Карамз. спис, 71.
[4]) А А Э., I, № 11.

свидетельствует тот факт, что они получали от господина плуг и борону («еже дал емоу господин плуг и бороноу») [1]. Господин дает закупу определенные хозяйственные поручения, закуп исполняет «орудие», на которое пошлет его господин («аще ли господин его отошлеть на свое ороудие») [2]. В частности закуп ходит за скотом, пасет его на поле, загоняет его во двор и запирает («еже погоубить на поли или в двор не вженеть и не затворить, где емоу господин его велел») [3]. Пользуясь хозяйственным инвентарем, закуп отвечает за сохранность последнего. Он обязан платить за порчу плуга или бороны, за скот, если потеряет его на поле или не загонит, или не запрет, или если скот пропадет во время работы. Напротив, если скот будет уведен из хлева или из загородки или если сельскохозяйственные инструменты пропадут во время отсутствия закупа по поручениям господина, то он за это не подлежит ответственности, ибо в этих случаях порча или утрата инвентаря произошла не по его вине («оже из хлева, из забоя выведуть, то закоупоу того не платити»; «аще ли господин его отошлет на свое ороудие, а погибнет без него, то емоу не платити своемоу господиноу») [4].

Только за лошадей, в отличие от прочего скота, он вообще не отвечает: «а погоубить свойскы конь, то не платить емоу». Почему лошадь составляет исключение и что значит «свойский»? Едва ли воинский, кавалерийский конь, которого нельзя поручать закупу, как об'яснял Ланге [5]. И точно так же это не «свой», не собственный конь закупа, как полагают Сергеевич и Гетц [6], ибо тогда нечего было бы оговаривать, что за собственного коня он платить не должен, ибо себе же нанес убыток. Наиболее правдоподобно об'яснение И. И. Яковкина, который исходит из того, что в другом памятнике XII ст. (Студийский устав) свойской одеждой названо платье монаха; так как «мнихом ничто же подобает своего имети» [7]), то это, очевидно, peculium, переданная ему в пользование одежда. И свойский конь закупа был выделенным ему господином имуществом—«отарицей». Идея принадлежности его господину еще не утратилась, почему необходимо было подчеркнуть, что в случае гибели коня, закуп не обязан платить за него [8]).

О купе (копе) или отарице упоминается и в ст. 73 («а введеть вкупоу—купу, копу—его или отарицоу, то то емоу все

---

[1]) Карамз. спис., 71.
[2]) Там же.
[3]) Карамз. спис., 72.
[4]) Там же, 71, 72.
[5]) Ланге, 189. Тоже Мрочек-Дроздовский, Учен. Зап., Аристов, 43.
[6]) Сергеевич, I, стр 179 Goetz. III, 274.
[7]) См. А. И I. № 5
[8]) Яковкин, Закупы Русской Правды (Журн. Мин. Нар. Просв. 1913 г., кн. V, 117).

воротити»)—и здесь, следовательно, речь идет не о собственном имуществе закупа, а о предоставленном ему в пользование. В противоположность другим об'яснениям слова «отарица» [1]), тот же И. И. Яковкин указывает на то, что встречающееся в Пандекте Никона Черногорца выражение peculion переведено «отарица» [2]).

Таким образом, ролейные закупы люди бедные, ни земли, ни плуга, ни бороны они не имеют. Они живут во дворе господина, работают на него его скотом и инструментами, получают лишь в выдел, в неполную собственность лошадь и некоторую часть другого имущества господина. При таких условиях они в те времена не могли пользоваться личной свободой. Действительно, господину принадлежала значительная власть над личностью закупа. Хозяин бил его наравне со своими холопами, без суда, прибавка же, что он не должен истязать закупа без основания и в пьяном виде, едва ли могла защитить его [3]). («аще господин бьет закупа про дело, то без вины есть; бьет ли не смысля, пьян, без вины, то якоже свободному платити, тако и в закупе») [4]). Еще важнее то обстоятельство, что к свидетельству на суде закуп допускается только в малых делах и при отсутствии других послухов-свидетелей («О послушестве... а в мале тяже по ноуже, сложити на закупа») [5]). Послухом, поясняет Владимирский-Буданов, может быть человек только свободного состояния; только в случае необходимости, когда нет свидетелей свободных людей, принимается свидетельство холопа высшего рода (тиуна), в делах незначительных можно принять свидетельство и закупа [6]).

Но в то же время закуп может добывать средства для выкупа («идеть ли искати кун»—ст. 70), может приносить жалобу князю или судьям на причиненную ему обиду, притом и со стороны господина («ходить к князю или к судиям бежить обиды деля своего господина»—там же). Он противополагается свободному («яко же свободному платити»), с одной стороны, обельному холопу, с другой. Последнее указывает на

---

[1]) Владимирский-Буданов (Христ I 61, прим. 101) понимает под купой кошу, долю копен (полевых произведений), принадлежащую закупу. Соболевский (М. М. Н П. 1886. IV) и Гетц (III, стр. 270. 275)—получаемые закупом средства пропитания, а отарицу они об'ясняют в смысле небольшого стада овец, принадлежащего закупу. Карамзин понимал под «отарицей» плату за куну, Ланге—земельный участок, данный закупу

[2]) Яковкин (Ж. М Н. П IV, 273). На это еще раньше указывали Мрочек-Дроздовский (Учен. Зап. 221) и Сергеевич. I, стр. 182, на основании сличения текстов у С А. Павлова

[3]) См. Покровский Ист культ., I, стр. 63.

[4]) Карамз. спис. 73.

[5]) Там же, 77.

[6]) Владимирский-Буданов. Христ 67, прим 108

то, что и он холоп, но только не полный, нечто среднее между свободным человеком и несвободным, полусвободный, либерт. В относящемся к древнейшей эпохе переводе «Слов Григория Богослова» греческое слово hemidulos, т.-е. полураб, переведено термином «закуп» [1]). Так смотрели, следовательно, и в те времена на закупа. Если господин его продаст, то он приобретает полную свободу, освобождается от всех обязательств — «продасть ли господин закупа обель, то и наимиту слобода во всех коунах» [2]). Но он легко может превратиться в совершенно несвободного человека, обеля. Это может произойти при совершении им кражи; в этом случае как бы заранее учитывается неспособность закупа возместить причиненный вред, почему господину предоставлено на выбор или уплатить вознаграждение за украденное и взять себе закупа в обельные холопы, или же продать его на сторону и из полученной суммы удовлетворить потерпевших. Следовательно, за преступление закуп платится своей свободой. То же происходит в случае бегства закупа от господина. Правда, законодатель проводит границу между таким самовольным уходом и другими случаями отлучки со двора господина, именно для займа денег, или же для принесения жалобы на обиду господина («идеть ли искати кун, а явлено ходить к князю или к судиям бежить обиды деля своего господина, то про то не робят его, но дати ему правда»). В этом случае «Правда» берет закупа под свою защиту. Такую отлучку легко было превратить в попытку бежать. Хозяева, несомненно, пользовались всяким случаем, чтобы обратить закупа в обельного холопа.

Но чем вызывалось такое состояние полухолопа, откуда появились люди, стоящие — по выражению А. Е. Преснякова [3]) — на скользкой грани между свободой и рабством, связь которых с общим правом стала столь хрупкой? Обрабатывая землю господина и ухаживая за его скотом, был ли закуп наемным работником, «наймитом», как утверждал еще Рейц и как полагает Сергеевич [4]), или же он является должником, отрабатывающим кредитору полученную ссуду? Последнее полагал Неволин, на этой точке зрения стоит Владимирский-Буданов, об'ясняющий, что заем в древнее время обеспечивался личным закладом, т.-е. закладом личности кредитора до отработки долга с процентами [5]). Что закупничество вытекает из займа, но есть не заем, а обеспечение займа свободой,

---

[1]) Яковкин, V, стр 101 сл.
[2]) Пресняков, стр. 299, 301.
[3]) Рейц, стр. 294. Сергеевич, I, стр. 176 сл. Дебольский, 86 Удинцев. История займа, 1908, стр. 149 сл. Карамз. спис., 73.
[4]) Владимирский-Буданов, Обзор, 2 изд., стр. 334. Неволин, V, стр. 147.
[5]) Владимирский-Буданов, Обзор, 2 изд., стр. 334. Неволин, V, стр. 147.

самозаклад, временное холопство до уплаты долга, на это указывает и ряд других авторов [1]).

В пользу первого взгляда говорит одна статья «Русской Правды», называющая закупа наймитом («продаст ли господин закоупа обель, то и наймиту свобода во всех коунах»), но это единственная статья, где применяется это выражение, и она же гласит, что наймит освобождается от всех обязанностей, что он был, следовательно, должником своего господина. Мало того, слово «наймит» имеется только в Троицком списке «Русской Правды», тогда как почти во всех других редакциях (в четырнадцати списках) его не имеется и оно заменено «закупом». В «Вопросах Кирика» XII ст. наем отожествляется или сопоставляется с лихвой («а наим деля, рекше лихвы»), следовательно, и в качестве должника закуп мог называться наймитом. В других памятниках наймитом или наемником назван подрядчик, иногда так именуются крестьяне, сидящие на монастырской земле и обязанные выполнять различные работы для монастыря. Так что на употреблении этого имеющего столь разнообразный смысл термина в «Правде»—как указывает И. И. Яковкин—еще никаких выводов построить невозможно [2]). Но не менее существенно и другое обстоятельство. «Почему закуп,—спрашивает М. Н. Ясинский—бежавший от своего господина, обращается в полное рабство, как о том гласит 70 ст. «Русской Правды», неужели нарушение договора личного найма, при всех возможных ограничениях по адресу наймита в пользу и в интересах нанимателя, могло влечь за собою столь суровые последствия для первого из них? Не естественнее, не правдоподобнее ли предположить, что бегство закупа приводило его к полному рабству потому, что в основе закупничества лежал не какой-либо иной договор, а именно договор займа, сопровождавшийся самозалогом,—займа, при котором, по воззрениям древних народов, должник рассматривался как вещь, цена каковой должна была в известных случаях удовлетворить заимодавца или кредитора?» [3]).

В самом деле, эти соображения являются весьма существенными. И наемный работник подвергался в те времена значительным ограничениям своей свободы; постановления, касающиеся дисциплинарной власти господина, опеки над закупом перед третьими лицами (в случае совершения преступления), ставящие его в одинаковое положение с челядью и домо-

---

[1]) Загоровский, Исторический очерк займа по русскому праву до конца XII ст. (1875), стр 66. Леонтович, Крестьяне юго-зап. России, стр. 21. Павлов-Сильванский, стр. 226 Ясинский, Закупы Русской Правды и памятников западно-русского права 1904 См. подробное указание литературы у Удинцева. История займа, 146 сл. и у Яковкина, ук. ст.

[2]) Яковкин. Закупы Русской Правды Ж. М. Н. П. 1913. IV, 251 сл

[3]) Ясинский Закупы Русской Правды и памятников зап. русск права. (Сборн посв. Владимирскому-Буданову. 1904)., стр. 437.

тящими, вполне приложимы и к найиту. Последнего нельзя себе представлять как свободного наемного работника, человека служащего по найму [1]), он во всяком случае закабален. на время закабаленный человек, как определял закупа еще Карамзин; в таком виде только и мыслима была продажа рабочей силы в те времена, она была соединена с частичной продажей своей личности. Однако, она едва ли могла доходить до обращения в холопы бежавшего наемника или до продажи его в рабство, в случае совершения кражи. Только жестокое право. господствовавшее в те времена в отношении должников, могло создавать такие последствия, как полную потерю свободы. Поэтому-то многие из тех авторов, которые стоят на почве договора найма, считают нужным прибавить, что это не простой наем, а соединенный со ссудой и сопровождающийся личным закладом, как указывает Чичерин. «В то время, говорит он, ничего не могло быть естественнее, как такой личный заклад; за недостатком правильного общественного устройства и законов. охраняющих иск, трудно было найти другое обеспечение для заимодавца... Сделать это было тем легче, что свобода человеческая мало ценилась и стремление к личному порабощению и без того сильно проявлялось в общественном быту» [2]).

Гетц, отказавшись от своего первоначального взгляда на закупа, как на наемного рабочего, идет, однако, еще дальше указанных авторов, усматривая в закупничестве результаты долгового обязательства, но не в виде самозаклада должника, а в качестве выдачи неоплатного должника кредитору. По его мнению. должник превращался, следовательно, во временного холопа не в силу самого заключения договора займа, а лишь в случае неисправной уплаты долга; в этом случае наступало долговое рабство, выдача должника кредитору до искупа, до отработки долга. Как указывает Гетц, статьи о закупе (70—73) непосредственно следуют за рядом статей (47—67) о резомистве (взимании процента) и за ст. 68—69 «о долзе», причем в последней 69 ст. говорится о продаже в рабство несостоятельного должника («вести я на торг и продажу»)—это относится к крупным долгам, имевшим место по торговле. В отношении же закупа, где речь идет о более мелких долгах частных лиц, эта мера обращения в полное рабство заменяется менее тяжелой в виде временного закабаления неисправного должника [3]).

Однако, из этой связи между статьями «Правды», их логической последовательности получается скорее иной вывод.

---

[1]) См. Яковлин Ж М Н. П 1913. IV. 224 сл

[2]) Чичерин, Опыты 155 Оба эти момента (найма и займа) соединяет Мрочек-Дроздовский. (Учен. Запис. 164). Калачев. Предвар юридич. свед. для полного об'яснения Русской Правды, стр. 141. Ключевский. Опыты и иссл., стр. 294. Курс. I, стр. 299.

[3]) Goetz, III. 266 сл

Гетц чрезмерно преувеличивает размеры торговли и торговых оборотов, торгового капитала и кредита того времени; кредит в этой области едва ли был значительнее, чем в других случаях. Поэтому различие между об'ектом предыдущих статей и статей, трактующих о закупе, следует усматривать не в количественном моменте, в больших или меньших размерах долга, а в качественном, в том, что за статьями о неисправном должнике, продаваемом в рабство, следуют постановления, относящиеся также к области кредита, но имеющие в виду случаи самозаклада, вызванного самым заключением кредитного обязательства. В первом случае, при несостоятельности торговца, вызванной его злой волей, предоставляется усмотрению кредитора, продать его или нет, во втором—это право дается также, но—как мы видели—лишь в том случае, если он совершит кражу, ибо не будучи в состоянии уплатить нанесенный им убыток, он становится в этом случае тем же несостоятельным должником и несостоятельность его также основана на злом умысле.

М. Н. Ясинский сопоставляет закупничество «Русской Правды» с аналогичным институтом литовского права, где имеет место либо самозаклад должника, либо заклад подвластных ему лиц, сыновей, дочерей или челяди его. Закуп поступал во власть кредитора, так же, как при кредитных обязательствах, обеспеченных залогом недвижимостей, заложенное имение переходило во владение кредитора, а должник сохранял право выкупа. Подобно тому, как такую «заставную» землю кредитор держал в своих руках, пока должник ее не выкупал, и закуп оставался во власти кредитора, пока он сам не возвращал ему долга или следуемую сумму не вносил кто-либо иной [1]).

И. И. Яковкин приводит параллель между закупничеством и долговой кабалой, содержащейся в древнем норвежском праве, изученном в особенности Амира и Конрадом Маурером. Из норвежского права, постановления которого через варягов могли проникнуть и в русское право, можно усмотреть самый способ возникновения долговой кабалы, о чем «Русская Правда» ничего не говорит. Договаривающийся мог итти в кабалу сам или отдать людей, находившихся в его власти (как и в литовском праве), напр., сына; причем предварительно должен был предложить себя родственникам, при нежелании же ими воспользоваться своим правом, мог закабалиться любому лицу; самое заключение договора происходило на собрании и выражалось первоначально в символическом захвате закабаляемого. И здесь мы находим ту же двойственность в положении кабального, которая характерна для «Русской Правды».

---

[1]) Ясинский, ук. соч.

Он причисляется к категории свободных, за посягательства против личности его господин отвечает как за посягательства против свободного, продажа его в рабство (как закупа) рассматривается как преступление. Но в то же время он входит в состав «дома» своего господина и в силу этого и подлежит юрисдикции домовладыки; господину (как и в отношении закупа) принадлежит право наказывать его, но и тут только за дело, если он не выполняет возложенной на него работы. Он сливается с верхами холопства (приравнивается в известных случаях к несвободному Oberknecht, ключнику, тиуну). Собственного имущества поступившии в кабалу не имеет, а пользуется лишь, как и закуп, полученным от господина (peculium). Наконец, он может освободиться от власти господина уплатой ему долга, почему ему предоставляется право (как и в «Русской Правде») в течение двух недель ходить по стране в поисках нужной суммы, но в случае тайного бегства, он и тут карается обращением в холопство [1]).

Конрад Маурер указывает на то, что долговая кабала в древне-норвежском праве, с одной стороны, очень близка к состоянию несвободы, с другой, напротив, резко отграничивается от последней. Оба института сначала идут параллельно, но затем пути их расходятся, и тот пункт, которым знаменует это расхождение, заключается в том, что несвобода есть состояние постоянное, пожизненное и наследственное, если не имеет места отпуск на волю, тогда как кабала по своему существу представляет собой нечто временное и поэтому заключает в себе самые элементы своего прекращения, права личные и имущественные не отменены, а только временно отсутствуют и в любой момент могут возродиться [2])

Ту первоначальную форму займа, при которой он представляет собой куплю-продажу, но с правом должника вернуть себе проданную (заложенную) вещь и которая характерна для ранней эпохи в истории кредита, мы находим и в нашем праве и ей вполне соответствует самозаклад кредитора—закупничество. Древнерусская купля, подобно западно-европейской, обслуживала и интересы займа, и таким же двойственным характером отличалась и холопская самопродажа; в обоих случаях залог возник из купли-продажи. Залог недвижимости в наиболее раннюю эпоху заменялся закладом человеческой личности, рабочей силы. Права господина над личностью полного холопа приближаются к праву собственности, права его на личность закупа—к правам залогодержателя. Подобно тому.

---

[1]) Konrad Maurer, Die Schuldknechtschaft nach altnordischem Recht Sitzungsber. der philos, philol. u. histor. Klasse der Akademie der Wiss. zu München (1874), стр. 3 сл., 21 сл. Amira. Nordgermanisches Obligationenrecht II. 157 сл. Яковкин (Журнал V. стр. 112 сл.).

[2]) Maurer, p. 29 сл.

как кредитор заложенной вещи владел ею и пользовался за рост, так и кредитор закупа владел им и пользовался рабочей силой. Как заложенная вещь не подлежала свободному распоряжению лица, которое ею владело, так и господин не мог продать или заложить холопа [1]).

На Западе упоминается «de ingenuis qui se pro pecunia aut alia re vendiderint vel obligaverint» (VII ст.) [2]). Самозаклад в ту эпоху необходим при самом заключении сделки, ибо доверие совершенно отсутствует, кредитору нужно немедленно же получить эквивалент, а других видов залога не имеется, по крайней мере, у бедного человека.

Другую группу полусвободных, сидевших на частно-владельческих землях и, вероятно, обрабатывавших их также при помощи инвентаря, получаемого от господина, составляли изгои.

Что означает слово «изгой»? Русские историки первоначально полагали, что это есть название населения известной местности или лиц определенной национальности. Раковецкий считал изгоями жителей псковской области, Карамзин — латышей, Полевой — финнов, Эверо — вообще иностранцев [3]). Другие однако исследовали слово «изгой» с филологической стороны и пришли к иным результатам. Морошкин производит его от готского uss - gauja—изгнанник или выходец, человек стоящий вне общества, wargus, forbannitus Варварских правд, fogelfrei. человек, не имеющий пристанища, нарушивший мир. Иванишев выводит тот же термин с иллирийского hajati—ходить, izhajati—выходить, Микутский обращается к латышскому языку, где izgois означает—тот, кто вышел. В результате у всех троих получается тот же смысл человека, вышедшего из какой-то группы, не принадлежащего более к ней [4]). Наконец изучая русский язык, Буслаев выяснил, что форма «гой» происходит от глагола «жити», так же, как форма «пой» от глагола «пити», «покой» от «почити». Слово «гой» означало жизнь. спокойствие, мир, общество, мирное сожительство людей. Изгой—человек, находящийся вне мира, вне общества, бездомный [5]). И тут, следовательно, тот же смысл изгнанника или выходца.

Эти филологические изыскания потвердились найденным Беляевым источником, из которого видно было, в каком смысле понималось это слово в XII ст. В уставе Новгородского князя Всеволода Мстиславича «о церковных судех и о людех и мерилех торговых» 1125—1136 г.г. читаем: «а се церковныа люди... изгои трои: попов сын грамоте не

---

[1]) См. П. И. Беляев., Холопство и долговые отношения в древне-русск праве. «Юридич. Вестн.», 1915, III, 134, 136 сл. Его же. Заем и заклад по древне-русск. праву. «Рус. Ист. Ж.». VII, 1921, стр. 65 сл.

[2]) Brunner. Deutsche Rechtsgeschichte. II, стр. 109.

[3]) Rakowjecki. Prauda Ruska. I, стр. 109 сл. Карамзин, II, стр. 351. Полевой. История русского народа, II, стр. 155. Эверс. Древнее право Руссов, стр. 318. См. Мрочек-Дроздовский, «Чтения», стр. 40 сл. Прил. IV.

[4]) Мрочек-Дроздовский, Прил. IV, стр. 49 сл.

[5]) Буслаев, Историч. грамм. русск. яз. (2 изд.), I, стр. 54.

умееть, холоп из холопства выкупится, купец одолжает; а се и четвертое изгойство и сего приложим: аще князь осиротееть» [1]). Изгоями, следовательно признаются: сын попа, не знающий грамоты, следовательно, не могущий в свою очередь стать попом, вынужденный покинуть духовное сословие, извергаемый из него; холоп, выкупившийся из холопства, вольноотпущеник, вышедший из холопов, но не примкнувший ни к какой иной группе; наконец, несостоятельный купец, тем самым исключаемый из купеческого звания. Все они становятся церковными людьми, поступают под охрану церкви, подлежат церковному суду. Устав Всеволода и определяет точно, что такое изгой, для установления церковной подсудности. Что же касается четвертого случая изгойства, когда князь осиротеет, то оно упоминается лишь в дополнение (изгои ведь только «трои»), причем эти князья-изгои «прилагаются» («к себе приложим»), т. е. отдаются во власть князю, находятся под охраной княжеского рода, а не церкви. Изгои, следовательно, люди беспомощные, не примкнувшие ни к одному из тех мелких свободных и крепостных союзов, на которые разбивалось гражданское общество [2]). Калачов, исходящий из господства на Руси в древнейшую эпоху родового строя, называет изгоя выходцем из рода, причем считает его, вследствие этого, человеком греховным, преступником—к этому ведет его беззащитное положение [3]). Аксаков, сторонник общинного быта, рассматривает изгоя в качестве человека, исключенного или себя исключившего из общины или сословия [4]). Соловьев, наконец, определяет его так: «изгоем вообще был человек, почему-либо не могущий оставаться в прежнем своем состоянии и не примкнувший еще ни к какому новому» [5]). Это понимание изгоев стало господствующим.

Изгои люди, выбитые из колеи, из обычного строя и уклада народной жизни, люди, лишенные обычных для каждого способов существования [6]). Поэтому они нуждаются в поддержке и покровительстве, вынуждены поступить под защиту других, прежде всего церкви: они ведь «люди церковные, богаделные», наряду со странниками, слепыми, хромыми, вдовами и многими другими. Церковь приобретала выгодную, находившуюся в ее власти, рабочую силу в лице изгоев, как и других «церковных людей» — прощеников (получивших чудесное исцеление?), пущенников, задушных людей (вольноотпущенников по духовной), о которых упоминается в тех же уставах

---

[1]) Устав Всеволода о церковных судах (Владимирский-Буданов, Христ., I, стр. 245). См. Мрочек-Дроздовский. Чт. О. И. и Др., стр. 58 сл.

[2]) Чичерин. Опыты, стр. 169

[3]) Калачев, О значении изгоев и состоянии изгойства в древней Руси. «Архив историко-юридич. сведений». 1850, I, стр. 57 сл.

[4]) Аксаков, Родовое или общественное явление был изгой? Полн. собран. соч., I, стр. 38.

[5]) Соловьев, I, стр. 231.

[6]) Мрочек-Дроздовский, Чт. О. И. и Др., стр. 57. Сергеевич, 1. стр. 264. Дьяконов, стр. 115 сл. Владимирский-Буданов, Христ. I, стр. 245 Прим 23. Пресняков, стр. 278. Дебольский, стр. 105.

о церковных судах [1]). Она извлекала из них всех и другие выгоды: согласно уставу Ярослава о церковных судах, «безатщина», т. е. выморочное имущество церковных людей идет епископу [2]).

Об изгоях неоднократно упоминается в источниках, почти всегда в связи с церковью и церковными землями. Так, в уставе Ярослава «о городских мостех» говорится о мостовой повинности в Новгороде (она распределена между различными общинами и улицами) Новгородского владыки и изгоев—они совместно ее отбывают, быть может изгои и живут на церковной земле («а владыце сквозе городная врата с изгои, а с другыми изгое до Острое оулищи» [3]). В послании митрополита Климента пресвитеру Фоме осуждается духовенство, которое думает только о наживе: «иже прилагают дом к дому, и села к селам, изгои ж, и сябры, и бортии и ложнии» [4]). Они умножают свои владенья, земли, бортные угодья, сенокосы, поселяют на них изгоев. О последних упоминается и в грамоте Смоленского князя Ростислава в 1150 г.—он жертвует церкви земли с изгоями [5]).

Однако из последнего мы можем заключить и то, что изгои сидели не только на церковных, но и на княжеских землях—Ростислав уступает их вместе со своими селами. Псковская летопись под 1341 г. упоминает также о селе, именовавшемся Изгоями, и называет это село княжим («на князи селе, на Изгоях» [6]).

Во всяком случае изгои сидят на чужой земле, на княжеской или церковной, являются лично свободными (за убийство изгоя «Русская Правда» устанавливает ту же виру, как и за прочих свободных людей) [7]). Но опека над ними, отсутствие у них собственной земли создали для них на практике ограничения, зависимость от своих покровителей, которые, в виду беззащитности изгоев, оторванности их от своего сословия, от своей общины, могли злоупотреблять своей властью.

Наиболее важный и вероятно наиболее многочисленной группой изгоев являлась вторая из упомянутых выше категорий—вышедшие из холопства. В «Предисловии покаянию» (наставлении духовника кающемуся) упоминается в числе

---

[1]) Устав Владимира св., устав Всеволода Д. А. И. I. № 1. Владимирский-Буданов, I, 245

[2]) Устав кн. Ярослава Владимировича о церковн судах, ст. 33 (Владимирский-Буданов, Христ. I, стр. 239).

[3]) Карамз. спис 134

[4]) Никольский. О литературн трудах митр Климента Смолятича, писателя XII в 1892, стр 104. Пресняков, стр. 275

[5]) Уставн. грам. Смоленск. князя Ростислава Мстиславича, Д. А И. I. № 4.

[6]) П. С Р Л., IV, стр. 187.

[7]) Карамз спис 1

грехов неправедное обогащение. Резоимство, т. е. взимание процентов считается большим грехом, чем даже кража, но еще хуже взимание изгойства. Изгойство есть нечто, аналогичное «резу» (проценту), надбавка на «уреченную цену», на ту цену, по которой рабовладелец купил сам раба—больше он не должен брать с раба, отпуская его на свободу: барышничать челядью, прасолить живыми душами—великий, непростительный грех, «бесконечная беда, непрестанный плач, неумолчное воздыхание». Прибавка к покупной цене именуется, очевидно, изгойством по той причине, что раб, выкупясь на волю, переходит в состояние изгоя [1]).

Наконец, на владельческих, в частности на княжеских землях сидели и смерды. «Русская Правда» второй половины XI столетия, говоря о людях, причастных к княжескому хозяйству, только и называет на ряду с холопами смердов; закупов она еще не знает, они появляются лишь в пространной «Правде». Как мы видели выше,—на съезде князей в Долобске 1103 г. происходил спор по поводу смерда, пашущего на лошади, причем там именно лошадь выдвигалась на первый план, и Мономах упрекал дружину Святополка: «дивно ми дружино оже лошадий жалуете ею же кто ореть», а забываете о самом смерде, которого убьет половчин, и тогда уже отнимет и лошадь его, и жену и детей, «в село его ехав». Б. А. Романов толкует это место таким образом, что смерды сами в поход не пошли, а только лошадей своих обязаны были дать князьям, но уже это означало для них необходимость пожертвовать своей пашней («ролью лишати») [2]) Во всяком случае из этого летописного рассказа вытекает, что смерд земледелец, хлебороб [3]).

Но возможно, что «смерд» понимался и в другом смысле, более широком или более узком. В широком смысле смерд означает все свободное население, которое противополагается князю, или по крайней мере простого человека, в отличие от бояр. В первом смысле понимает это слово Соловьев. Сергеевич подкрепляет это утверждение противопоставлением в «Русской Правде» княжьего коня коню смерда («а за княжь конь 3 гривны; а за смердей 2 гривны»—ст. 25). Эта статья впрочем еще не может служить достаточным доказательством, ибо в «Русской Правде» нельзя искать полноты определений и норм, смерды могли упоминаться здесь и как одна лишь группа населения, тогда как другие не названы Мало меняет дело и указание на то, что та же статья в Троицком списке (141) гласит: «а будет был (украден) княжь конь, то платити зань 3 гривны; а за инех по 2 гривны». «Смерд» заменено словом

---

[1]) Мрочек-Дроздовский. 66 сл. Чичерин. 168 сл. Ключевский. Опыты. 304. Дьяконов. 115.

[2]) Романов (Извест. отд. рус. яз. и словесн. XIII, 3, стр. 10 сл.).

[3]) Дьяконов, Очерк обществ и государств. строя, 96. Дювернуа. Источники права и суд в древн. Руси, 123 сл. Сергеевич, I. 170. Пресняков, стр. 287. Рожков Оч. ист. труда. Арх ист. тр., V, 63.

«иной», т.-е. всякий другой человек, кроме князя [1]). Однако, как указывает Б. А. Романов, позднейшее обобщение смысла статьи о смердьем коне само по себе еще не свидетельствует о том, что и первоначальный редактор статьи хотел придать термину «смердий» широкий смысл [2]) Большего внимания заслуживает указание Мрочек-Дроздовского, Владимирского-Буданова и Н. А Рожкова на то, что смерды противополагаются не только князю, но и боярам или мужам и духовенству и составляют слой людей простых [3]). В краткой «Русской Правде» говорится и в пространной повторяется сначала о «муке» смерда, а затем о тех же преступлениях, совершенных в отношении огнищанина, тиуна или мечника; за смерда положено 3 гривны, за княжеских слуг вчетверо больше (31, 33, 89, 90). В пространной «Правде» наследству смерда («о смердьей задници») противополагается наследство боярина («о боярстей задници», ст. 103, 104) [4]).

От такого разграничения между князем, боярами и духовенством, с одной стороны, и смердом, с другой, уже недалеко до выделения смердов в сельское население—нужно было лишь отделить их еще и от горожан. В таком смысле, повидимому, говорится в Новгородской летописи (под 1019 г.), когда после победы Ярослав «поча вои свои делити: старостам своим по 10 гривен, а смердам по гривне, а ноугородьцем по 10 гривен» [5]). Смерды здесь составляют особый разряд населения, не городской. «Кто купець поидеть в свое сто (сотню), а кто смерд, тот потягнет в свой погост» (волость),—читаем в договоре Новгорода с Ярославом 1270 г. «Боярин боярина плениве, смерд смерда, град града (горожанин горожанина) яко не остатися ни единой вси (веси) не пленене» [6]).

Сергеевич полагает, что первоначально слово «смерд» применялось, вероятно, в широком смысле, но с течением времени стало приурочиваться к одному лишь земледельческому населению, подобно тому, как слово муж, имевшее первоначально общее значение, с течением времени в уменьшительной форме (мужик) стало обозначать лишь сельское население, и слово «христьянин» специализировалось в крестьянина [7]).

Но какое положение занимали эти крестьяне-смерды? Не без основания подчеркивают двойственность их состояния. С одной стороны, смерд свободный человек, за которым признаются личные и имущественные права, присущие свободным людям. Но в то же время на нем лежит какая то печать

---

[1]) Соловьев, I 229. Сергеевич, I. 1890, стр. 166. В том же смысле высказывается Дьяконов. (Очерки, 93. 95).

[2]) Романов, Смердий конь и смерд, стр 28.

[3]) Владимирский-Буданов. Обзор, стр. 36 сл. Мрочек-Дроздовский, Иссл о Русск. Правде (Чт. 204 сл. Прил. XIV). Рожков. Обз. I. 44 сл., и в Ж М Н. П. 1897. XII. 275.

[4]) Воскрес. летоп. 1019 г.

[5]) Акад. спис., 31, 32. Карамз. спис. 103, 104.

[6]) С. Г. Г. и Д. I. № 3. Ипат. летоп 1221 г., стр. 494.

[7]) Сергеевич. I, стр. 167.

приниженности, он человек бедный, худой, слабый, который нуждается в защите, которого легко могут обидеть [1]). О наличности имущества у смерда свидетельствует упоминание в «Русской Правде» о смердьем коне и смердьей борти; личные права смердов вытекают из того, что за кражу они наказываются продажей, т.-е. уголовной карой (то ти оуроци смердом оже платять княжю продажу), ибо холопеи «князь продажею не казнить занеже соуть несвободии» [2]), как и из наказания, полагаемого за «муку» смерда без княжеского приказа [3]). Смерды несут повинности в пользу государства, они входят в состав войска. Все это доказательства их свободного состояния.

Но есть обратная сторона медали. Не только за муку смерда полагалось—как мы видели—вчетверо меньше, чем за человека высшего состояния, что свидетельствует о приниженном положении смердов, но и самое слово «смерд» употребляется нередко в уничижительном и бранном смысле («два беззаконника от племени смердья», «уничижени бесчестни: аки смерди мелют и древа носят на гору»). Смерды ставятся наравне с холопами: «и холопы наши и смерды выдаита». Мономах ставит себе в заслугу защиту «худого смерда и убогие вдовице» от обид «сильных» людей («не дал есмь сильным обидети»). Все это свидетельствует о малой степени обеспеченности смердов, о том, как им трудно было сохранить свою свободу, свое независимое положение.

Еще более это подтверждается статьями «Русской Правды» о наследовании, если их понимать в том смысле, который в настоящее время может считаться господствующим. «Оже смерд оумреть без дети, то задница князю; оже боудуть у него дщери дома, то даяти часть на ня; аже ли боудуть за мужьми, то не дати части». В противоположность этому: «а иже в боярех или же боярьстей дроужине, то за князя задница не идеть: но оже не боудеть сынов, а в дщери возьмоуть» [4]). Смердам наследуют только сыновья, при отсутствии же их, наследство является выморочным, дочери, притом, только незамужние, получают лишь приданое. Напротив, имущество бояр после их смерти не идет князю, а при отсутствии исходящих мужского пола, передается женскому. Так толкуют эту статью ряд исследователей [5]), тогда как дру-

---

[1]) См. об этом. Лаппо-Данилевский. Очерк ист. образ. и т д, стр. 7 сл., 11 сл. Пресняков, стр. 209. Дьяконов, стр. 95 сл. 98. Павлов-Сильванский, III, стр. 224. Мрочек-Дроздовский, Чт., стр. 208 сл. Дебольский, стр. 120.

[2]) Карамз. спис. 42, 43.

[3]) Там же. 89.

[4]) Карамз. спис. 103, 104. То же в Синод. списке Владимирский-Буданов, Христ, стр. 91—92.

[5]) Никольский, О началах наследования по древне-русск. праву (1859 г.), стр. 356 сл. Владимирский-Буданов. Христом., стр. 71—72 Обзор, стр 479 сл. Рожков Очерки юрид. быта по «Русск Правде» (Журн. Мин. Нар. Пр 1897, дек., стр. 275 сл.). Пресняков, стр 279 сл. Павлов-Сильвиванский, III, стр. 224 сл. Филиппов, стр 203. Goetz, III, стр. 355 сл. П. И. Беляев. Древне-русская семьерия, стр. 143.

ние [1]) понимают под детьми («умреть без дети») не только сыновей, но и дочерей. Но этому противоречит продолжение «оже боудуть у него дщери». Поэтому они выделяют это постановление о дочерях в особую статью, которая является, по их мнению, общей для всех, а не касается одних только смердов. Между тем говорится ведь о «его» дочерях, т. е. смерда («оже боудуть у него дщери») [2]).

Так что смерды находятся, очевидно, в худшем, более приниженном, чем иные группы населения, положении. Павлов-Сильванский усматривает в переходе имущества после смерти смерда, при отсутствии сыновей, к князю аналогию западноевропейской manus mortua, main-morte, которая также выражалась в присвоении наследства феодалом при отсутствии ближайших наследников, живших вместе с умершим. Другие авторы уже давно обращали внимание на это своеобразное отношение смерда к князю и усматривали причину этого в том, что смерды были «люди князя», являлись непосредственно от него зависимыми, сидели на княжеской земле [3]). Из источников, правда, не видно, чтобы смерды всегда сидели на земле князя или вообще, чтобы они работали в хозяйстве князя. Но из приведенных данных об их правовом положении и о притеснении их можно усмотреть, что они, повидимому, сидели и на частновладельческих, в том числе на княжеских землях.

В псковской летописи под 1484 г. говорится о повинности смердов, о том, что они обязаны выполнять «всякие работы урочныи» [4]). В договорах Новгорода с князьями (1270, 1305, 1327 г. и др.) говорится обычно: «а холоп или роба почнеть вадити на господу, а тому ти, веры не яти» [5]). В договоре же Новгорода с королем Казимиром (1470 г.) прибавлено к холопу и робе «и смерд» [6]). И последний имеет, следовательно, наравне с холопами, над собой господина. Мало того, донос смерда на господина, подобно доносу раба, не должен приниматься. Но еще гораздо раньше, в половине XII ст., в грамоте Изяслава

---

[1]) Цитович. Исходные моменты в истории русского права наследования (1870), стр 35 Сергеевич Лекции и исслед., стр. 546 сл. Дьяконов, стр. 94. Дебольский, стр. 121 сл.

[2]) Спорными является и чтение статьи об убийстве смерда. В краткой редакции она читается: «а в смерде и в хоце 5 гривен» (Карамз. 23), в пространной: «а за смерд и холоп 5 гривен, а за робоу 6 гривен» (Карамз. 13). Так что смерд приравнивается к княжескому холопу. Так толкует эту статью большинство авторов. (Павлов-Сильванский, III, 224. Романов, 31 и мн. др.). Напротив, некоторые читают ее иначе: «а в смердьи хоце 5 гривен», предполагая, что у смердов были свои холопы (что мало вероятно), которые и противопоставлялись княжеским холопам. (Сергеевич. Древн. I, 172. Дьяконов. 93. Goetz. II, 68 сл., III, 75)

[3]) Лешков, Русский народ и государство, 157. Никольский, стр. 356. Цитович, стр. 35 сл. Никитский, Очерки внутр. истории Пскова, стр. 279. Романов. (Изв. Акад. 31).

[4]) П. С. Р. Л. IV. 266.

[5]) С. Г. Г. и Д. I. №№ 3. 6 и сл. 15.

[6]) А. А. Э. I. № 87.

Мстиславича упоминается о том, что он дает св. Пантелеймону «землю село Витославиц и смерды и поля» [1])—смерды сидят на земле князя и отчуждаются монастырю вместе с землею. А в поучении еп. Серапиона XII ст., где слово «смерды» заменено словом «сироты», указывается на то, что сильные люди «свободные сироты порабощают и продают их» [2])—они оказываются в полной зависимости от сильных мира сего. Смерды «это люди, которых история застает теряющими свободу под влиянием сидения не на своей земле, а на земле государственной или частновладельческой» [3]).

II.

Обширные площади, очутившиеся в руках вотчинных владельцев путем пожалования и вкладов, купли и залога, захватного права и присвоения волостных земель, имели для них значение лишь в случае заселения этих пустопорожних земель рабочими руками. Получали вотчинники обычно — как это видно из грамот—пустоши и их задача заключалась в привлечении земледельцев, пришлых людей, которые бы заселили и разработали эти пустоши. В последнем было заинтересовано и государство, и поэтому во всех многочисленных дошедших до нас жалованных грамотах князья удовлетворяют в первую очередь просьбу вотчинников о разрешении им призывать людей и сажать их на свои земли. В грамоте Ивана Калиты Юрьеву монастырю 1338—40 г.г. читаем: «кто сядет на земли святого Юрья, дал есм им волю не надобно им потягнути к городу ни в которую дань» [4]).

В грамоте Белозерского князя Михаила Андреевича Ферапонтовой пустыне 1450 г. перечисляются многочисленные пустоши, приобретенные игуменом с братьею и что «к тем пустошам потягло из старины лесы и пожни» на обширном, повидимому, пространстве, еще совершенно не занятом, «куда топор ходил, и коса и соха ходила». И прибавлено: «и кого к себе игумен перезовет на те земли и пустоши и лесы людей» [5]). Во многих случаях различаются «тутошние люди волостные» и «пришлые из иных княжений»; «кто к себе на те пустоши перезовет людей и тутошних старожильцев... а кто к себе перезовет людей из иных княжений»; «и кого к себе призовут людей жити на те земли старожильцев, которые будут и преж того на них живали», «или кого откупя посадят» [6]).

---

[1]) Архив историческ и практич. сведений о России Калачева. I. 1860.
[2]) Цит. у П. И. Беляева. Ж. М. Ю. 1916. VIII, стр. 148.
[3]) П. И. Беляев, Древне-русская сеньория, стр. 145.
[4]) А. А. Э. I, № 4. Ср. № 5.
[5]) Там же, I, № 47
[6]) Там же, I, №№ 20, 21, 51, 53.

Эти сидящие на вотчинных землях старожильцы или пришлые люди именуются просто «людьми» («кого к себе перевезут людей на те пустоши»)—это обычное словоупотребление [1]). Реже они обозначены «сиротами». «Пожаловал есьми игуменью Федотью с сестрами... и кто на тех землях живет сирот... и тем их сиротам не надоби ни дань». «Тако же и сиротам, кто имеет сидети на землях Святое Богородици Отрочья монастыря... пожаловали есмы тех сирот» [2]). В грамоте митрополита Киприана Константиновскому монастырю 1391 г. упоминается о жалобе монастырских крестьян на игумена: «что ми били челом сироты монастырские на игумена на Ефрема». И дальше: «И Киприян Митрополит всея Руси так рек игумену и христианам монастырским: ходите же вси по моей грамоте; игумен сироты держи, а сироты игумена слушаите, а дело монастырское делайте» [3]). Здесь «сироты» и «христиане» (крестьяне) равнозначущи, появляется термин «крестьянин». «Для обозначения их не нашлось на русском языке другого слова, как самое общее—христианин». В грамоте митрополита Геронтия 1478 г. перечисляется население монастыря. «Наместници мои не судят его, ни его попа, ни его черцов тех монастырей, ни черниц, ни слуг монастырских, ни христиан» [4]). «Мои князи и бояре и воеводы... в том селе и в деревнях у них крестьян не ставятся» (грамота 1485) [5]).

Из упомянутого выше послания митр. Киприана конца XIV ст. мы узнаем и о тех работах, которые выполнялись крестьянами в вотчинах [6]).

Получается весьма яркая картина. Зажиточные крестьяне, очевидно, имеющие скот, пашут, засевают и снимают жатву на землях, сбрабатываемых за счет монастыря, косят сено на монастырских лугах и свозят все в монастырский двор. В этом заключается отбываемая ими барщина. Но сверх того они чинят постройки и делают изгороди, чистят пруды, ловят рыбу («езы бити»), по осени бьют бобров (поэтому «истоки забивают»), также для монастыря. Прочие крестьяне—«пешеходцы».

---

[1]) А. А. Э. I, № 44.
[2]) А. А. Э., I, №№ 5, 34, 35.
[3]) Там же, I, № 11
[4]) Там же, I, № 105
[5]) Там же, I, № 113.
[6]) А. А. Э., I, № 11. «Болшим людем из монастырских сел церковь наряжати, монастырь и двор тын ити, хоромы ставить, игумнов жеребей весь ролью орать взгоном, и сеяти и пожати и свезти, сено косити десятинами и в двор ввезти, ез бити и вешней и зимней, сады оплетать, на невод ходити, пруды прудить, на бобры им к осенние поити, а истоки им забивати, а на Велик день и на Петров день приходят к игумену, что у кого в руках; а пешеходцем из сел к празднику рожь молоти и хлебы печи, солод молоть, пива варить, на семя рож молотить а лен даст игуме в села и они прядут, сежи и дели неводные наряжают; а дают из сел все люди на праздник яловицу; а в которое село приедет игумен, в братшину и сыпци дают по зобне овса конем игуменовым»

повидимому, выполняющие, в отличие от первых, ручные, а не конные работы. Такова молотьба и печенье хлеба, приготовление солода для пивоварения и самое варение пива, изготовление рыболовных снастей («сеяки и дели неводные наряжают») и пряденье льна, причем лен они получают от монастыря. Сверх того они доставляют в монастырь к празднику корову или (это прибавлено в скобках) трех баранов, первые же—два раза в год различные продукты своего хозяйства по собственному выбору («приходят к игумену, что у кого в руках»), хотя вероятно и в этом отношении существовал установившийся обычай («по старой пошлине»). Наконец, игумен заезжает к ним в села и они обязаны кормить его (вероятно и сопровождающих его иноков) и его лошадей.

Мы не знаем, существовали ли такие же оброки и повинности и в других вотчинах вообще и в монастырских в частности, ибо другие сведения об этом относятся к гораздо более позднему времени, но они, надо думать, были весьма нелегкие; те льготы, которыми крестьяне пользовались в других отношениях, сидя на земле вотчинника, давали последнему возможность усиленно эксплоатировать население.

Льготы эти действительно были весьма велики. Из тех же жалованных грамот можно усмотреть, что вотчинные земли привлекали крестьян теми обширными правами и привилегиями, которыми пользовались они и сидевшее на них население и которые прочим землям и их владельцам не были предоставлены. На эти вотчинные льготы, в особенности принадлежавшие церковным вотчинам, давно уже указывали многие исследователи; Павлов-Сильванский прямо называет вотчины того времени—по аналогии с западом—иммунитетными. Начало этому иммунитету было положено, повидимому, уже в древнейшие времена [1]), когда между церковными людьми ведает «суд или обиду или которого задница» митрополит или епископ «или кому они прикажут», «своим тиуном приказываю суда церковного не обидети»; «не вступаются княжи волостели в то, а то ведают епископли волостели». Это говорится уже в уставе Владимира св. о церковных судах и в уставе Ярослава и в уставе Всеволода 1125—1136 г.г. Смоленский князь Ростислав дает в 1150 г. «святей Богородици и епископу прощеники (они входят в состав церковных людей), с медом и кунами, и с вирою, и с продажами, и ни надобе их судити никакому же человеку [2]). Хотя князья при пожалованиях и заявляют, что они это делают «бога деля и своего ради спасения», но нет сомнения в том, что вотчинники сами издавна себе присваивали эти права и заставляли князей потверждать их.

---

[1]) Неволин, Ист. росс. гражд. зак. II. 149. Сергеевич, I. 328. Павлов-Сильванский, III. 281, 295 Пресняков, стр. 296.

[2]) Д. А. И. I. №№ 1, 4. Владимирский-Буданов, Христом I, стр. 237, 246.

В одной из наиболее ранних дошедших до нас жалованных грамот этого рода, относящейся к первой половине XIV ст. (грамота ярославского князя Василия Давидовича Спасскому монастырю), читаем: «се аз князь Василий Давидовичь, докончал есмь с архимандритом с Пименом про дом св. Спаса по деда своего грамоте пожаловал есмь, что людей у св. Спаса в городе и в селех... не надобе им ни которая дань, ни ям, ни подвода, ни тамга, ни восминичее, ни бобровое, ни стану не чинят в селех спасских, ни дворского не емлют, ни становщик не въездит ни о чем же...; а суди мои вси наместници и тиуни не шлют дворян своих по люди св. Спаса, но шлют к игумену, а игумен шлет по них своих людей. А что будет суд спасским людем с моими людьми, приехав моему судьи в монастырь судити ему в правде по целованию... А что учинится между спасскими людьми бои или татьба или душегубство или самосуд, то все судит игумен и вину емлет в дом Спаса; а нашим судьям не надобе ни дворяном» [1]).

Здесь перечислены все привилегии, предоставляемые духовным вотчинам. Прежде всего население их освобождается от уплаты налогов (дань), пошлин (тамга, восминичее), от повинностей (ям, подвода); далее оно из'ято от княжеского суда по всем преступлениям, включая и душегубство. Наконец, взыскания производятся самим игуменом, а не «дворянами» (приставами князя). Только о совместном суде княжеских судей и игумена, в случае споров между монастырскими и волостными людьми, здесь еще не упоминается—в этом случае судит княжеский судья.

В грамотах XIV—XV ст. привилегии вотчинников ярко выражены.

Рассматривая многочисленные тарханные грамоты церкви XIV—XV ст., мы находим здесь прежде всего освобождение духовных вотчин от всевозможных податей и сборов («не надобе им ни мыта, ни тамги, ни которая дань, ни писчая белка»), как и от всяких повинностей («ни ям, ни подвода, ни коня моего не кормят, ни сен моих не косят»). Иногда впрочем прибавляется :«ни иные ни которые пошлины им не надобе, опричь одного монастырского яму» или «опричь церковные пошлины» или же освобождение от податей всякого рода производится под условием уплаты оброка монастырем: «а дают мне князю,... оброк с того двора на год, на рождество христово, рубль»; но «опричь того не подобе им ничто, знают один свой срок». Обычно эти льготы не ограничены никаким сроком, но иногда для перезываемых вотчиной людей («а кого к себе в то село и на те пустоши перезовут людей») срок освобождения от податей и сборов определяется в 3, 5, 10, 20 лет. Или же наоборот определено для деревни «опричь дани моей и яму к волости ей не тянути ничем», для пришлых же имеется дополнительная льгота: «на десять лет не надобеть им моя дань, ни ям, а отсидят урок десять лет, и они потянут в мою дань и в ям по

[1]) Истор. Росс. Иерарх, VI, 229 сл Карамзин, IV. Прим. 328.

силе». К этому иногда еще прибавлено: «а на мою ловлю мои ловчие тех монастырских рыболовов... не зовут ни пошлин с них не емлют никоторых»; или установлено освобождение от всякого рода пошлин продаваемых монастырем продуктов: «ненадобе с тих их людей и с соли и с жита монастырского и со вси их рухляди монастырские мыт ни тамга ни весчее, ни побережное ни иные ни которые пошлины». В других случаях изъятие от проездных и торговых сборов касается только сбываемого монастырем хлеба или рыбы: «и вы бы у них с того хлеба пошлин не имали никаких, с трех сот четвертей»: «что их паволок с подвозком ходит к Белоозеру по рыбу,... ино им с того паволока и подвозка в Луковси не надобе ни мыт, ни тамга, ни иные никоторые пошлины» [1]).

Фискальный характер имеет и другая льгота, заключающаяся в освобождении людей духовных вотчинников от суда княжеских доводчиков и волостелей и в установлении подсудности их игумену или архимандриту. Суд являлся доходной статей, но доход от него, в силу грамот, получали уже не княжеские волостели и их тиуны и доводчики, а митрополит, епископ или монастырь. «А наместники наши или волостели и их тиуны тех их людей не судят ни в чем, опричь душегубства и разбоя с поличным, ни кормов своих не емлют и не всылают к ним ни почто: а праветчики и доводчики поборов своих не берут и не вяжают ни по что; а ведает и судит тех своих людей игумен с братьею сами во всем или кому прикажут». Освобождение от суда наместников, следовательно, сопряжено с освобождением от поборов и кормов, поступавших в их пользу. «А смещается суд тем людям пришлым с городскими людьми или с волостными и наместници мои или волостели или их тиуни судят, а архимандрит с ними же судит, или кому прикажет, а прибытком ся делят». В случае тяжбы между крестьянами вотчинника и людьми иного звания, городскими или крестьянами черных волостей, т. е. людьми, подвластными княжескому наместнику, последний все же не может судить самостоятельно, а лишь совместно с вотчинником или его приказчиком, причем доходы от суда они в этом случае делят между собою пополам.

Для игумена или архимандрита вся суть заключалась именно в этом. Либо, если он судил один—людей своей вотчины—поборы поступали целиком в его пользу, либо при смешанном суде он получал половину. Но, повидимому, и для кре-

[1]) А. А. Э. I. №№ 4, 5, 7, 17 — 21, 23, 24, 28, 30, 31, 34 — 39, 41, 47, 50—53, 56, 60, 61, 64, 65, 69, 75—79, 81—83, 86, 88, 89, 95—99, 102, 104, 105, 109, 112, 113, 116, 119, 121—124, 126, 130, 131, 133, 136. Акты Ист. I. №№ 13, 14, 15, 25, 28, 29, 36, 49, 58—59, 70, 71, 74, 75, 76, 81, 83, 86: 87; 88, 106, 108, 111. Дополн. к акт. ист. I. №№ 17, 190, 193, 184, 202—04, 189, 200, 207, 208. Обз Грам Коли. Экон. III. №№ 261, 263—67, 539, 540. Грам. Мейчика, № 108, 169, 157, 191, 236

стьян и суд монастыря, и «смесной» суд (если участвовали другие лица) имел значение, ибо приезд наместников, волостелей, тиунов и доводчиков ради суда был связан с разорением и разграблением населения—эти княжеские люди ведь не имели никакого основания отказываться от насилий по отношению к крестьянам вотчинника. Не менее существенно для крестьянского населения, сидевшего на вотчинной земле, было, надо думать, то обстоятельство, что самое исполнение приговора поручалось вотчиннику или его приказчику, а не княжеским приставам, доводчикам и дворянам. Это происходило и в случае смешанного суда—в этом случае в отношении волостных людей судебная полиция вверялась княжескому волостелю, тогда как вотчинные крестьяне, признанные виновными («смесным») судом, передавались для исполнения решения архимандриту или игумену. «А лучится суд смесной митрополичим людем с волостными людми, а волостели мои и их тиуни судят, а митрополичь приказчик с ними судит: прав ли будет, виноват ли мой человек волостной и он своему волостелю и в правде и в вине, а митрополичь приказчик не вступается в волостных людей, ни в правого, ни в виноватого; а также будет прав или виноват митрополичь человек и он в правде и в вине митрополичу приказчику, а волостели мои и их тиуни не вступаются в митрополича человека ни в правого ни в виноватого».

Во многих жалованных грамотах крестьяне признаются подсудными вотчиннику по всем делам, в других случаях сделаны исключения для важнейших преступлений—разбоев, душегубства и татьбы, которые находились в ведении княжеских волостелей; но иногда последние судят лишь при наличности душегубства, тогда как разбой и татьба или только татьба предоставлены суду игумена или архимандрита. Такие ограничения «опричь татьбы и разбоя и душегубства» [1]) или «опричь одного душегубства» находим уже в первой пол. XIV ст.; а рядом с ними в том же XIV ст. «а в разбое и в татбе их боляр мои не судят» [2]).

Церковные и монастырские вотчины были вообще избавлены от въезда волостелей и их людей. Доступ закрыт им не только для сбора податей и повинностей в пользу князя или для разбора судебных дел, но и для кормления и для всяких иных надобностей; им запрещается останавливаться в вотчинах, жить там и кормить своих лошадей, брать проводников. «Также у них в том монастыре и у тех людей монастырских волостели мои и их тиуни и доводчики не ставятся, ни кормов, ни подвод, ни проводников у них не емлют». Запрет распространяется и на всяких других княжеских людей, псарей, ловчих, сокольничих

---

[1]) Грам Иоанна Калиты 1338—1340 гг А. А. Э I. № 4
[2]) Грам. Димитрия Донского 1363—1389 гг А А Э. I. № 7

ездоков, бобровников, ратных людей, кроме лишь гонцов князя. «Также и ездоки мои в их деревнях не ставятся, ни кормов, ни проводников у них не емлют, ни псари мои в их деревни полничать не ездят». «А сокольники мои Скарыновские в их деревнях на мои соколы куров не емлют; а коли ко мне соколов принесут, и они у них в их деревнях не ставятся». «И мои князи, и ратные воеводы, и дети боярские, и всякие ездоки, и псари, и ловчие, и бобровники в тех их селех и деревнях не ставятся, ни кормов, ни проводников у них не емлют, опроче того, кто погонит с моею грамотою с подорожною; также скоморохи у них в тех селех не играют». И прибавлено «а чрез сю мою грамоту кто что на них возмет или чем их изобидит, быти ему от меня в казни».

Князья стараются освободить монастырских людей и от незваных гостей в лице своих должностных лиц, приезжающих на пиры и братчины или на праздники, силою врывающихся в дома, во время пьянства учиняющих ссоры и буйства, сопровождающиеся и убийствами. «А кто к тем их людем на пир или на братчину или о празднице придет пить сильно (насильно), не зван, а учинится тут какова гибель и яз велю правити без суда и без исправы на том». «У кого монастырских людей будет пир или братчина, и к тем людем монастырским на пир и на братчину незван не ходит никто; а кто у них учнет пити силно, а учинится у них какова гибель, и ему то заплатить без суда и без исправы».

Вообще во избежание всяких недоразумений и в целях охраны иммунитета, воеводам и волостелям не дозволено даже ездить через вотчину, дорогою «непошлою». Им полагается объезжать ее, о чем велено кликать в торгу. «На тот монастырь не ездят ни которые мои воеводы, ни которые ездоки... а ездят осовцом, дорогою пошлою, по заречью; а кто поедет с дороги на тот монастырь .. тех велел увертывати назад, а кто ся имет силою пробивати, быти от меня от великого князя в казни» [1]). И в заключение говорится обычно, «а на сю мою грамоту грамот нет», т. е. пожалование князем кормов, суда, пошлин в силу других грамот не должно нарушать этой грамоты и ее не касается.

Иммунитетных грамот, пожалованных светским вотчинникам, до нас дошло гораздо меньше, чем грамот, устанавливающих привилегии в пользу митрополитов и монастырей. Но это—как справедливо подчеркивает Павлов-Сильванский—еще ничего не доказывает. Монастыри лучше берегли свои архивы: и на Западе иммунитетные дипломы относятся главным образом к монастырям, в ризнице которых они хранились в течение мно-

---

[1]) А. А. Э. I №№ 24, 61, 65, 81, 82. А. И. I. № 70

ших веков [1]). «Среди пожалованных (светских вотчинников)— говорит Сергеевич—встречаются Ивашки и Федьки. Можно ли допустить, что большие люди, имена которых писались «вичем», имели менее прав и привилегий, чем эти Ивашки, жалованные грамоты которых случайно сохранились до наших дней» [2]). Древнейшие грамоты светским землевладельцам относятся к началу XV ст., однако, в грамоте Ивану Петелину 1450 г. Василий Васильевич жалует его «по прадеда своего грамоте Ивана Даниловича», как и по грамотам своего деда и отца [3]). Светским землевладельцам предоставлялись те же льготы, что и монастырям— изъятие населения вотчины от всевозможных податей и повинностей, от суда волостелей, от приведения в исполнение судебных приговоров тиунами и доводчиками; устанавливается тот же «смесной» суд, княжеские власти не должны въезжать в вотчину, не в праве требовать кормов, ни взимать поборов.

«Кто у него в том селе и в деревнях жити людей—читаем в грамоте Петелину—ино им не надобе ни ям, ни подвода ни тамга, ни восмичье, ни мыт, ни костки (различные виды проездных сборов), ни сен моих косити, ни коня моего не кормить, ни портное (пошлина), ни скотскому (сотскому) ни к дворскому не тянуть ни в какие претори ни в розметы ни в какие иные некоторые пошлины не надобе, ни закосных пошлин не дают; а волостели мои Кипелские и их тиуны доводчиков своих не всылают к Ивану и ко всем его людем ни почто, ни кормов не емлют, ни судят их ни в чем, опричь душегубства и разбоя и татьбы с поличным; а праветчики поборов не берут у них, ни въезжают ни по что; а ведает свои люди всех сам Иван или кому прикажет; а случится суд смесной, и волостели мои судят и их тиуни, а Иван с ними же судит или кому прикажет, а присудом ся делит наполы» [4]).

В совершенно ином положении находились крестьяне, сидевшие на волостных землях. Здесь крестьянина громили княжеские люди всех степеней и разрядов—неудивительно, если крестьяне разорялись и теряли свою землю. «Да ставятся де у них в тех селах и в деревнях мои бояре и дети боярские и всякие ездоки, да емлют де корм себе и коням». Вне пределов вотчинного иммунитета население вынуждено было снабжать продовольствием княжеских наместников и волостелей, княжеских «ездоков» (гонцов), которые «ставились» в деревнях и жили там, как и кормить княжеских людей и лошадей: содержание всех их падало на жителей. Они же обязаны были кормить княжеских лошадей, которые ставились на корм по деревням, и со-

---

[1]) Павлов-Сильванский, III, 285 сл.

[2]) Сергеевич, I. стр. 329.

[3]) А. А Э. I. № 46.

[4]) А. А Э. I, № 46. Однородные грамоты XV ст. светским вотчинникам: там же, I, №№ 44, 111, 120, 132. Д. А. И., т. I, №№ 374, 379. Акты XIII—XVII веков, предоставленные в разрядный приказ, Юшкова. №№ 14. 15, 20, 25, 27 ,31. Мейчик. Грамоты Арх. Мин. Юст., №№ 51, 141, 260 А. Ю Быть I 31 XX. Обз. Гр. Колл. Эк. III. № 305.

бак для княжеской охоты, «ставить» княжеские дворы, отбывать ямскую повинность («ям по старине шестый день»), давать подводы и проводников. Но этим дело далеко не исчерпывалось Крестьяне, жившие на черных землях, вынуждены были выполнять всевозможные сельско-хозяйственные работы в княжеских селах, ибо одних сидевших там крестьян не хватало, вынуждены были и участвовать в промыслах звероловных и рыболовных, производимых за счет князя — дворский и старосты их «занимают» на «княжее дело» [1]).

Крестьяне пашут княжеские села, косят сено на лугах князя, хлеб княжеский возят и молотят. Княжеские «поледчики» «наряжают крестьян на ловлю», крестьяне «езы великого князя и поледнее бьют», они обязаны принимать рыболовов великого князя—«княжеские рыболовы (подлещики) привлекают крестьян к рыбной ловле, ставятся в деревнях, берут у них корм, въезжают в соседние озера, заводи, речки и ловят там рыбу. Подобным же образом и вся столь широко поставленная княжеская охота кормится на счет крестьян и совершается при их помощи. Ловчие, охотники и псари «у них стоят, почуют: сено и овес травят, собак кормят», «псари дети с собаками в их деревни ездят полничати», «ловчие великого князя и бобровники бобров у них ловят, в деревнях ся у них ставят, кормы себе у них емлют». Крестьян берут на охоту, они должны устраивать загоны, ходить «на медведей и на лосей и на оленей по пяти человек с сохи». Все это делалось безвозмездно и считалось в то время вполне естественным и правомерным.

Раз это необходимо было для княжеского хозяйства, совершалось в интересах князя, то население обязано было выполнять все эти повинности, терпеть набеги княжеских охотников с их собаками, сносить разорение от княжеских слуг, как и платить всевозможные подати и сборы, об'единяемые термином «дани», протори в пользу волостелей и доводчиков и многое другое.

Все это должно было вести неминуемо к разорению крестьян, сидевших на черных землях, и к переходу этих земель в руки вотчинников, под властью которых население было избавлено от этих легальных насилий и грабежей.

Как мы видели, вотчинники сумели свои владения защитить и избавить от всего этого, окружить свою землю как бы особой стеной, через которую ни волостели и тиуны, ни ловчие, ни рыболовы, ни ездоки, ни их лошади и собаки перешагнуть не могли.

Но взамен этого вотчинники могли, конечно, требовать усиленных повинностей и платежей в свою пользу—эксплоатация в пользу князя и его людей заменялась эксплоатацией труда в интересах вотчинников духовных и светских. Иммунитет доставлял им реальные выгоды, выражаемые в росте их доходов. Но, повидимому, эта эксплоатация была все же меньше первой

[1]) Бахрушин. Княж. хозяйство, стр 566 сл.

Вотчинники не разоряли своих крестьян в той мере, как это делали за пределами вотчин княжеские наместники, тиуны и волостели. Землевладельцы—как мы видели—призывали на свои земли крестьян, привлекали пришлых людей к заселению и обработке пустошей, вызывали их из других мест. Между ними уже обнаруживается борьба за рабочие руки, а это заставляло их проявлять некоторую умеренность в эксплоатации крестьянского труда. Сами князья опасались, как бы иммунитетные владельцы не привлекали к себе население из их собственного княжества и таким образом дарованные ими льготы не отразились на их землях, не привели к запустению последних. Поэтому в грамотах всегда прибавлено: «а кого к себе перезовет людей из иных княжений, а не из моей отчины из великого княжения», «а архимандриту... из очины князя великого из Москвы людий не приимати», «тяглых моих людей писменных и вытных в ту слободку им не приимати». Иногда имеются и другие ограничения: «а тутошних людей волостных в ту деревню отцу моему митрополиту не принимать», «а архимариту тяглых людей Волоцких не приимати» [1]). Особенно много заботился Новгород о том, чтобы князья не перезывали к себе новгородских крестьян—соглашения этого рода сохранились еще с XIII века—«не выводити людей в свою волость». Но и между вотчинниками происходила конкуренция—одни отбивали крестьян у других, привлекая их более легкими службами и платежами. И поэтому они, добиваясь для себя свободы перезывать людей из иных мест, в то же время стараются ограничить эту свободу для других, а тем самым и для крестьян—крестьян из их вотчин нельзя переводить в другие места. «Которого их крестьянина из того села и из деревень кто к себе откажот, а их старожилца,—читаем в грамоте Троице-Сергиеву монастырю—и яз князь велики тех хрестьян из Присек и из деревень не велел выпущати ни к кому» (1455—62 г.г.) [2]). К тому же времени относится другая грамота, пожалованная тому же монастырю, «что их села в утлецком уезде и которые ли ди от них вышли из их сел в мои села великого князя или в села в моее великее княгыни, и в боярские села сего лета, не хотя ехати на мою службу великого князя к берегу, и яз князь велики пожаловал игумена Васьяна с братьею велел есми те люди вывести опять назад; а которые люди живут в их селех и нынече, и яз князь великий тех людей не велел пущати прочь». Монастырскому посельскому даже предлагается пристав царский, чтобы этих крестьян вернуть обратно [3]). Так борьба из-за крестьян уже рано создала ограничения перехода их, недостаток

[1]) См. напр., А. А Э. I. №№ 4, 17, 20. Грам. 1338—40, 1410—17, 1421 г.г.
[2]) А. И. I. № 59
[3]) А. А. Э I. № 64. А Ю. Быта, I, № 37.

рабочих рук для возделывания пустошей заставлял заботиться об удержании населения, о недопущении ухода его на другие земли. Но, конечно, эти меры сами по себе не могли бы иметь значения, если бы сама экономическая жизнь не создавала благоприятных для осуществления их условий. Она прикрепляла лишенного средств крестьянина, не давала ему возможности уйти [1]). Положение смерда в этом отношении вероятно нередко не многим отличалось от состояния закупа; ту же зависимость от землевладельца, основанную на задолженности, обнаруживают (см. ниже) и изорники.

Теми же обширными привилегиями, предоставленными вотчинам, как и вообще их силой и влиянием, об'ясняется, повидимому, возникновение и другого института—закладничества. Крестьяне обнаруживали стремление перейти под их власть—закладываться, задаваться, чтобы находясь под защитой князя, боярина или монастыря, избавиться от насилий и притеснений других лиц, от разного рода даней и поборов. «Во все продолжение древней русской истории — говорит С. М. Соловьев—мы видим стремление менее богатых, менее значительных людей закладываться за людей более богатых, более значительных, пользующихся особыми правами, чтобы под их покровительством найти облегчение от повинностей и безопасность. Стремление это мы видим и в других европейских государствах в средние века; оно естественно в новорожденных обществах при отсутствии безопасности, когда правительство, законы еще не так сильны, чтобы дать покровительство, безопасность всем членам общества. Таким образом выгодно было земледельцам переходить на земли богатых и знатных землевладельцев, архиереев, монастырей, вельмож, ибо кроме (вышеупомянутых) льгот при первом переселении, поселенцы пользовались еще льготами, заключавшимися в разных правах, которые имели те или другие землевладельцы, а главное—пользовались покровительством сильных людей [2]).

Последующие исследователи, однако, не пошли за Соловьевым, а усматривали в закладнях или в закладчиках тех же закупов «Русской Правды», считая закладничество зависимостью, основанной на кредитном обязательстве; речь идет о личном залоге, о займе, обеспеченном личною свободою должника, о денежном обязательстве, как основе института закладничества [3]). А между тем—как указывает Павлов-Сильванский—именно в наиболее старых источниках ни о каких кредитных сделках, ни о каком займе, обеспеченном личностью должника, не упоминается. В договоре Новгорода с князем Ярославом Тверским 1265 г. говорится: «а из Бежиць, княже, людий не выводити в свою землю, ни из иной волости Новогородской; ни грамот им давати ни закладников примати, ни княгыни твоей, ни бояром, ни дворяном твоим,

---

[1]) См. ниже, т. II, гл. 4, III.

[2]) Соловьев, Ист IV, стр. 1215.

[3]) Неволин. История русск. гражд. законов, т III, 149. Чичерин, Опыты, стр. 154. Ключевский, Происхожд. крепостн. права. Сергеевич, I. (I изд.), 296 сл. В этом смысле, впрочем, высказывались еще раньше Рейц, Мейер, Устрялов, Победоносцев

ни смерда, ни купцины» [1]). Здесь говорится только о неприеме закладней, среди которых имеются упомянутые выше смерды, о том, чтобы их не выводить из Новгородской земли в Тверскую. А пять лет спустя тот же князь обязуется тому же Новгороду закладников, которые успели уже заложиться ему, передаться в его власть, отпустить обратно, и то же сделать с княгининными и боярскими закладнями, жившими за ними в новгородском Торжке. И тут среди них упоминаются смерды «А что закладников за Гюргом на Торжку, или за тобою или за княгынею, или за мужи твоими, кто купец, тот в сто, а кто смерд, тот потянет в свой погост, тако пошло в Новегороде, отпусти всих проц». (1270 г.) [2]). Сын его Михаил заявляет (в 1295 г.) Новгороду, что он отступился, отказался от пришедших к нему закладников («а кто будет закладень позоровал ко мне, а жива в Новгородьской волости тех всех отступился есмь Новугороду») [3]).

Н. П. Павлов-Сильванский обратил внимание на то, что закладываться, заложиться, означает перейти под покровительство другого лица, отдаться под его защиту, и сближает этот институт с патронатом и коммендацией на Западе. Аналогично с патронатом селений (patr ci-ium vicorum) и с земельной коммендацией феодального времени (terra in c mm ndat one) и у нас в удельное время существовало и закладничество сел—говорится о закоживших, заведших, задавшихся селах; закладывались люди вместе с землей [4]). Они сохраняют свое право владеть землей, только отдаются под покровительство князю или его боярину, но при этом свобода их умаляется. Это видно уже из приведенных выше грамот, приближающих закладней к положению зависимого человека: их отпускают как холопов («отпусти всих проц»), от них «отступаются» («отступился есмь Новугороду») [5]).

Закладни упоминаются уже в договорах XIII ст., причем они уже тогда, повидимому, составляли новгородскую старину, следовательно, могут восходить к XII в. и далее. Мы узнаем о них из договоров как XIII так и последующих столетий, вследствие того, что уже с этого времени ведется борьба с закладнями—их не должно быть. Никто не должен их держать. Их запрещает ранее всего Новгород (к нему относятся приведенные выше договоры), но затем так же поступает и Москва («закладней не держате, не приимати»). Так в договоре Василия I с тверским князем Михаилом Александровичем, конца XIV ст. говорится: « а закладней вы, брате, не держати в нашей вотчине, Москве и Великом княжении и Великом Новегороде»). В договоре Василия II с галицким князем Василием Косым, также предписывается «сел ни купить, ни закладней не держать» [7]). В договоре Дмитрия Донского с Владимиром Андреевичем «в твоем уделе сел ни купите... ни закладнев ни... не держати»

[1]) Собр. Гос. Гр. и Дог. I. № 1.
[2]) Там же. I. № 3.
[3]) Там же, I. № 4. Ср. №№ 6, 7, 8, 20 и др.
[4]) Павлов-Сильванский, III. 311 сл.
[5]) П. Беляев, Сеньерия, Ж. М. Ю. VIII, стр. 146.
[6]) А. А. Э. I. № 14.
[7]) Там же. I. № 29.

(1362 г.) [1]). Причина заключается в том, что «закладни вышли из тягла, стали жить за людьми разных чинов, перестали платить подати; вот в чем беда» [2]). «Закладники не «тянут» к Торжку—они независимы от местного тягла. О них говорится и в новгородской грамоте пол. XV ст. Хотя самый термин «закладник» и не употреблен, но, очевидно, речь идет о нем, когда говорится о человеке, который должен уплатить по гривне с сохи, что он бросает свой двор и поселяется во дворе боярина, чтобы не платить; в наказание с него взыскивается двойная дань («а кто поверга свой двор, а вбежит в боярский двор... а изобличат, на том взяти вины вдвое за соху») [3]). Но несмотря на всю борьбу с этими «заступными людьми»—как они впоследствии именуются, т. е. поступившими под защиту других, этот порядок не выводится Такие же запрещения, как в XIII ст. повторяются и в XVII в. Очевидно, он имел глубокие корни в народной жизни. Социальные условия вызвали его к жизни, сделали его необходимым. Это был один из способов избавиться от притеснений данщиков и приставов, и от тягла и от всяких насилий со стороны более сильных, хотя и ценою утраты своей самостоятельности и независимости, поступая во власть защитника—князя, боярина или монастыря, который и в этом случае мог извлекать сугубую выгоду в свою пользу, мог защиту этих людей сделать источником материальных выгод. Повидимому, эта жертва была все же не слишком дорога, по сравнению с получаемыми за нее выгодами.

Псковская судная грамота 1397—1467 г.г. трактует об изорниках (от изорати—вспахать), пашущих землю вотчинника, об огородниках и кочетниках или четниках-рыболовах (ст сл. кочет—колышек у лодки, к которому привязываются весла). Изорник отдает господину четвертую часть урожая, огородник и кочетник, повидимому, половину своих продуктов [4]).

Характерную черту составляет то, что изорники, огородники и кочетники, по Псковской судной грамоте, получают от хозяина «покруту»—ссуду «серебром», т. е. деньгами, или хлебом («пшеницы—ярой или озимой») [5]). Грамота устанавливает подробные правила относительно взыскания «покруты», предусматривает и случай «бегства» изорника за пределы Псковской области («а который изорник с села збежит за рубеск») [6]). Из этого следует, что такая задолженность составляла широко распространенное явление и без получения ссуды трудно было взяться человеку за хозяйство, указывает и на то, что задолжавшие крестьяне спасались бегством в другие области. «Они живут в долгах, бегут от долгов и умирают в долгах». При таких условиях переход для них едва ли был возможен, ибо, в случае

[1]) Сб. Г. Г. и Д. I. № 27, а также № 45.
[2]) Сергеевич. Закладничество в древней Руси Ж. М. Н. П. 1901. XI. 111
[3]) А. А. Э. I. № 32.
[4]) Псковская судная грамота, ст. 42. Владимирский-Буданов, Хрест I, 165
[5]) Псковск. судн. грам. ст. 44.
[6]) Там же, ст. 51, 76, 84—87.

несостоятельности, им грозила участь попасть снова к прежнему государю, но не в качестве уже изорника, а в качестве его холопа [1]). Создавалось прикрепление к земле крестьянина, как результат его задолженности.

Любопытно содержание этого памятника и в другом отношении. Уход (отказ) допускается только одни раз в году— в Филиппово заговенье (14 ноября)—так что прекращение аренды сильно ограничено: «а который государь захочет отрок дати своему изорнику или огороднику или кочетнику, ино отрок быти о Филиппове заговение; тако ж захочет изорник отречися с села или огороднику или четник, ино тому ж отроку быти». Но кроме того переход затрудняется еще тем, что «который изорник отречется оу государя села, или государь его отрячет и государю взят у него все половину своего изорника» [2]). Владимирский-Буданов, а за ним и другие (Дебольский, Дьяконов) полагают, что изорник оставляет господину половину своего урожая, тогда как по мнению Сергеевича и Павлова-Сильванского, речь идет о половине имущества изорника [3]). Последний указывает на то, что в таком отнятии половины имущества нет ничего неправдоподобного — сервы на Западе при отказе лишались всего, отпускались голыми, позже получали часть имущества; у нас впоследствии господа, если не по закону, то фактически отнимали у крестьян при отказе значительную часть имущества. Во всяком случае изорник лишался части своего добра и притом не только при отказе, последовавшем с его стороны, но и в случае, если господин заставлял его уйти.

Характер крупного землевладения, снабженного иммунитетными грамотами, свидетельствует о том, насколько прав был Павлов-Сильванский, утверждая, что мы находим на Руси тот же феодальный строй, который имел место на Западе и долгое время считался отличительной особенностью Западной Европы, тогда как он существовал в известную эпоху везде и повсюду, как в Европе, так и за пределами ее. Как мы видели выше, и на Руси господствовало крупное землевладение, состоявшее из многочисленных мелких хозяйств (тот же Streubesitz, что и на Западе), и одновременно существовала верховная собственность вотчинника на землю (dominium eminens) и право пользования, принадлежавшее обрабатывавшему землю крестьянину (dominium utile) Вотчинник не только именовался государем, но и был им действительно: издавал административные распоряжения для сидевшего на его земле населения, получал от него

---

[1]) Дьяконов, стр. 100.

[2]) Ст. 63.

[3]) Владимирский-Буданов, 173, прим. 136. Дебольский, стр. 126. Энгельман, Гражд. зак. псковск. судн. грам. (1855), стр. 56 сл. Дьяконов, Очерки общ. и госуд. строя, стр. 99 Сергеевич, I, 239. Павлов-Сильванский, III, стр. 195. П. Беляев, Древне-русск. сеньерия. Ж М Ю VIII. 143.

подати, судил его и приводил приговор в исполнение. Этот сеньор соединял таким образом в своих руках публичные права с частными—права землевладельца и государя,—наиболее характерная для феодального строя особенность. И здесь мы находим феодальную иерархию—вотчинников, которые служат не непосредственно великому князю, а его вассалам, митрополитам или боярам. Хотя точные сведения об этом появляются не ранее конца XV ст., но есть основания думать, что эти явления имели место уже гораздо раньше [1]). Построен был феодализм и у нас и на Западе на той же экономической почве—на господстве замкнутого в пределах вотчины натурального хозяйства. Над самостоятельной хозяйственной единицей возвышалась самостоятельная политическая единица; первая являлась крепким фундаментом для последней. Правда, сам же Павлов-Сильванский, а за ним и другие (Тарановский, Огановский) указывали на то, что наши сеньоры не стали суверенными владельцами, не превратились в тех маленьких монархов, каких мы находим на Западе—«окняжение» земли предупредило «обоярение» ее, что Павлов-Сильванский об'ясняет многочисленностью рода Рюриковичей. Если последнее об'яснение не может быть признано достаточным и необходимо, очевидно, искать других, более глубоких причин, которые не дали у нас возможности феодализму в политическом отношении (не в экономическом) развиться до той степени, какой он достиг на Западе, то, с другой стороны, и разница здесь имеется не качественная, а количественная. Да и вообще—как правильно подчеркнул Н. И. Кареев—о феодализме на Западе нельзя говорить, как о чем-то совершенно одинаковом во всех странах. Наряду с общими чертами мы находим и индивидуальные особенности в каждой отдельной стране и с таким же правом, как о феодализме английском, французском, германском, испанском и т. д., мы можем говорить и о феодализме русском, представляющем собою один из вариантов родового понятия феодализма [2]).

На наличность в древней Руси различных черт, свойственных феодализму, в особенности на роль и значение иммунитета, указывали еще Чичерин, Соловьев, Кавелин, Неволин, В. Милютин, хотя они не пытались сопоставлять наши институты с западно-европейскими, в особенности же подчеркивал характер феодального строя Костомаров, находивший его со времени татарского нашествия и усматривавший его в дроблении власти между князьями, причем образовались высшие и низшие ступени с известной подчиненностью вторых первым. Но возникновение феодального строя он еще называл произведением татарского завоевания и точно также прекращение его приписывал исчезнове-

[1]) См. об этом Павлов-Сильванский III. 367 сл., и ниже о поместьях (т. II, гл. 3).

[2]) Кареев В каком смысле можно говорить о существовании феодализма в России? 1910 г Стр. 25

лию татарского ига [1]). И Ключевский указывал на то, что в удельный период возникали отношения, напоминающие феодальные порядки Западной Европы, но прибавлял к этому, что «это явления не сходные, а только параллельные». Феодальный момент можно заметить—говорит он—«разве только в юридическом значении самого удельного князя, соединявшего в своем лице государя и верховного собственника земли, но его бояре и слуги совсем не вассалы» [2]). Гораздо более важным предшественником Павлова-Сильванского является Н. А. Рожков, который указывает на то, что «хотя феодализма в окончательно сложившемся виде в России никогда не существовало, но зародыши его были... свойственны и нашему отечеству», причем он обращает внимание на то, что бенефицию, коммендации и иммунитету точно соответствовали у нас поместье, закладничество и жалованные грамоты [3]).

Однако Павлову-Сильванскому принадлежит огромная заслуга выяснения вопроса о феодализме в древней Руси путем детального сопоставления характерных явлений русской жизни с соответствующими институтам на Западе, в результате чего ему удалось установить положение, что мы имеем и на Руси все важнейшие признаки феодальной организации—раздробление верховной власти, сеньориальный строй, вассальную иерархию, службу с земли, иммунитет, защиту-патронат, победу боярщины над общиной [4]). Хотя ему и ставили в вину, что он слишком выдвинул общие России и Западу явления и главным образом имел в виду правовые, а не экономические явления, свойственные феодализму, расходились с ним и в различных частных вопросах, все же огромное большинство исследователей не могло не признать правильности его положения, что нельзя говорить о своеобразии русского исторического процесса и отрицать существование и на Руси феодальных порядков [5]). На этой точке зрения стоят: Тарановский, Н. И. Кареев, М. Н. Покровский, Плеханов, Огановский, М. М. Ковалевский [6]) и ряд других авторов, тогда как не соглашается с ним Владимирский-Буданов, утверждая, что приведенные им факты не феодализм, известный Западной Европе, а «то всемирно-историческое явление смешения государственных и частных начал права, которое наблюдается повсюду» [7]). Сергеевич полагает, что «у нас были некоторые предвестники феодализма, но очень слабые» [8]), а П. Н. Милюков готов признать существование у нас основных черт средневекового строя Западной Европы

---

[1]) Костомаров. Начало единодержавия в древней Руси. 1870.

[2]) Ключевский. Курс I. 449 сл.

[3]) Рожков. Город и деревня. 1902. Его же. Обзор русс. ист. II, 1. Стр. 131 сл. Его же. Русск. ист. III.

[4]) Павлов-Сильванский. Феодализм в древней Руси. 1907. Его же. Феодализм в удельной Руси. 1910. (См. сочинения).

[5]) См библиогр. (статьи, заметки, рецензии) по поводу его первой книги в прил. II к т. III Сочин.

[6]) Тарновский. Феодализм в России 1902. Кареев, ук. соч. Покровский. Русск. Ист. I. 26 сл. 55. История русск. культ. I. 255 сл. Плеханов. I. 9 сл. Ковалевский. Минувшие годы. 1908. I. Огановский. 20

[7]) Владимирский-Буданов. Обзор. 5 изд. 292 сл.

[8]) Сергеевич. III. 474

и наличность феодализма в родовом смысле, но в виду видовой разницы, он не считает возможным называть русский вариант этим термином [1]).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Промыслы.

I.

Известный историк и археолог В. Б. Антонович указывает на то, что в славянских курганах уже древнейшей языческой эпохи мы находим, на ряду с предметами, свидетельствующими о занятии земледелием, скотоводством и рыбным промыслом, также многообразные изделия обрабатывающей промышленности. Остатки тканей и пряслицы из красного шифера указывают на ткацкое производство, железные ножи, ключи и гвозди, как и найденный в одной из древлянских могил кузнечный молот—на кузнечные работы; к гончарному промыслу относятся глиняные сосуды различных форм; к древообделочному — деревянные ведра, окованные железными дужками. Там же находим плотнические работы в виде могильных срубов, надмогильных настроек. Оружие состоит из шлема, кольчуги, топора, копья, меча или сабли, лука и стрел с железными наконечниками. Наконец, встречается много украшений, в особенности из серебра, большей частью низкопробного—серьги, браслеты, кольца, бусы, последние также из сердолика или стекла.

После принятия христианства «прежние украшения получают более изящную форму и появляются новые их формы, заимствованные из иноземного искусства, в большинстве случаев византийского или восточного. Вооружение остается прежнее и типы его почти совсем не изменяются. То же самое можно сказать о промыслах и занятиях, хотя произведения их, сохраняя основной характер, совершенствуются... Сверх того, являются многочисленные экземпляры предметов христианского культа» (кресты, тельники, иконы) [2]).

Курганный инвентарь дает нам представление о жизни древних славян, о тех предметах, которыми пользовались они, преимущественно высшие классы, князья и их дружина [3]). Но для выяснения условий производства в эту эпоху раскопок еще недостаточно. Прежде всего мы не знаем, были ли най-

---

[1]) Милюков. Энцикл. Слов., т. 71.

[2]) Антонович. Черты быта русских славян по курганным раскопкам Русс. история, под ред. Довнар-Запольского, I. 518.

[3]) См. Довнар-Запольский. Ист. русск. народ. хоз I. 254 сл.

денные в курганах предметы и какие именно из них туземного или же, наоборот, иностранного происхождения. По поводу украшений на последнее обстоятельство указывалось. Восточное и в особенности византийское влияние настолько значительно, что возникает предположение, что эти предметы импортированы к славянам. Но и в других случаях вопрос этот остается во всяком случае открытым; с уверенностью утверждать, что те или другие предметы изготовлены на месте, можно лишь в отдельных случаях.

Но чего уже совсем мы не можем установить на основании курганных раскопок, это формы промышленности, существовавшей в это время. Если даже допустить, что те или другие предметы, встречающиеся в значительном количестве, производились самими местными людьми, напр., предположить, что гвозди, скобки, оковки ведер, топоры, ножи, щипцы, молотки, изготовлялись собственными кузнецами, то совершенно недоказанным было бы утверждение, что они вырабатывались ремесленниками, т.-е. на продажу. Одного лишь соображения, напр., что «по свойству самой работы керамические изделия не могли быть предметом удобным для производства в каждом отдельном хозяйстве» и, следовательно, поступали в хозяйство путем обмена, еще недостаточно для обоснования наличности производства для сбыта. У первобытных народов мы находим обжигание посуды, промысел весьма распространенный, сплошь и рядом в форме работы для надобностей собственного хозяйства и лишь с течением времени часть посуды выносится на местный рынок для продажи.

Достигнута ли была здесь уже эта ступень, мы не знаем. Если обилие черепков в том или другом районе указывает на присутствие горшечной мастерской, то о характере этой мастерской и о форме промышленности оно свидетельствует столь же мало, как большое количество остатков других мастерских, обнаруженных в 1907 — 09 г.г. в Киеве при раскопках в усадьбах Десятинной церкви. Одни из них служили для приготовления изделий из мрамора, шифера и др. пород камня, другие для обжигания посуды, третьи для выделки эмалевых изразцов, которыми украшалась Десятинная церковь. «Существовали здесь мастерския для выделки предметов из стекла — сосудов и особенно витых браслетов. Особенно многочисленны были мастерские ювелирные, на что указывают во множестве находимые формочки для отливки крестов, серег, колец, браслетов, бус и т. д.» [1]).

Но не следует забывать того, что понятие мастерской еще вовсе не равнозначуще производству для сбыта и мастерская не должна быть обязательно ремесленной — хотя мы обычно

[1]) Рус. история, под ред. Довнар-Запольского, I. 518.

соединяем ее с этим прилагательным. Вполне возможны и действительно существовали, и в эту эпоху и впоследствии в крупных хозяйствах—княжеских, монастырских—мастерские, работающие исключительно для надобностей этого хозяйства, но отнюдь не для посторонних лиц.

Таким образом, для выяснения вопроса о том, какие существовали отрасли промышленности даже в древнейшую эпоху—для более позднего времени клады уже отсутствуют—настолько они были развиты, какие на Руси изготовлялись предметы и каковы были формы производства, необходимо обратится к писанным источникам и исходить из них; курганные раскопки могут явиться лишь дополнением к ним для наиболее раннего периода.

В третьей редакции «Русской Правды», относящейся к XII или началу XIII в. (быть может, уже к концу XI ст.), говорится о «ремествянищех»: «а за ремествянина и за ремествяницу 12 гривен» [1]). Одни авторы полагают, что речь идет о вире за убийство раба-ремесленника [2]), тогда как, по мнению других, «Правда» трактует о свободных ремесленниках [3]). В пользу первого говорит то обстоятельство, что в предшествующих и в последующих статьях об'ектами преступления являются несвободные княжеские слуги «искормильцы» и кормилицы, причем в последнем случае прибавлено: «хотя ен будеть холоп или роба». Ремесленник занимает во всяком случае равное с тиуном княжеским или ратайным, с кормильцем или кормилицей положение.

В Никоновской летописи читаем: «и радовахуся бояре и вси вельможи их, такоже гости и купцы, и вси работники, людие, роды и племяна Адамовы: вси бо сии един род и племя Адамово,—и цари, и князи, и бояре, и вельможи, и гости, и купцы, и ремесленицы и работнии людие» [4]). Ремесленники составляют, следовательно, особую группу населения, наряду с боярами и купцами; они противополагаются «работным людиям». Ремесло именуется также художеством: «всяко художество... жижительское (строительное), и кузньчское, токальчьское и каменьное сечение», а в то же время иконописное искусство именуется ремеслом: «блаженный ж Алимпий постриженъ бысть при игумене Никоне, всему делу изучився иконы писати, хитр бысть вельми сему реместву» [5]). Упоминаются: «множьства ремества различна, швець, кузнець, древоделя». В другом случае наряду с земледелием, рыболовством, солеварением, судоходством и тор-

---

[1]) Карамз. спис. 12.

[2]) Мрочек-Дроздовский. Учен Зап. 257. Goetz. III. 73—74

[3]) Аристов. 87. Максимейко Мнимые архаизмы угол. права Русской Правды (Вестн. Права. Март. 1905 г.), стр. 131.

[4]) П. С. Р. Л IV. 16.

[5]) Мрочек-Дроздовский. 257. Срезневский, Древн. памяти. русс. письма и яз. 1866.

говлей выдвигаются два ремесла: кожевенное и кузнечное, т.-е. металлообрабатывающее. Именно в приведенной уже выше грамоте пол. XV ст. о взимании черного бора в Новгородской области (с сохи по гривне) к сохе приравниваются: «да тшан кожевнической за соху, невод за соху, лавка за соху, кузнець за соху, лодья за две сохи, црен за две сохи» [1]).

Различные промышленные работы выполняются—как мы видели—крестьянами в качестве барщины: крестьяне обязаны были церковь наряжать, монастырь и двор тынить, хоромы ставить, сети плести, прясть лен, полученный от монастыря (конец XIV ст.). Но наряду с этим находим и городских свободных ремесленников, уже в XIII ст. летописец описывает, как Даниил Галицкий основал город Холм и стал созывать («нача призывати») туда мастеров: «прихожае немцы и русь, иноязычники и ляхы; идяху день и во день и уноты и мастере всяции бежаху ис татар, седелници и лучници (выделыватели луков), и тулници (производители колчанов), и кузнице железу и меди и сребру». При основании города, следовательно, ремесленников («мастере всяции») призывают из других мест—немцев, ляхов и иных иностранцев и жителей юга, это работники по металлу (железу, меди, серебру) и оружейники. Получается яркая картина того, как день за днем тянутся к городу вереницы этих мастеров и как город наполняется. «И бе жизнь—заключает летописец—и наполниша дворы окрест града, поле и селы» [2]).

Но и впоследствии, еще к концу XV века имелись и несвободные ремесленники, как видно из духовной грамоты князя Ивана Юрьевича Патрекеевича. Здесь среди людей, оставляемых жене, названы наряду с хлебниками и поварами Куземка Булгаков, сын плотников серебряный мастер, Остапко Максимов и Куземка Грибин—портные мастера, Ивашка плотник, Гридица Михалков и Федорей Ивашков—истобники (повидимому, строители теплых изб или печей—истобка жилое помещение с печью) [3]).

Из приведенных данных мы узнаем лишь о наличности нескольких видов производств—кожевенного, кузнечного (по металлу), древообрабатывающего, оружейного, как и о существовании работников свободных и несвободных. Но формы ремесла отсюда еще не выясняются (название ремесленник еще ничего не доказывает), хотя мы и можем предполагать, что обложение кожевничьего чана и кузницы в Новгородской области свидетельствует о том, что там эти производители были нередко действительно ремесленниками, т.-е. работали

---

[1]) А. А. Э. I. № 32
[2]) Ипат. лет. 1259 г.
[3]) С. Г. Г. и Д. I № 130.

для рынка, выделка кож и обработка металлов являлись в этих случаях постоянно производимым ими промыслом.

Наиболее ранней формой промышленности является производство изделий для надобностей собственного хозяйства, для удовлетворения его потребностей. Это может быть мелкое хозяйство, напр., крестьянское, которое таким путем заботится о нуждах своих членов, используя рабочую силу семьи. Но та же форма мыслима вполне и в области крупного хозяйства, напр., княжеского и боярского, в пределах которого челядь, позже крестьяне изготовляют необходимые промышленные изделия: одежду, утварь, оружие. Такую же форму может, наконец, приобретать и работа монахов как на нужды самой братьи (одежда, обувь), так и на потребности монастыря, на его постройку и украшение, на богослужебные цели.

Но, конечно, в последнем случае в особенности хозяйство легко выходит при удовлетворении своих потребностей за эти пределы, обращаясь к внешнему миру. Оно пользуется, напр., покупными украшениями или предметами богослужения, доставляемыми торговлей, что было уже весьма рано, или изделиями, заказанными у вольных мастеров. С другой стороны, и лица, входящие в состав таких обширных хозяйств, напр., монастырская братья, могут производить работу и не только для нужд монастыря, но и по заказу мирян. И в том и в другом случае возникает ремесло, но обычно в зачаточной форме, при которой заказчик снабжает мастера, выполняющего работу, нужным ему сырьем.

Самостоятельным производство становится только тогда, когда изделия вырабатываются из материала, принадлежащего производителю, когда, следовательно, весь процесс находится в его руках, им направляется, совершается сообразно его собственному пониманию, а не по указанию других лиц. В этом случае получается ремесло в полном смысле этого слова, но значение оно приобретает лишь тогда, когда такое производство для сбыта становится чем-то постоянным, является профессией данного лица, главным источником его заработка. В ранние эпохи хозяйственной жизни мы находим, правда, указания и на существование такого рода работ, производимых из собственного материала для рынка, но они обычно составляют явление случайное, едва выходящее за пределы домашнего хозяйства. Работы эти выполняются в дополнение к сельскому хозяйству или добывающим промыслам, совершаются в тесной связи с выделкой тех же предметов для собственных потребностей. Сбыт их на сторону имеет место лишь при наличности избытков, ненужных для хозяйства: только такие излишки, составляющие лишь небольшую часть изготовленного, попадают на рынок. При таких условиях говорить о наличности ремесла едва ли еще возможно. Это

только первые шаги по направлению к нему, из которых при благоприятных условиях, в особенности при усилении спроса на данного рода изделия со стороны других хозяйств, может постепенно выработаться ремесло в полном смысле слова.

В своем развитом виде ремесло предполагает оседлый, городской характер. Но оседлость устанавливается лишь постепенно; подобно земледелию, скотоводству и прочим промыслам, и ремесло, в особенности в зачаточных своих формах, отличается кочевым характером. Там, где мастер работает по заказу потребителя, он сплошь и рядом переходит из одного места в другое, из одного хозяйства в другое, выполняя каждый раз указываемое ему задание. Возникают отхожие промыслы строительные—каменщиков, плотников, маляров, но и отхожие промыслы бочаров, кузнецов, котельников, даже портных. Это все еще зачатки чисто ремесленной деятельности, ибо они еще находятся в тесной связи с хозяйством потребителя-заказчика, как и не отделились вполне от сельского хозяйства и иных, производимых для собственных нужд, работ.

В пределах собственного хозяйства производится прежде всего в ранние эпохи одежда из льна и шерсти, составляя главным образом занятие женщин. Это подтверждается и данными, сообщаемыми в наших источниках—в летописях, в житиях святых и т. д. В древнейшей летописи упоминается о «добрых женах», которые подобны «каменьям многоценным». Такая жена «обретши волну и лен, творить благопотребная руками своими»; «не угаснет светильник ее всю нощь... локти своя устремляет на вретено». Благодаря ее работе, «вси свои ее одени будуть, сугуба оденья сотворить мужеви своему, очервлена и багряна собе оденья». Хозяйка, следовательно, вместе с рабынями («дасть дела рабыням») изготовляет одежды себе и мужу своему, отчасти даже, повидимому, работает на продажу: «опоны (одежды) створи и отдасть в куплю». Поэтому она «яко корабль, куплю деюци, собираеть собе богатьство»[1]). Встречаем далее сборы с населения льном и изделиями из него, платками, полотенцами, скатертями, неводами. По грамоте 1150 г. подать в Торопце выражается в полавочнике (большое полотенце), двух скатертях, далее трех убрусах и т. д. О Февронии Муромской в житии ее читаем: «юноша вниде в храмину и узре видение чудно,—седяше бо едина девица и ткаше красна, пред нею же заяц скача». «Княгиня Василиса нача жити в монастыре... тружаяся рукоделием». Но выделкой одежды занимались не только в женских, но и в мужских монастырях. Киево-печерские иноки сами пряли лен, «платна делая», а старец Феодосий ночью «седяше, прядый волну для одежды», а «одежда бе свита вла-

[1]) Лавр. лет. 980 г.

сяна остра на теле его». Преп. Сергий «обувь же и порты крояше и шьяше». В Белозерском монастыре «умеющии рукоделие делающе и в казну отношаху, одеяния и прочая, яже к телесной потребе». Повидимому, об одном из таких «умеющии» идет речь в рассказе, где фигурирует черноризец, приносящий показать настоятелю Феодосию изготовленную им одежду, «иже бе своими руками работая стяжал имения мало, бе бо портной швець». В 1216 г. под Переяславлем убили Иванка Прибышиниця опопоника, т.-е. выделывающего одежды.

Была и известная связь монастырей с рынком. С одной стороны, в описании Кирилла Белозерского передается, что он «единаго лета посыла[ше] купити, еже к телесной потребе братиям, рекше одежду и обущу, масло же и прочая», следовательно, закупалась одежда, обувь, масло (вероятно, для богослужения). С другой стороны (в XI ст.), иноки печерского монастыря «копытце» (чулки) плетоуща и клобоукы и ина роучьная дела, стояще и тако носяще в град продояху и тем жито коупяхоу» [1]) — свои изделия обменивали, следовательно, на хлеб. Но мы не знаем, насколько значительными являлись такие сношения с рынком. Исходя из приведенных случаев выделки одежды в монастырях для собственных надобностей, мы можем скорее предполагать, что приобретение ее извне составляло явление редкое и точно также лишь избытки изделий иноков поступали в продажу, но постоянной работы на продажу еще не было.

Обуви кожаной население не носило, одевались в лапти: болгары «суть вси в сапозех—пойдеве искать лапотник» [2]). Но кожа нужна была для щитов и колчанов, для сбруи и поясов; богатые люди одевали и кожаные черевики или чоботы. Отсюда выделка кож. О Яне Усмошвеце отец его рассказывает Владимиру: «единою бо ми и сварящю (варить) и оному мьнющу (мять) усние (кожи) разгневався на мя преторже череви руками». Он занимался, следовательно, дублением кож (усние) и выделкою обуви (череви). В предании о посещении апост. Андреем новгородской земли сообщается, что там обливаются в бане «квасом усниянным», т.-е. квасом, в котором отмачиваются кожи и овчины. На существование кожевенного промысла указывают и такие факты, как то, что в битве с шведами в 1240 г. был убит «Дрочило Незбылова сын кожевника», а при взимании податей в качестве единицы обложения—как мы видели (см. стр. 114)—фигурирует кожевенный чан. О башмачниках речи нет, в монастырях башмаки изготовлялись иноками, их выделывал, напр., преп. Сергий.

---

[1]) Жит. Феодос. Печерск.
[2]) Летоп. Ипат., 63.

Изготовлялись и богатые одежды, шитые золотом и шелками,—этой работой, повидимому, занимались княгини и монахини. Феврония Муромская скончалась «единого святого раз еще не дошив, лице же нашив, преста, и вотькьне иглу, и приверьте нитью». Сохранились вышивки на шелку дочери Василия Темного Анны. В завещаниях княжеских встречается пояс старый новгородский, «пояс золот Шишкина дела», «пояс золот с ременем Макарова дела» [2]); так же, как и икона золотом кована «Парамшина дела», «крест золот парамшиньской» [3]). Так что были и русские мастера, выделывавшие украшения. Но большая часть золотых и серебряных изделий, дорогих тканей, нарядов и украшений одежд перешли в Россию от иностранцев или обработаны были не русскими мастерами, как показывают сами названия—«пояс золот фрязьский», «пояс золот царевьский», т.-е. ханский, «да стокан царьгородский, золотом кован» [4]). Известны были шелковые материи—атлас, штоф, тафта, гродетур. Все это были иностранные изделия, притом предназначенные не столько для нарядов, сколько для церковных облачений, частью сохранившихся до нашего времени. Облачение преп. Никиты новгородского штофное, пояс гарусный-тканный, шапка гродетуровая, опушенная горностаем. Мантия архиеп. Иоанна из атласа и бархата. Одеяние преп. Варлаама из атласа, шитое золотом и украшенное жемчугом [5]).

Однако, это все роскошь церковная, о большом количестве предметов роскоши у частных лиц она отнюдь не свидетельствует. Напротив «самые завещания, подробно означающие пояса, бляхи и мелкие украшения наравне с поземельными владениями и городами, дают знать о редкости нарядов и украшений.. Точно также удивление летописцев при описании украшенных одежд и разных мелочных вещей приводит к мысли, что украшения были редки, так что древнему русскому человеку казалось все это подобным чуду, «хитростью измечтанною» [6]).

Еще более велика была роль иностранцев в постройке и украшении церквей, с той только разницей, что материи шелковые и шитые золотом, как и иные наряды, привозились к нам в готовом виде, тогда как здесь иностранцы появляются сами. В особенности это бродячие греческие мастера, строители, живописцы, выделыватели церковных украшений. Впрочем, последние и в особенности церковную утварь вывозили из Кор-

---

[1]) Летоп. по Ипат. спис. 560.
[2]) С. Г Г. и Д I № 34 (1389 г.)
[3]) Там же. I. №№ 25 (1356 г.), 39 (1406 г), 86 (1462 г).
[4]) Там же. I. №№ 23, 25.
[5]) Аристов 165
[6]) Там же.

суни; еще Владимир похитил там церковную утварь, книги, кресты, как и «две капищи медяны и четыре кони медяны» (две человеческие статуи и четверню бронзовых коней). И впоследствии предметы, необходимые для киевских храмов, забирали из корсунских церквей. Для построения храма Успения Владимир в 991 г. вызвал византийских мастеров: «помысли создати каменую церковь святые Богородицы и послав приведе мастеры от грьк». (Ипат. лет.). Примеру Владимира следовали и другие князья. «По свидетельству летописей и других литературных памятников, как Киево-Печерский Патерик, жития русских святых, древние церкви были построены греческими мастерами, и греческие же художники их расписывали. Так известны сведения о Десятинной церкви, Софийском соборе в Киеве и церкви Киево-Печерского монастыря, церкви Богоматери в Новгороде, Софийском соборе там же... Киево-Печерский Патерик передает легенду о чудесном прибытии византийских художников в Киев для росписи Печерского монастыря. В 1045 г. князь Владимир Ярославович начал строить каменную церковь св. Софии в Новгороде: «и устроив церковь приведоша иконных писцов из Царя-града... А писали Спасова образа годишнее время и более» [1]).

Когда Андреи Боголюбский пожелал выстроить церковь во Владимире, то, по словам летописи, (Лавр. 1160 г.), «приведе ему Бог» даже «из всех земель мастеры».

Вскоре появляются впрочем и церкви, построенные русскими мастерами—церквей ведь строилось огромное количество. Однако еще в 1160 г. летописец (Лавр. лет.) подчеркивает, что при перестройке церкви во Владимире обошлись без иностранных мастеров, пользуясь трудом рабов, принадлежавших церкви: «не ища мастеров от немець, но налез мастеры от клеврет святое Богородици». Они выполняли все работы: «иных олову льяти, иных крыти, иных известию белити». И даже из летописного сообщения 1433 г. видно, что вполне обойтись без иностранцев и теперь не могли: «мастеры делали немецкие из за мориа с новгородскими мастеры».

Строили наши мастера каменные церкви быстро («нацяша делати месяца маия в 21, а конпяша месяца июля в 31», «создана бысть церкви... единого лета»), но зато и долговечностью они не отличались, многие церкви вскоре рушились. В 1105 г. рухнула церковь св. Андрея, в 1123 г. переяславский Михайловский собор, в конце XII ст. Богородицкая в Ростове и другая Богородицкая в Суздале. То же случилось в 1230 г. с церковью в Переяславле русском, в 1380 г. в Коломне [2])

---

[1]) А. А. Э. I. № 238. Ш. Яцимирский. Византия и влияние ее на Русь. Рус. ист. I. 561.

[2]) Аристов. 104.

Точно также построенная в 1382 г. каменная церковь «за мало дни рассыпася» (Новг. перв. лет.). В другом случае через несколько часов после постройки церкви обрушился верх, а на утро «скрушися вся».

Не более прочны были и другие постройки. В 1338 г. сильным порывом ветра снесло мост, городские укрепления сильно ветшали и приходилось строить новые: «срубиша город на пороге нов, ветхыи сметаше». И тут одной из причин являлась поспешность работы: «начаша делати за неделю на Покрове, а сделаше в две недели весь» (Псков. перв. лет. 1414 г.).

Из камня первоначально сооружались только церкви, других каменных построек долго совсем не было. Какой редкостью являлись как они, так и мастера, их сооружавшие, видно из слов летописца по поводу попытки Рюрика Ростиславовича в 1190 г. заложить каменную стену под церковью св. Михаила у Днепра; до него даже не дерзали помыслить об этом («о нем же мнози не дерзнуша помыслити от древних»). Он же, «имея любовь не сыту о зданьих», раздобыл—это ему ставится в особую заслугу—и сведущего мастера («изобрете бо подобна делу и художника во своих си приятелех... и приставника створи богоизволену делу и мастера не проста стены... ни от кого же помощи требуя»).

Только с XIV ст. появляются каменные стены, к концу этого века находим и каменные здания—архиерейские и монастырские, тогда как частные здания даже в таких богатых городах, как Новгород и Псков, были попрежнему деревянные, и только частные лица, по своей инициативе, сооружали каменные церкви.

Эти деревянные здания первоначально строили люди сами для себя, как это делали, напр., подвижники, возводившие для себя кельи. Авраамий пришел к Ростову и поставил колибицу (от греч. колиба—келья), а Александр Свирский, «возградив себе хлевину малу... древа посекая и нивы творя понужаяся сам». Позже обращаются уже к плотникам, но плотничьим ремеслом занимались и не профессионалы. За такую работу берется и преп. Сергий, когда старец, «иже хотяте сенци делати», заявляет ему: жду плотника, а уже все приготовано. Сергий предлагает ему: «аз сотворю, якоже хощеши, мзду возму у тебя». В других случаях обращаются к древоделам. Так строится церковь в Белоозере: «понеже место оно долече человеческих жилищ отстояша и древоделникам же позвани бывше приидоша и тако церковь поставлена бысть». В Вышегороде Ярослав «повеле древоделям, да приготовят древа на сотражение церкви, бе бо уже время зимно» [2]). А Изяслав обращается даже к помощи артели древоделов: «призвав старейшину древо-

[1]) Сказание о св Борисе и Глебе, изд. Срезневским. 1860, стр. 28.

делям, повеле ему церковь возградити .. Старейшина ту абие собра вся сущая под ним древоделя» [1]). Имеется артель древоделов во главе со старейшиной.

Но подобно тому, как «рубить» города составляло повинность населения («коли учнут город рубити, им делати ж»), так же, как и строить засеки, так крестьяне обязаны были содержать церковь и отбывать плотничьи работы для монастыря «большим людем из монастырских сел церковь наряжати, монастырь и двор тынити, хором ставить» [2]). Мастеровые, принадлежащие духовенству, по ярлыку хана Узбека 1313 г., освобождаются лишь от работ на татар: «а что будут церковные люди-ремесленници... или писцы или каменные здатели (строители) или древяные» [3]). На нужды же церкви и монастыря, как и великого князя, эти каменщики и плотники, повидимому, обязаны работать. В виде исключения находим освобождение и от повинностей этого рода в пользу князя: «не надобе луховцам ставити хоромов на князя великого дворе», «двора моего не ставят» [4]). Но из освобождения их от работы на хана можно также заключить, что эти мастера были редки и ими дорожили. заключить, что эти мастера были редки и ими дорожили.

Таким образом мы находим, с одной стороны, строительную деятельность крестьян в виде повинности, а с другой, те же работы в качестве промысла, быть может, отхожего. В Новгороде встречается Плотинский конец, как и Лубяницкая улица (выделывателей лубяных—деревянных и мочальных изделий) и к новгородцам киевляне обращаются: «а вы плотницы суще, а приставим вы хором рубити наших» [5]). И в Псковской судной грамоте (1396—1467) идет речь о найме плотника либо на известный срок, либо на определенную работу: «а которой мастер плотник или наймит, отстоит свой оурок и плотник или наймит... свое дело отделает» [6]). В «Русской Правде» говорится о «городнике», т. е. заведующем постройкой городских укреплений, который при закладке их получает куну, а при окончании работ ногату, сверх того в неделю 7 хлебов, 7 уборков пшена и 7 кун на еду и питье, и 7 лукон овса на содержание 4 лошадей. Мостнику за постройку моста полагается с каждых 10 локоть по ногате и 4 лукна овса на двух лошадей [7]). Псковичи в 1365 г. платят уже исключительно деньгами—400 руб. за постройку церкви.

---

[1]) Сказ. о Борисе и Глебе, стр. 31 сл.
[2]) А. А. Э. I № 11.
[3]) С. Г. Г. и Д. II. № 7.
[4]) А. А. Э. I. № 9 А И. I № 15.
[5]) Летоп. Лаврент. 1076 г., 96
[6]) Псковск. судн. грам, ст. 39, 41.
[7]) Карамз. спис. 108 и 109.

В монастырях изготовлялись для собственных надобностей свечи (преп. Сергий «кутию сам варяше и свечи скаше»). До XVII ст. стекла приготовлять не умели и вместо него употреблялась для окон слюда, только в церквах находим уже раньше привозные стекла (в холмской церкви в 1259 г. «окна 3 украшена стеклы римьскими»). Больше производилось глиняной посуды. За 992 г. имеется известие о горницах (кувшинах), привезенных в Новгород для продажи, и там же встречается конец Гончарный.

Как мы видели, среди курганных раскопок встречается много металлических вещей, как оружия, так и различной домашней утвари. Однако, далеко не все они были, повидимому, собственного производства; много доставлялось из других стран. Посетивший славян арабский писатель Ибн-Фоцлан указывает на то, что мечи у руссов были работы европейской. И в памятниках упоминаются сулици (копья) ляцкие, шеломы латинские, колчары (кинжалы) фряжские. Грянули шеломы немецкие, байданы (латы) бесерменские, колчары фряжские, корды лятцкие—читаем в описании Мамаева побоища. Привозилось оружие с Запада и от греков (при Изяславе в 1151 г.) и от шведов (Биргер II, вследствие столкновения с новгородцами, запреща т вывоз его чрез Балтийское море). Но оружие шло и с Востока; об том свидетельствуют копия аравитские, шеломы оварские, такие названия, как колантыри (броня), байданы (латы), кончары (кинжалы—ханд-жары), сабли, чечаки (шишаки). Воины Даниила Галицкого были вооружены оружием татарским.

Но на ряду с привозным оружием и с иностраными кузнецами были и местные. Феодосий отправляется к «единому от кузнец» и заказывает ему вериги, в Киеве имелись Кузнечные ворота, у которых несомненно жили кузнецы. Кузнецкая улица была в Пскове. Если такого рода названия, встречаемые во всевозможных городах Запада и Востока в ранние эпохи, всегда свидетельствуют о поселениях определенной группы мастеров—они селились совместно,—от которой древняя часть города (улица, конец, слобода, ворота) получила свое название, то именно кузнечный промысел является наиболее ранним везде и повсюду, появляется уже тогда, когда других видов ремесла, т. е. производства, работающего на продажу, еще не было. Конечно, кузнецами могли быть и иностранцы, промысел мог иметь кочевой характер и изделия могли производиться из материала заказчика. Но, во всяком случае, мы имеем основания предполагать, что раз существовали—как мы видели—зачатки других ремесл, то производство кузнечных работ, а среди них в первую голову выделка оружия, успело так или иначе выделиться из домашнего хозяйства.

Если преп. Нестор сам делает заступ для того, чтобы выкопать могилу Феодосию, а не обращается для этой цели к куз-

нецу, то лица, нуждавшиеся в оружии, в особенности, князья, надо думать, поступали иначе. Сами они не в состоянии были вырабатывать его, да и для челяди это являлось слишком сложным занятием, требовавшим, в виду трудности работы по металлу, известной подготовки. Мы ведь читаем об убитых новгородцах—Гавриле Щитнике, Якове Гвоздочнике, Онтоне Котельнике; «загорелось от Ондреа от медяника»; «Федора Басенка хотели убити шилники». Но в Новгороде мы встречаем и мастеров, обрабатывающих благородные металлы — серебряников: «убиша Нежилу серебряника», «убиша Страшка серебриника весця», «выведе Сокира посадник ливца и весца серебрянного Федора Жеребца на вече».

В той же Новгородской области мы находим кузнечный промысел не только в городах, но даже в деревнях. Здесь подтверждается раннее проявление этого ремесла, в то время, когда другие занятия еще входили в состав домашнего хозяйства. Как видно из писцовых книг, «крестьянки приготовляли из льна и конопли пряжу, разного рода холст (усчину, попонный холст), полотна, а из них делали все принадлежности белья, убрусы и утиральники... Крестьянин сам строил свое жилье и все его принадлежности, заготовлял все свои необходимые земледельческие орудия, прибегая к посторонней помощи только в крайне редких случаях». Но помощь кузнеца была ему необходима. «Отдельными единицами кузнецы встречаются во всех краях Новгородской земли... В некоторых местностях, однако, они встречались не только в особенно большом количестве, но и возвышались на степень чистых ремесленников, совсем пренебрегавших земледелием» («Древня Сомница двор Ивашко, двор Ульянко, двор Данилко, двор Олферко, кузнецы, не пашут»). Местности эти были, однако, не славянские, а финские. Но между кузнецами встречаются одинаково часто и настоящие русские или, по крайней мере, вполне обрусевшие финны». Изделия их—«топор, коса, сошник, да вдобавок к тому еще какая-либо сковорода рукоятная». В писцовых книгах читаем: «а нового доходу сковорода рукоятная да топор» (с кузнецов), «а нового доходу 28 сошников», «а старого доходу 20 кос» [1]).

Таким образом кузнечный промысел рано появляется в качестве самостоятельного ремесла и притом даже в деревне, промысел пришлый, иноземный, но постепенно распространяющийся и среди местного населения. Роль этих чужих мастеров и влияние их на развитие промыслов были весьма велики. «Коль скоро только дело заходило за пределы обыкновенного жигейского уровня, так тотчас же являлась неотступная потребность в чужом пособии». Медные двери Софийского собора пришлось

[1]) Никитский. История экономич. быта Вел. Новгорода, 82.

привезти далеко из-за моря, они представляли работу немецких мастеров [1]). В других случаях приходилось прибегать к московским мастерам. Так, по сообщению летописи, «владыка Василии повеле слияти колокол велик к святей Софии и приведе мастера с Москвы, человека добра, именем Бориса», который в том-же году отлил в Москве 3 больших колокола и два малых [2]). А в лето 1420 «псковичи наяша мастеров Федора и дружину его побивати церковь святая Троицы свинцом, новыми досками, и не обретоша псковичи такова мастера в Пскове, ни в Новгороде, кому лити свинчатыи дости; а к немцам слаша в Юрьев и погании не даша мастера; и приеха мастер из Москвы, от Фотея митрополита, и научи Федора мастера святыя Троицы, а сам от'еха на Москву» [3]). Получаются таким образом и здесь кочующие мастера, переходящие из Москвы в Новгород, Псков и другие города для выполнения различных работ. Это напоминает нам однородные факты из жизни Западной Европы в раннее средневековье [4]).

Общий вывод получается тот, что хотя преобладающим следует рассматривать в эту эпоху производство промышленных изделий для надобностей собственного хозяйства, княжеского, монастырского, боярского, крестьянского, но отчасти оно уже выходило за пределы потребляющего хозяйства. На ряду с пользованием иноземными товарами привлекаются и иноземные мастера, как и мастера из других областей Русской земли, трудом которых, главным образом по заказу потребителя и из его материала, восполняется недостаток в некоторых предметах. Отчасти обнаруживаются избытки в монастырском хозяйстве, которые, первоначально, вероятно, лишь в виде случайного явления, поступают на соседний рынок. Зачатки ремесел в особенности появляются в Новгородской области, где на ряду с населением, занимающимся сельским хозяйством, мы находим и различные виды ремесел, отчасти даже отделившиеся от земледелия; к концу этого периода, повидимому, рядом с Новгородом выделяется и Москва, в противоположность другим областям, почти не знающим производства для рынка.

II.

Соль получалась в эту эпоху, главным образом, из-за границы, привозилась ганзейцами в Новгород и Псков, а также в Полоцк [5]). Покупали, повидимому, русские и «испанскую соль» (как ее называет Татищев) у генуэзцев в Сурожe (нынеи-

---

[1]) Никитский, 86—87.
[2]) Перв. Новг. 1342 г.
[3]) Псков. втор. лет. 1420 г
[4]) Кулишер. Лекции по истор. экономич. быта Зап. Европы, изд. 6-ое, 1922. Т. I. 65.
[5]) См. ниже, стр. 192, 194, 210.

нем Судаке, Таврической губ.)[1]) и «ею не брезгал торговать в Киеве сам великий князь Святополк II» (нач. XII ст.)[2]). Первое упоминание о собственной добыче соли относится к первой половине XII ст.: в уставе Новгородского князя Святослава 1137 г. говорится о десятине, «а на мори от чрена и от салгы по пузу»[3]), т. е. со сковороды, в которой производилось выпаривание соли (чрен), и от котла (салга) взимается мешок (четверик) соли. Следовательно, в северной области, в Поморье уже тогда вырабатывалась соль. О соли, вываривавшейся в Двинской области, сообщается в источниках XIV и XV ст.: покупается (в XIV в.) за Волоком земля и «соляные места»[4]), устанавливаются торговые сборы в виде соли: «с гостя двинского взимается на Устюге и на Вологде «со лодии два пуза соли»[5]). Среди двинских земель находим «в Ноноксе (в Неноксе) места солеварные князя великого да Унасоль вся князя великого». Эти земли с соляными колодцами уступлены новгородцами Московскому великому князю (1471 г.)[6]).

Солеварение производилось далее в Новгородской земле—в Новоторжских волостях, где по старине уплачивается дань с сохи и с чрена (последний приравнивается к двум сохам)[7]). в Старой Русе—Новгород предоставляет польскому королю Казимиру IV право «держати десять варниць в Русе» (1471 г.)[8]). Неудачная попытка варить соль была сделана и в Пскове: псковичи «поставиша две варници на Рухе и начаша соль варити и то не сбысться и повергоша»—повествует Псковская летопись под 1364 г.

Наконец, оно делало успехи и на восточной окраине—в Галиче (костромском), Чухломе, Нерехте и в Балахонском усолье. В духовной Юрия Дмитриевича Галицкого 1434 г. читаем: «благословляю сына своего Дмитрея меншего городом Галичем... и солью с варницами .. опричь церковных варниць»[9]).

Так что в первой половине XV ст. здесь имелись как княжеские, так и церковные варницы. В грамоте говорится о том, что Юрия благословил его отец этим Галичем, деда своего куплею, следовательно, он существовал уже во времена Ивана Калиты, но было бы все же рискованно заключать из этого, что уже в то время там имелись и соляные варницы. Впрочем, при Дмитрии Донском они уже были, если верить кормовой книге Симонова монастыря от XVII ст., где сказано, что он получил

---

[1]) Татищев. Ист. Росс. II. 470. Карамзин. Ист. Гос. Российск. III. 124 сл.
[2]) Хмыров. Металлы, металлич. изд и минералы в древн. России, 64
[3]) Владимирский-Буданов. Христ. I. 256.
[4]) А. Ю. № 71. XXVI.
[5]) А. А. Э. I. № 13.
[6]) Там же. I № 94. I.
[7]) Там же. I. № 32.
[8]) Там же. I. № 87.
[9]) С. Г. Г. и Д. I. № 51

от этого князя «у соли галической колодязи соляные да варницы» [1]). На это указывают и слова духовной Дмитрия Донского 1389 г.: «а се даю своей княгине... у князя у Юрья из Галича Соль» [2]). В это время (1391 г.) и Троице-Сергиеву монастырю один жертвователь передает «половину своее варницы и половину колодязя, что у Соли у Галицкие, что на подолце, что варил мой соловар на мене» [3]).

В конце XIV ст., следовательно, производилась добыча и выварка соли в Галиче, а в половине XV ст. у Троицкого монастыря имелось «в Галиче две варницы, да третья варница Семеновская Морозова» и кроме того там были варницы великого князя. В 1453 г. Троице-Сергиев монастырь уже добыл себе льготы: «с тех варниц не надобе им никоторая моя дань, ни тамча, ни поминок, ни плошки, ни иная некоторая пошлина». причем солеварение княжеское и монастырское и сбыт ими соли должны мирно уживаться: «а коли закличет мой соловар продавать мою соль, а монастырскому соловару волно соль продавати и тогды, а мой ему соловар не возбраняет» [4]). О солеварении в Нерехте свидетельствует духовная Василия 1423 г., где «отказана княгине Нерехта и с варницами» [5]), и грамота вел. княгини Марьи Ярославны 1473—78 г.г. об освобождении принадлежащих митрополиту в Нерехте варниц от всякого рода даней и пошлин—свободны от них «и кто митрополичь соловар имет от него те варницы держати, а кто у него в тех варницах и дворех имет жити» [6]).

Как мы видим, солеварением преимущественно занимаются—наряду с великим князем—духовные учреждения—митрополит, Симонов монастырь, Троице-Сергиев монастырь (ему принадлежали варницы и у Соли Переславльской, которые также были освобождены от пошлин)). В грамоте 1484 г. упоминается и о варнице у Соли Галичской Чухломского Покровского монастыря, которая «варит .. без череду и без стояльниц через весь год, как в моих, великого князя, варницах варят». Волостелю велено старых грамот монастыря не «рушить» (нарушать), «воду у их варницы не отьимать» [8]).

Но и этот монастырь владел варницами уже раньше, как видно из выданной ему грамоты 1450 г. на варницы в Чухломе в Усольской волости: здесь сказано, что княжеские волостели и тиуны «заказчика», который варит соль на монастырь, «не

---

[1]) Карамзин V Прим. 122. Аристов. 72 Хмыров 86.
[2]) С. Г. Г. и Д № 34
[3]) А. Юр Быта I. № 63
[4]) А. А. Э. I № 52. См также А Юр Быта I. № 34
[5]) С. Г. Г. и Д. I. № 41.
[6]) А. А. Э. I № 99
[7]) А. Ю. Быта. I № 31. II.
[8]) А. И I. № 93

судят ни в чем и с варниц дров не смлют» и когда «бываеть сущенье» (очевидно, когда посредством кипяченья выпаривают воду), «тогды в варницу не влазят и к коробу не приступаютца» [1]). В духовной Владимира Андреевича 1410 г. упоминаются, наконец, княжеские варницы на Городце, которые он оставляет детям: «а иной не вступается никто в Городецьские варницы, без повеления детей моих» [2]). Городец находится в Балахнинском уезде, но возможно, что варницы были устроены в самом, впоследствии знаменитом своим солеварением, Балахонском усолье (Балахне). [3]).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Общий характер обмена.

I.

Исходную точку в процессе возникновения и развития торговли составляет немая торговля, встречающаяся в качестве наиболее ранней формы торговли у всех народов. О немой торговле на Руси у нас нет никаких сведений, но о таком способе обмена у различных племен, населявших современную Россию, упоминается в источниках. Под годом 1096 встречаем в летописи рассказ Гуря Роговича о торговле новгородцев с Угрой— «Угра же суть людие язык нем». Там «дивно находим мы чюдо ново, его же несмы слыхали преж сих лет»... «есть в горе той просечено оконце мало, и туда молвять, не разумети языку их, но кажють железо и помовають рукою, просяще железо и аще кто дасть им железо или ножь или секиру, и они дають скорою противу» [4]). Суть, конечно, заключается не в незнании языка, а во взаимном недоверии, в нежелании входить в непосредственные сношения с иноплеменниками, к которым относятся, как к врагам. Потому-то «язык нем». Об однородной форме торговли между булгарами и племенем Вису рассказывает Косвини. «Булгары доставляют туда товары, всякий кладет их в определенное место, делает на них знак и оставляет. Потом возвращается и находит нужный ему товар, положенный рядом. Если удовлетворен им, то берет его и оставляет за него свой товар. Если нет, то забирает свой обратно. Покупатель и продавец не видят друг друга» [5]). Здесь уже правильное опи-

---

[1]) А. И. I. № 49.
[2]) С. Г. Г. и Д. I № 40
[3]) Коломинский. Торг солью на Руси в 16 и 17 в.в Киев. Унив. Изв. 1912, стр. 2.
[4]) Ипатовск. летоп. 163—64
[5]) Fraehn. Ibn Foczlan. 210.

сание немой торговли, без всяких прикрас и чудес, напоминающее рассказ Геродота о немой торговле в Ливии.

От немой торговли постепенно совершается переход к рыночной. Как этот переход происходит, известно из данных о неевропейских народах. В источниках наших, как и западноевропейских, сразу выступает рынок в законченном виде.

Рынок—торг [1]), торжище, торговище являлся тем местом, где в эту эпоху производился обмен и где он только и мог совершаться. В «Русской Правде» читаем: «пакы ли что будеть татебное купил в торгу, или конь или порт или скотину, то введет свободна мужа два или мытника» [2]). Речь идет о куплепродаже краденых вещей, совершенной на торгу; купивший указывает на продавца и показание его подтверждается двумя свидетелями или мытником—сборщиком мыта, необходимой принадлежности всякого рынка. О значении торга свидетельствуют и другие статьи «Русской Правды»—«оже челядин крыется, а закличють и с торгу» [3]),—о бежавшем холопе об'является на торгу, публично. Такая «заповедь», «закличь» на торгу первое и необходимое условие для вчинения иска о пропавшей вещи. Торг, следовательно, посещаемое всем населением место, где всякое об'явление широко распространяется. Поэтому-то в другой статье говорится: «аще кто конь погубить или оружие или портно, а заповедаеть на торгоу, а последи познаеть в своем граде, свое емоу лицем взяти» [4]). Если хозяин пропавшего коня или платья (как и бежавшего челядина) об'явит о пропаже на торгу, предполагается, что это должно стать известным по всему городу (в другом списке: по всему миру—«а познаеть в своемь мирoу») в продолжение трех дней («а за три дня нь выведуть его»—ст. 27). Человек, к которому пристал бежавший челядин или который поймал ушедшего коня, или нашел оружие или платье, узнавши об об"явлении на торгу, обязан вернуть эту вещь. Исходят из того, что в своем городе, в своем миру об'явление, сделанное на торгу становится известным всем и всякому в трехдневный срок [5]). На торгу собиралось и вече—в 1068 году «людье Киевстии прибегоша Кыеву и створиша вече на торговищи» [6]).

Таким образом на рынке в древней Руси (как это было и в других странах) не только происходит товарообмен, но со-

---

[1]) Слово «торг» одни считают шведского, другие—финского происхождения (Иконников. II. 602, прим. 5).

[2]) «Русская Правда». Карамзинск. спис., ст. 33 (о татьбе).

[3]) Там же, ст 27 (о челядине). Тоже в Синодальн. списке («о челядех»). Ср. А. А. Э. I. № 82: «И в торгу есмь им велел кликати из заповеди, из двух рублев, чтоб на Присеки не ездили».

[4]) Рус. Прав., ст. 27 (о челядине). Тоже в Синодальн. списке («о челядех»). оже кто всядеть на чужь конь.

[5]) Владимирский-Буданов. Христ. Выш. I. 1899. Стр. 46. Прим. 40.

[6]) Лавр. лет. 114.

вершаются и народные собрания, сообщаются все важные сведения (в том числе и распоряжения князя закликались на торгу), узнаются новости, рынок является центральным местом города.

Но это были рынки местные, базары, обслуживавшие, повидимому, очень незначительный район. На это указывает ст. 36 «Русской Правды», которая является продолжением упомянутых, трактующих о купле краденого на торгу. Она гласит: «а ис своего города в чюже землю извода нет», т. е. вся процедура относительно краденого (указание каждым предыдущего продавца) заканчивается на границах своей земли, земли, принадлежащей городу, в область другого города она не может переходить. «Очевидно—поясняет Н. А. Рожков—такая продажа в чужую область признавалась невероятною, вследствие крайней затруднительности и чрезвычайной редкости торговых сношений между отдельными городами и рынками» [1]). Имеются, очевидно, отдельные, изолированные друг от друга, замкнутые в хозяйственном отношении районы.

Относительно Киева известно из летописи, что в 1069 г. «Изяслав изна торг на гору», что там имелся (в 1147 г.) Бабин торжок и торговище на Подолье; по словам Дитмара Мерзебургского, в нем насчитывалось свыше 40 церквей и 8 рынков [2]). В Новгороде торг занимал обширное место и подразделялся на ряды, сообразно роду продаваемых товаров или происхождению сидевших в лавках купцов. Находим, напр., Вощный ряд (Вощник), где торговали воском, Большой ряд и др.; в «Русской Правде» читаем: «тысяцьскому до вощник, от вощник посадникоу до великого ряду, от великого ряда князя (князю) до Неметью вымога» (Немецкого вымола) [3]).

В 1097 г. упоминается торговище в Воздвиженске, в 1114 г. Мстислав Владимирович построил «церковь камяну святого Никола, на княже дворе, у торговища, Новегороде», а в 1218 г. Константин Всеволодович заложил церковь каменную на торговище во Владимире (Залесском); в 1234 г. литовцы захватили Русу до самого торга («изгониша Литва Русу и до торгу») [4]). Характерна эта связь торга с церковью, церковная площадь есть в то же время и рынок, как это было и в Западной Европе. И там торговля сосредоточивалась на церковных и монастырских площадях, у древних греков и у народов древнего Востока она совершалась в самых храмах. Впрочем, и на Западе в средние века дело

---

[1]) Рожков. Обзор русск. истории. I. 2 изд 1905. Стр. 25—26.
[2]) Ипат. лет. 122, 249. Летоп. Лаврент. 169. Ditmar-Chron. 462.
[3]) «Русская Правда». Карамз. 134.
[4]) Лавр. летоп. 251, 419, 486.

не ограничивалось одной торговлей на площади перед храмом, а производился торг в самом храме и имелись специальные «рыночные» церкви, «торговые» церкви, где он происходил [1]). Храм и площадь перед храмом были теми нейтральными местами, где только и мог совершаться товарообмен, где прекращалась вражда и совершался торг под охраной божества. Точно также на Руси «самое устройство церквей приспособлено было к торговым целям: в подвале сохранялся товар, в притворе он взвешивался» [2]). По поводу нападения Рюрика с Ольговичами и половцами на Киев в 1202 г. читаем: «а что гости иноземныи всякого языки, затворишася в церквах и вдаша им живот, а товары с ними разделиша наполы» [3]). А во время великого пожара в Новгороде в 1340 г. «злии чловеци» грабили товары не только своеи братьи крестьян... а иных над своим товаром побиша», но и в церквах. Так, в церкви 40 святых они «запершеся в церкви и товар весь разграбиша». А в церкви св. Богородицы «в торгу, а церковь вся погоре... а товарь весь пограбиша» [4]). Складами товаров являлись—как увидим ниже—и немецкая церковь св. Петра в Новгороде, немецкая церковь в Полоцке, русская церковь св. Николая в Риге и т. д.

Погост имел значение рынка: гостьба—торговля. Но погост означал и место, где находится церковь; а так как в последнеи хоронили и покойников, то и кладбище. Рынок и церковь совпадают. Новгородские купцы в разных местах ставят храмы, которые им, очевидно, нужны были для торговых целей. В 1364 г. «поставиши в Торжку церковь камену... а замышлением богобоязнивых купець Новгородскых» в 1403 г. «поставиша купцы новгородские, прасолы, в Руси церковь камену» [5]).

Связь духовенства с торговлей обнаруживалась и в ином направлении—духовные лица сами же и торговали и давали деньги в рост. «Если поп не перестанет давать в рост, скажи, что ему не достойно служить»,—отвечает еп. Нифонт на вопросы Кирика (в пол. XII ст.) [6]). «А которые игумены или попы или черници торговали преж сего или серебро давали в резы (в рост), а того бы от сех мест не было»,—говорит митр. Фотий в своем послании новгородцы (1410 г.) [7]). В другом своем послании псковскому духовенству он же напоминает правило св. апостолов: аще епископ, поп или диакон дал кому в заем сребро

---

[1]) См. мои Лекции по истор. эконом. быта Западн. Европы. 6-е изд 1922, Ч. I. Стр. 75.
[2]) Аристов. Промышл. 207.
[3]) Перв. Новгор 1202 г.
[4]) Там же 1340 г. Четв Новг., 269 (П С. Р Л IV, 1).
[5]) П. С. Р. Л. Ш. 88. 102.
[6]) Памятн. Российск. Слов XII в., 90 сл.
[7]) А. А. Э I. № 369.

или злато и лихву емля или престанет или да изверженется» [1]) В Новгороде и сам владыка вступает в торговые сношения с иноземными купцами, сбывая немцам, через посредство других лиц, преимущественно произведения церковных земель [2]) Находилось это в связи с тем, что в Новгороде «особенно значительным сосредоточением земельной собственности отличалась церковь, а именно владычная кафедра и монастыри. Как мы увидим ниже, монастыри имели своих «купчин» и есть основание предполагать, что последние занимались не только сбытом произведений монастырских вотчин, но и закупкой товаров для перепродажи. Этому вполне соответствует то, что мы находим на Западе в то же время: папа римский, патриарх венецианский, капитулы, монастыри, монашеские ордена, духовенство всех степеней занимаются торговлей [3]). Еще более занимались торговыми операциями князья. Как мы видели, киевские князья сбывали в Грецию произведения, добываемые ими в качестве дани. И впоследствии получаемые ими дани, виры, обрски наполняли их амбары, что вызывало сбыт накоплявшихся запасов в другие княжества. «Сообразно с характером времени, новгородские князья—говорит А. И. Никитский—были не только правителями, но и купцами, которые вели на свой страх торговые обороты». Первоначально князь имел свой двор, где происходил обмен принадлежавших ему продуктов, в особенности произведений его земель, на иноземные товары, позже новгородцы, опасаясь соперничества князя в торговле с немцами, потребовали (в договоре 1270 г.), чтобы князь не имел никакого непосредственного отношения к немецкому двору и торговал бы в нем не иначе, как через посредство новгородцев: «а в Немецьском дворе тобе торговати нашею братиею» [4]). Это постановление повторяется и в следующих договорах новгородцев с князьями [5]). С торговою деятельностью новгородского князя последних можно было бы сопоставить торговые операции, которые в эту эпоху производил на Западе имп. Фридрих II Гогенштауфен, английские короли, герцоги неаполитанские, французская королева Мария Анжуйская и многие другие коронованные особы [6]).

Товарообмен таких областей, как Киевская или Новгородская, выходил далеко за пределы местного оборота. Если можно

[1]) А. И. I. № 22.

[2]) Аристов. 208. 217. Winckler. Die deutsche Hansa in Russland, p. 10 Никитский. Экономич. быт Велик. Новгорода. 1893. Стр. 39 94. Его же Отношение новгородского владыки к немецким купцам. Ж. М. Н. П. 1883. VII.

[3]) См. мое сочин. Warenhändler und Geldausleiher im Mittelalter. Zeitschr. fur Volkswirtschaft. Sozialpol. etc. 1908.

[4]) Сб Г. Г. и Д I. № 3.

[5]) Там же. №№ 6, 7, 8, 9, 14, 15 и др.

[6]) См. мои Лекции по истор. экон. быта Западн. Европы. 6 изд. I. 182.

судить на основании упоминания о тех или других национальностях, пребывающих в Киеве, о его торговле,—что еще не доказано,—то придется признать, что киевляне вели торговлю с греками, евреями, армянами, моравами и другими народами. Летопись уже под 898 г. называет евреев, греков и латинов. В 1174 г. среди «всех кыян» перечислены «игумены и попы, и черньце и чернице, латину и госте». В 986 г. встречаются немцы, в 1075 г. к Святославу приходят послы немецкие. В Киеве имелись (1146, 1151 и 1156 г.г.) ворота жидовские, ляцкие и угорские. В «Слове о полку Игореве» встречаются «немци, венедици, греци и морави»,—все они «поют славу Святославлю» [1]) [2]). Современники удивлялись обширности и величию Киева: он больше Булгара; в нем свыше 40 церквей и 8 рынков. Его называют «лучшим украшением Руси», «соперником самого Константинополя». Впрочем, это свидетельствует, главным образом, о том, что Киев выделялся из прочих поселений того времени.

Раффельштеттский устав (в Моравии) о таможенных сборах начала X ст., устанавливает следующее: «Славяне, приезжающие из Ругии или из Богемии для торговли, могут торговать везде по берегу Дуная и по бассейну р. Роталы, с тем однако ж, чтобы они платили за лошадь, навьюченную воском, по 2 мерки, из которой каждая ценится в 1 скотец, а с поклажи воску на одном человеке по 1 мерке. Если же хотят продать рабов или лошадей, то они должны платить за рабыню, равно как и за жеребца по тремисе, за раба же, как и за кобылу, по сайге» [3]). Они привозят, следовательно, воск, рабов, лошадей. Иностранные исследователи считают этих славян из Ругов славянами, приходящими из Руси [4]). На это указывает, повидимому, и то обстоятельство, что у летописцев того времени княгиня Ольга названа королевой Ругов. Епископ Адальберт, рассказывая о своем неудачном миссионерстве на Русь, именует русских ругами, и в грамоте, выданной ему, говорится, что он был первоначально назначен проповедником для Ругов [5]). Если это так, то во времена Олега русские купцы уже посещали средний Дунай. Подтверждается это предположение и сообщением арабского писателя X ст. Ал-Бекри о том, что «город Фрага

---

[1]) Ипат. лет. 15, 56, 139, 232, 296, 299, 393.

[2]) О евреях в Киеве, см. Гаркави в Труд. Вост отд. Русск. Археол. Общ. 1866., об армянах—Макарий. Ист. русск. церкви. II 298. Голубинский. Ист. русск. церкви I. 510; о латинянах (поляках, венграх)—Голубинский. II. 705. Грушевский. 19 Иконников. II, ч. 1, стр. 160, 163.

[3]) Pertz. Monum. Germ. Leges. I. 480. Тремисса=4 ден., сайга=1 ден.

[4]) Inama-Sternegg. Deut. Wirtschaftsgesch. I. Waitz. Deut. Verfassungsgesch. IV. 2. Aufl. p. 73.

[5]) Васильевский. Древняя торговля Киева с Регенсбургом. Ж. М Н. П. 1888. VII Стр. 8.

(Прага) есть богатейший из городов торговлею, приходят к нему, из города Краква Русы и славяне с товарами» [1]).

Как мы видим, и в торговле с придунайскими странами, как и с Византией (см. выше, стр. 40) наряду с воском и лошадьми упоминается и человеческий товар. Он является об'ектом товарообмена и впоследствии. В древнем описании чудес св. Николая (пол. XI ст.) говорится: «и вседа на конь, доеха до торгу, иде же рустии купцы приходяще челядь продают» [2]). Митр. Иоанн в конце XI ст. укоряет купцов, которые продают христиан-рабов [3]). В XII ст. Вениамин Тудельский видел русских купцов в Греции, причем говорит, что они ловят соболей и торгуют невольниками. Чехи, по его словам, продают своих сыновей и дочерей всем народам, там же, как и жители Руси [4]). Еще в XIII веке еп. Серапион в числе грехов, навлекших разные беды на Русскую землю, упоминает «братью свою ограбляем, убиваем, в погань продаем» [5]). В заявлении Риги, посланном витебскому князю Михаилу Константиновичу в самом конце XIII ст., сообщается о рижском купце, приехавшем в Витебск «девкы купити» [6]). Так что еще и в это время одним из об'ектов русского сбыта другим народам, об'ектом, повидимому весьма важным, являлась челядь, та самая, которую добывали князья во время междуусобий и которая, надо думать, и составляла главный побудительный мотив производимых ими разорений русской земли.

В. А. Васильевский указывает на то, что наряду с сношениями русских купцов через Краков с Прагою, в XI ст. уже установлено и встречное движение, путешествия западно-европейских купцов в Русь ради торговых целей через Польшу («Польша,—говорит польский летописец XII ст. Мартин Галл—известна была немногим, кроме отправляющихся в Россию ради торговли»), в особенности из важного торгового центра того времени—Регенсбурга на Дунае. Впрочем, данных о товарообмене между Киевом и Регенсбургом весьма немного. Есть только сообщения о поклонниках, отправляющихся в Русь, о нападении русских на подданных немецкого короля, хотя кто были эти подданные и где нападение произошло, неизвестно; имеется известие о том, что в Киеве проживал подданный монастыря св. Эммерама в Регенсбурге, который имел должников

---

[1]) Известия Ал-Бекри. I. 49.

[2]) Памятн. древн. письм. XXXIV. Ключевский Древне-русские жития святых, как исторический источник, стр. 217. Иконников. Опыт. Истор. II, I. Стр. 151.

[3]) Русские достопамятн. III. 206.

[4]) Три еврейск. путешеств. XI—XII вв., изд. Марголина. 1881. Стр. 146, 260, 416.

[5]) Покровский. Русс. ист. I. 63

[6]) Русс.-лив акты № XLIX.

среди жителей Регенсбурга, но утверждение, что эти долги были коммерческого характера, являясь результатом вывоза им товаров из Киева в Регенсбург, ни на чем не основано. Более доказательно то, что в грамоте для г. Энпса на Дунае, данной купцам Регенсбурга в конце XII ст., упоминается о повозках, идущих в Русь или из Руси, которые платят 16 динар пошлины, и о «рузариях», напоминающих «гречников» русской летописи, т.-е. являющихся людьми, которые торгуют с Русью [1]).

Есть сведения и о торговых сношениях между отдельными русскими областями, о внутренней торговле, как ошибочно называют этот товарообмен, ибо для того времени, когда не было единого государства, а каждое удельное княжество представляло нечто самостоятельное, это была такая же внешняя торговля, как и обмен с греками, литовцами или немцами. Не даром в «Русской Правде», при взыскании долга, гость из иного города сравнен с чужеземцем (Карамз. 69). «Следовательно, город и его округ—говорит Владимирский-Буданов—составляют государство в юридическом смысле» [2]), как и замкнутый самостоятельный район—прибавим—в экономическом отношении.

В Киев возили соль из Галича и Перемышля: «не пустиша купцов к Киеву из Галича и Перемышля и не бысть соли во всей Российской земли». Из суздальской и рязанской области шел путь в Киев на Курск, где преп. Феодосии «обретше купце гредуще с возы и вопроси ее—камо грядете? Они же реше: в Киев град». И новгородцы бывали в Киеве, хотя в сообщении летописи за 1161 г., что Ростислав в Киеве «повеле изоимати новгородци и уметати у Пересеченьский погреб и в одну ночь умре их 14 мужи», ничего не говорится о купцах новгородских [3]).

Напротив, мы имеем несомненные сведения о торговле новгородцев с Тверью. В договоре 1365 г. говорится: «а гостем и торговцем Новагорода Великого и Торжку и с пригородей дати ти путь чист без рубежа сквозе Тферь и Тферскии волости» [4]). Новгородцы ведут торговлю и с другими областями—черниговской, суздальской. В 1224 г., по словам летописи (Новг. первой), черниговский князь заявляет новгородцам: «гость ко мне пускайте, а яко земля ваша, тако земля моя». Как сообщает Троицкая летопись под 1216 г., в Переяславле Ярослав «изыма новгородци и смоляне, иже бяху зашли гостьбой в землю его повеле в погреба вметати их, что есть новогородцев, а иных в гриднищу... а иных повеле затворить в тесне избе и издуши их полтораста, а смолнян 15 мужь затвориша кроме, те же быша вси живи».

---

[1]) Васильевский, стр. 13 сл.
[2]) Владимирский-Буданов. Христ I. 59 Прим.
[3]) Ипат. лет. 350 Карамзин. II. Прим 208 Арцстов. 175.
[4]) С Г. Г и Д. I. № 28 См также № 17.

Здесь насчитывается целых 150 новгородцев и 15 смольнян в Переяславле. Новгородцы выхлопотали себе и ярлык у ханов, предоставлявший им право свободно торговать в Суздальской земле (1270 г.): «а гостю нашему гостити по Суждалской земли без рубежа, по цареви грамоте» [1]). В свою очередь, в договоре 1327 г. постановлено: «суждальскому гостю гостити в Новгород без рубежа бес пакости [2]). Наконец,—как мы видели (см. стр. 130) — новгородские купцы торговали в Торжке и Русе, где поставили храмы.

Из договорных грамот Новгорода с тверскими князьями 1270, 1305 и 1327 г.г. можно усмотреть, что новгородцы вывозили в Тверь и Суздальскую область хмель и лен: «от воза имати по две векше, и от лодьи и от хмельна короба и от льняна» [3]). Напротив, Новгород, страдавший от недостатка хлеба, получал оттуда и из других областей, Смоленской, Полоцкой, Киевской зерно Когда происходили междуусобия и подвоз хлеба прекращался, цены в Новгороде сильно возростали и наступал голод [4]). Так, под 1137 г. летопись (Перв. Новгор.) сообщает, что у Новгорода: «не бе мира ни с Суждальци, ни с Смольняны, ни с Полоцяны, ни с Кыяны и стоя все лето осминка великая по 7 резань». В 1141 г. Новгород опять сидел без хлеба, ибо из-за «розмирья» к нему не пускали подвоза: «ли жито к ним не идяше, ни отколе же» (Ипат.). За 1170 г. летопись (Перв. Новг., Ипат.) вновь отмечает, что был голод. так как Андрей Боголюбский не пускал хлеба в Новгород: «купляху кадь ржи по 4 гривне». Еще хуже было положение Новгорода в 1215 г., когда мороз уничтожил посевы в Новгородской области, а Ярослав не пропускал (в Торжке) в Новгород ни воза хлеба из Низовых земель, с Оки и Волги. Люди— рассказывает летописец,—ели сосновую кору и мох, трупы валялись по улицам, родители продавали детей в рабство; кадь ржи дошла до 10 гривен.

Двинские купцы везут соль в Устюг и Вологду, но ездят и в Московское княжество, где свободны от всяких пошлин, как видно из Уставной Двинской грамоты 1398 г. «А гостю двинскому гостити в ладьях или на возех; с лодии на Устюзе наместником два пуза соли, а с воза две белки... а на Вологде дадут с людии два пуза соли, а с воза по белке... А куды поедут двиняне торговати, ино им ненадобе во всей моей отчине в великом княженнии тамга, ни мыт, ни костки. (подушный сбор

---

[1]) С. Г. Г. и Д. I. №№ 3, 6.
[2]) Там же I. № 15
[3]) Там же. I. №№ 3, 6
[4]) Голода и неурожаи в Новгороде были по летописным известиям, 6 раз в XII в., 8 раз в XIII в., 3 раза в XIV. В половине XV ст голод продолжался десять лет и заставил жителей бежать в Литву, в западные страны, к татарам. (Иконников. II. 606).

с торговца) ни гостиное, ни явка, ни иные некоторые пошлины» [1]).

В XIV ст. устанавливаются и торговые сношения между Москвой и другими княжествами. Об этом свидетельствуют договорные грамоты Москвы с Тверью и Рязанью (1381, 1398, 1402 г.г.). «А меж нас людем нашим и гостем путь чист, без рубежа, а новых ти мытов не замышляти, а на старых ти мытех имати с воза по мортке обеушной, а костки мортка» [2]). Описывая нашествие Тохтамыша на Москву в 1382 г., летопись также сообщает, что в это время в Москве были купцы из других городов [3]).

Для XV ст. мы имеем значительно больше данных о товарообмене между различными местностями России, но они относятся, главным образом, к торговле крупных монастырей. Среди последних уже в то время выделялись Троице-Сергиев и Кирилло-Белозерский монастыри не только по своему земельному богатству и обилию вкладов, но и по своим торговым оборотам. Так, из Новгородской грамоты Троице-Сергиеву монастырю пол. XV ст. (1448—54 г.г.) видно, что они посылают «на Двину зиме на возех, а лете на одиннадцати лодьях, старцев или мирян». С них не взимается пошлин, «продадут ли что где, купят ли, на Вологде, или Двиною, да и на Колмогорах и в Неноксе». «А вы, бояре двинские, и житии люди и купци—обращается к ним Новгород—бороните купчину Сергеева монастыря». Кто «изобидит купчину .. или его кормников, или осначев», плотит высокий штраф Новгороду [4]). Согласно грамоте Ивана III тому же монастырю (ок. 1465 г.), «суды монастырские ходят торговлею, два павозка (судна) ходят на реку на Угру по соль, а два павозка ходят у них на Белоозеро по рыбу» [5]). А в то же время великий князь Тверской (тоже ок. 1465 г.) разрешает монастырю беспошлинный проезд «коли с их солью ходит павозок с подвозками сквозе мою отчину, великое княжение, по Волзе», или если они «шлют своих купчин» через Тверское княжество в Новгород. «лете на павозке с подвозком (водою), а зиме на сте возех» [6]). Троице-Сергиев монастырь, следовательно, ведет торговлю и на севере, в Вологде, Холмогорах, на Неноксе, и на Угре, и по Волге, и в Новгороде, торгует солью и рыбой, и «каким товаром нибудь».

Торговая деятельность Кирилло-Белозерского монастыря была в XV веке значительно меньше. Она расширилась лишь в следующем столетии. Однако, и этот северный монастырь, со-

---

[1]) А. А. Э. I. № 13. О пошлинах см. стр. 137 сл
[2]) А. А. Э. I. № 14 Сб. Г. Г. и Д I №№ 32, 36.
[3]) П. С. Р. Л. VI 99.
[4]) А. А. Э. I. №№ 42. 104.
[5]) Там же. I №№ 77 117.
[6]) Там же I № 78 Ср. №№ 146. 148.

гласно жалованной грамоте тверского князя Михаила Борисовича, пользуется привилегией, согласно которой, «на игуменове купчине, и на его людех, и на его наймитех, с тех трех подвозков... мыта и тамги и иных никоторых пошлин не емлют»[1]). Череповскому Белозерскому монастырю предоставлено даже право взимания торговых пошлина на Белоозере с лодок, приезжающих с житом и «с каким товаром нибуди» [2]).

Нужно, однако, оговориться. Хотя мы и говорим здесь о торговой деятельности монастырей и в самых источниках употребляется выражение «торговля», тем не менее у нас нет уверенности в том, что именно о ней идет речь—о сбыте приобретенных с целью перепродажи товаров. Возможно, что в приведенных случаях монастыри только продают свои произведения и взамен их приобретают нужные им предметы, хотя, конечно, такого рода операции легко могли обратиться и в торговлю в тесном смысле. На Белоозере же, несомненно, производилась торговая деятельность (грам. 1488 г.): сюда «гости приходят из Московские земли, из Тверские, из Новгородские... с Устюга и с Вологды» и торгуют «житом и всяким товаром», но только в г. Белоозере и в волости Углы, тогда как за озеро по волостям и по монастырям «им всем торговати не ездити» [3]). Еще большее значение имела, повидимому, ярмарка у Холопьего городка в устье Мологи на лугу перед стоявшей там церковью. «На устии славные Мологи реки древле быти торги великие; даже во днии грозного господаря Василия Васильевича Темного... сребро с торгов тех в пошлинах сбирали и весили». Пишущий это в конце XVII века сообщает на основании дошедших до него рассказов о блестящей ярмарке, однако, он, повидимому, сильно преувеличивает, когда утверждает, что «торговали без раз'ездов по 4 месяцы все купцы и гости», причем среди последних перечисляет немцев, поляков, литовцев, греков, персов и даже итальянцев; оборот, по его словам, был так велик, что собирали «сребра пошлинного пудового по 180 пуд.». В доказательство господствовавшего на ярмарке оживления, он приводит и то, что «тогда же на Мологе 70 кабаков винных и питий всяких было» [4]).

Во всяком случае, в этих ярмарках, как и в местных рыночных торгах выражалась, главным образом, торговля того времени.

В приведенных источниках многократно упоминаются пошлины проездные и торговые и из'ятия от них, установленные в особ. в пользу монастырей.

«Пошлина» означает в сущности обычный, установившийся издавна сбор, следовательно, законный, в противоположность новым, произвольно

---

[1]) А. А. Э. I. № 116.
[2]) Там же I. № 100
[3]) Там же. I. № 121. Ср № 134
[4]) Карамзин. IV. Прим 323

введенным, не указанным обычаем сборам. «Новгород ти держати в старине по пошлине» (грам. 1265 г.) [1]); «что пошло тобе и твоим мужем, то твое», «дают с погостов корм и подводы по пошлине» (грам. конца XIII ст.) [2]), «села (или люди) пошлые (т.-е. старинные) монастырскии» «дорога пошлая; [3]) село дается «со всеми пошлинами», т.-е. со сборами (в частности судебными) всякого рода (грам. конца XIV ст.) «Держать мыт на пошлом месте», мытчики «ставятся на пошлом стану на старом», а не в ином месте [5]). «Мыты ны держати давныи пошлыи, а не пошлых мытов и пошлин не замышляти» (грам. 1381 г.) [6]). Здесь речь идет уже о проездных сборах, которые мы включаем в понятие таможенных пошлин — о мытах, они же названы и пошлинами; но в то же время слово «пошлина» употреблено и в смысле прилагательного к мытам («пошлые и непошлые мыты») и даже к пошлинам — «непошлыи пошлины»; пошлина, следовательно, имеет двоякий смысл — старый и новый, и старины и (отсюда) установившихся издавна проездных (таможенных) сборов. В грам. 1368 г. читаем: «пошлины имати по старой пошлине» [7]). В другом случае понятие «пошлых» мытов (или пошлин) пояснено точнее: мыты «старые пошлыи, которые были при наших дедех и при наших дядях» (грам. 1402 г.) [8]). Или пошлина в первом смысле заменена словом «старина». «имати гостиное и мыт по старине» [9]). Но появляется и видовое название «торговая пошлина», составляющее один из видов пошлины вообще, в отличие от прочих сборов разного рода, в том числе и иных пошлин. «не надобе дань впрок, ни явки, ни торговая пошлина, ни посоха, никоторая пошлина» (грам. втор. пол. XIV ст.) [10]).

Мыт, повидимому, составляет один из наиболее старинных видов проездных и рыночных сборов.

Мыт (лат. muta, нем. Mauth) встречается уже рано (мытник в «Русской Правде») на рынке [11]), но мытники стоят и на проезжих дорогах у затвора или заставы («а проедет мыт, мытника у завора не будет»); в случае неуплаты мыта («объедет мыт»), грозит штраф («заповедь») — промыт («а кто промытится ино с воза промыти — по штидесят» [12]).

В договорах Новгорода с князьями (начиная с 1263 г.) мыт определяется сообразно средствам транспорта (перевозки и переноски това-

---

[1]) С. Г. Г. и Д. I № 1 и сл.
[2]) А. А. Э. I. № 1.
[3]) Там же. I. №№ 9, 17, 24. См. выше, стр. 101.
[4]) А. И. I. № 2.
[5]) А. И. I. №№ 25, 70.
[6]) С. Г. Г. и Д. I. № 32
[7]) Там-же. I. № 28.
[8]) Там-же. I. № 36.
[9]) Там-же. I. № 18.
[10]) А. А. Э. I. № 7.
[11]) См. выше, стр. 128.
[12]) А. А. Э. I. № 14. С. Г. Г. и Д. I. № 76.

ров): «от воза имати по 2 векши и от лодье и от хмельна короба и от льняна» [1]).

Но рано встречаются и другие проездные сборы: в грамоте 1150 г. упомянут наряду с мытом и перевоз («перевоза 4 гривны») [2]). т.-е. сбор при переправе через реки, далее находим (напр. в грам. втор. пол. XIV ст. также наряду с мытом) побережье с судов («рязанское мыто и побережное», передаваемое Ольгову монастырю) [3]) мостовщину (за проезд по мосту) [4]), наконец, костки (коски, кости). взимаемые не с товара, а с человека, сопровождающего его («мыт да коски»): «а на старех ти мытех имати с воза по мортке обеушной, а костки с человека мортка» [5]).

В грамотах встречаем и иные сборы — торговые. Перечисляются напр. «дани», от которых из'ят монастырь: «не надобе» «ни тамга, ни мыт, ни костки, ни восьмничее, ни весчее» или «ни мыт, ни костки. ни помер, ни весчее», или «тамги, ни мыт, ни костки, ни гостиное, ни явка», иногда прибавлено еще «пятно» («пятенщики коней у них ни иные животины не пятнят») [6]). Одни из них взимались при измерении или взвешиваньи товаров (помер или померное и весчее, именуемое также вес вощаной или пуд вощаной), другие при наложении клейма на лошадей (пятно), при помещении товара в гостинном дворе (гостиное), при предъявлении его таможеникам (явка — «таможником моим не являют») [7]), наконец, при самой продаже товара — тамга и осьмничее

Наиболее важным, но и позже всех появившимся из этих сборов была, повидимому, тамга, заимствованная у татар, а быть может, установленная впервые ими. Самое слово татарское и обозначает печать клеймо, накладываемое на товар (от «тамги» происходит «таможня» и «таможенные пошлины»). Она (и осьмничее) взималась — в отличие от большинства других сборов — в известном проценте с цены товара при продаже его или при привозе на рынок: («а тамгы и осминичего от рубля алтын», т.-е. 3 проц.), тогда как при отутствии сделок не полагалась («а поедет мимо знает мыт да коски, а боле того пошлин нет») [8]). О тамге упоминается в ханских ярлыках и в духовных, — Иван Калита (1328 г.) и его преемники делят тамгу («также и мыты») между сыновьями: «а тамгою (и иными волостми городскими) подялятся сынове мои»), «а кто будет старейший, тому полтамги, а молодшим двум полтамги». Но часть поступлений отдается и монастырям: «а ис тамги... дал есмь четвертую часть к святей Богородици [12]).

---

[1]) С. Г. Г. и Д. I. № 1 и сл.
[2]) Д. А. И. I № 4.
[3]) А. И. I. № 2.
[4]) С. Г. Г. и Д. II № 7.
[5]) А. А. Э. I. №№ 13, 14. С. Г. Г. и Д. I №№ 25, 76.
[6]) См. напр. А. А. Э. I. №№ 13. 19. 21, 23, 28
[7]) Там-же. I. № 15.
[8]) А. А. Э. I. №№ 13, 14.
[9]) С Г Г. и Д. I. №№ 21, 22, 23, 25, 30, 34, 38

II.

В древнейшую эпоху деньги обозначались словом «скот», откуда и название «скотницы», в которой хранятся «куны»: Владимир св. велел раздавать бедным «от скотниц кунами». Согласно летописи (Ипат.), Ярослав в 1018 г. «начаша скот брати, от мужа по 4 куны, а от старосте по 10 гривен, а от бояр по 18 гривен; приведоша варягы и вьдаша им скот». Есть поэтому основание предполагать, что древнейшими деньгами на Руси был скот, как это имело место и во многих других странах. Скот в смысле денег употребляется не только в древнейшем списке «Русской Правды» (Акад. 15, 17), где говорится «скотом ему заплатити», но и в пространной редакции: «а озе кто скота взыщеть» (Синодальн.); за этим названием отдела следует название статьи: «а оже кто взищеть коун», так что «скот» и «куны» равнозначущи». «Оже имати скот варягоу на русине или русину на варязе... то 12 мужь послухы»—читаем еще и в договоре Новгорода с немцами конца XII ст. [1]). На роль скота в качестве денег указывает и сохранившийся еще долго впоследствии обычай давать при покупке к монете в придачу скот: «а пополнка овцу», «а пополнка корову», даже в грамотах XVI и XVII ст. встречается: «пополнка меринец рыж», «конь бур», «мерин саврас», овца, коза, «жеребя» и т. д. [2]).

Однако, из приведенного видно, что наряду со скотом деньгами являются и куны. куницы, т.-е. меха; мехами—как мы видели—первоначально брали дань, делали подарки и т. д. Как товар, имеющий верный сбыт—говорит Аристов—меха ходили как деньги, мехами брали штрафы, платили за проезд и пошлины торговые, за сорокоуст священникам; даже в церковь принос делали «веверицами» (белками) [3]). Главной денежной единицей являлась гривна кун (мех куницы). Наряду с ней в качестве меньшей единицы фигурировала бела (белка, векша, веверица), а также части мехов (откуда и названия): «резана, ногата, мордки, лобки».

Эти названия встречаются не только в «Русской Правде», но и в более поздних памятниках. В Новгородской (первой) летописи под 1137 г. упоминается, что «стоя все лето осминка великая (ржи) по 7 резань». В договорах Новгорода с князьями в течение двух веков (начиная с 1265 г. и вплоть до 1471 г.) повторяется каждый раз: «а то, княже, имати по две векши от лодье и от воза, и от лну и от хмелна короба» [4]). В договорной

---

[1]) Русско-Ливонские Акты, изд. Напьерским. № 1

[2]) См. напр. Обозр. Грам. Кол. Эконом., изд. Шумаковым. Вып III, ч. I. Купчие по Дмитровскому уезду. Стр. 42 сл.

[3]) Аристов. 146.

[4]) С. Г. Г. и Д. I. №№ 1, 2, 3, 6, 8, 9, 10, 15, 20.

грамоте конца XIV ст. читаем: «а на старех ти мытех имати с воза по мортке обеушной, а костки с человека мортка, а поедет на версе с торговлею, ино мортка же» [1]). Согласно Двинской уставной грамоте, пошлина устанавливается «с лодии на Устюзе наместником два пуза соли, а с воза две белки» [2]).

Кунный счет был широко распространен в древней Руси и «куны» обозначали деньги. Однако, еще в 40-х годах Каченовский, за которым последовали и другие авторы, усумнился в том, существовали ли вообще когда-либо на Руси меховые деньги, утверждая, что куны, как и резаны, мордки и т. д., являлись в действительности ничем иным, как названием металлических денег [3]). Это возражение однако может считаться опровергнутым с тех пор, как В. К. Трутовским были найдены и изданы миниатюры из рукописей XVI века, на которых изображены части мехов. Здесь изображен переход новгородцев от кунной системы к чеканке монеты, видны куны, которые новгородцы «отложили», заменили монетой [4]).

Из этого, конечно, еще не следует, что все древне-русские деньги, носящие названия мехов, действительно были мехами. В позднейшее время, повидимому, этими названиями обозначались металлические деньги [5]). Последние—как вы видели—(см. стр. 26)—появляются уже в древнейшую эпоху, при Владимире св., при котором находим не только иностранную монету, но и русскую, чеканенную Владимиром по арабской системе в виде серебренников. Серебряных монет сохранилось большое количество, тогда как золотые составляли, повидимому, редкое исключение и едва ли имелись в обращении [6]).

Однако, собственная чеканка монеты на Руси вскоре прекращается. Для XII, XIII и большей части XIV ст. никаких данных о чеканке нет, монет этого времени не найдено. Пользовались, очевидно, наряду с меховыми деньгами слитками или иностранной монетой. Серебро, как в эту эпоху, так и впоследствии привозилось из-за границы; на Руси оно не добывалось. Исключение составляли только новгородские деньги: летопись (Перв. Новг.) упоминает под 1193 г. о серебре зауральской Югры, а под 1332 г. о том, что Иван Калита «взверже гнев на Новгород, прося оу них сребра Закамьское». Это серебро, добы-

---

[1]) А. А Э I. № 14.

[2]) Там же. I. № 13.

[3]) Каченовский. Рассуждение о кожаных деньгах. 1849. Прозоровский. Монета и вес в России до конца XVIII в. 1865.

[4]) Трутовский. Русские меховые ценности и техника чеканки монет на миниатюрах XVI ст. 1911.

[5]) См. Сятловский. Примитивно-торг. государство, как форма быта. 1914. Стр. 67. 84 сл. 92. См. там же разбор различных теорий о кунных деньгах. Стр. 63 сл.

[6]) Граф Н. Н. Толстой. Древнейшие русск. монеты Великого княж. Киевского. 1882.

вымое новгородцами «за камнем», т.-е. за Уралом [1]), являлось, повидимому, одной из причин вражды к нему со стороны Москвы, желавшей захватить его богатства. Однако, и Новгород, главным образом, получал серебро и серебряную монету от немецких купцов; в целях поощрения этого привоза он освобождал привозимое серебро от весовых сборов, которым подлежали все прочие товары. Напротив, Ганза делала попытки запретить вывоз серебра (в 1373, 1388 г.г.), но прусские города возражали против этого постановления и отказывались подчиниться ему [2]).

Наибольшее количество иностранной монеты получилось в XII—XV ст. от татар и только с конца XIV ст. усиливается прилив ее и с запада. С этого времени возобновляется и самостоятельная чеканка русской монеты в лице Дмитрия Донского. Перечеканивая татарскую монету-деньгу, он заимствовал и самое название ее, как понятное населению, и татарский денежный счет, привычный для всех и общеупотребительный. Из двух татарских денег чеканилось 3 русские и 216 русских денег равнялись рублевой гривенке или рублю. Рублевая гривенка заменила собой прежнюю гривну (см. стр. 26), старинную денежную и весовую единицу, и также являлась одновременно и той и другой. Подобно тому, как на Западе ливр (либра), который также являлся и денежной и весовой единицей, оказавшись слишком крупной единицей, с XI ст. заменяется более мелкой маркой пфеннигов (равной двум третям и даже половине ливра), носившей тот-же архаический характер двойственности (монета и вес), так и у нас гривна уступает место сокращенной (на половину) гривенке (уменьшенное название гривны), или точнее рублевой гривенке, которая начинает именоваться рублем. При этом название гривенки однако не исчезает; как единица веса, она сохраняется и встречается еще и в последующие столетия, тогда как денежной (и только денежной) единицей становится рубль, так что происходит раздвоение денежной и весовой единицы [3]).

III.

Как мы видели выше (стр. 40—41), Ключевский придает большое значение торговле Киевской Руси, как в древнейшую эпоху, так и в последующий период вплоть до запустения ее и перенесения центра тяжести экономической жизни на се-

---

[1]) А не за Камой (такое ошибочное толкование существует), как подчеркивает Замысловский. Герберштейн и его историко-географические известия о России. 1884. Стр. 313.

[2]) Goetz. Deutsch-russ. Handelsgesch. des Mitt., p. 332.

[3]) Кауфман. Серебряный рубль в России. 12.

веро-запад; только там из городского населения «выбыл класс, преимущественно работавший торговым капиталом, тот класс, который состоял из промышленных обывателей больших волостных городов прежнего времени» [1]). Однако с этой точкой зрения—мы уже указывали на это (стр. 41)—едва ли можно согласиться. Приведенные в настоящей главе данные, нам думается, потверждают взгляд, что торговля затрагивала хозяйственную жизнь этой эпохи лишь на поверхности и что в XIII ст. в этом отношении существенной перемены не произошло.

Между тем, за Ключевским пошли и другие авторы. Так, Кельтуяла говорит об охотничье-торговом» периоде, продолжавшемся до половины XIII ст., [2]) у В. В. Святловского древняя Русь именуется «примитивно-торговым государством» [3]). «Благодаря развитию торговли, — говорит В. А. Бутенко,—Киевская Русь достигла процветания. Торговля приносила на Русь большие богатства, содействовала украшению житейской обстановки» [4]), но только—прибавим от себя—обстановки князей, но отнюдь не масс населения. По словам П. П. Мельгунова, «в эпоху Киевской Руси торговля сделалась потребностью общества, что видно из того высокого положения, которое начинают занимать представители торговли и промышленности во взглядах общества и закона... В сознании общества является убеждение, что торговля необходима, и князья русские сами идут «на протолчь» защитить караваны от диких степняков. Торговля настолько делается необходимой, что сам князь занимается ею, как выгодной операцией» [5]). Однако, то, что князья торгуют, еще ровно ничего не доказывает для развития торговли—у самых первобытных народов торговлей занимаются предводители племени, и они первоначально единственные торговцы среди племени. Торгуют они, как и русские князья, не из убеждения, что торговля необходима, а потому, что у них скопляется много излишних продуктов, полученных в качестве дани, оброков и т. д., как и по той причине, что приезжие торгобцы обращаются к ним, становятся под их покровительство, подносят им дары. Они являются посредниками между своим племенем и иноземными торговыми караванами. О том, что торговля нужна была населению, мы никаких данных не находим.

П. П. Н. Милюков считает возможным утверждать, что «на успехах внешней торговли основывался и кратковременный блеск киевского юга, который быстро обеднел и потерял политический вес, как только расстроилась эта торговля». Впрочем, он признает, что относительно важной роли иностранных купцов в киевской торговле у нас нет сведений—«мы можем об этом только догадываться» [6]).

---

1) Ключевский. I. 382, сл. 457.
2) Келтуяла. Курс ист. русск. лит. I. 2, стр. 68.
3) Святловский Примитивно-торговое государство. 1912
4) Бутенко. Краткий обзор истор рус. торг. 1911. Стр. 8.
5) Мельгунов. Очерки по истор. русск. торг. 1905. Стр. 51—52.
6) Милюков. Очерки по ист. русск. культуры Т. I, 6 изд 1909. Стр. 111—12.

М. В. Довнар-Запольский особенно настаивает на широте внутреннего обмена, и хотя он признает «крайнюю незначительность исторических известий и случайность этих известий», все же он утверждает, что «общее впечатление» создается в пользу значительных размеров внутреннего товарообмена, подкрепляя это указание тем, что «широкая внешняя торговля должна была вызывать товарообмен и внутри самой страны», хотя в ранние эпохи хозяйственного развития одно вовсе не связано с другим. А такие факты, как пользование мехами в качестве денег, как высокий процент и обращение должников в холопей, как монастыри и церкви в роли банков, свидетельствуют, напротив, о низком уровне торговли. Что же касается богатства, скоплявшегося у знатных людей, в виде драгоценных металлов, дорогих одеяний, коней и слуг, то из этого еще никакого вывода о размерах торговли нельзя делать; едва ли можно утверждать, что «такого рода блага могли накопляться лишь путем торга, промыслов» [1]).

Мы указывали в другом месте на слабое развитие торговли на Западе в раннее средневековье, до XI—XII ст., на что ссылается М. В. Довнар-Запольский. Но если мерять русскую торговлю этого времени на тот же аршин,—а не с точки зрения названного историка,—то условия и здесь получатся столь же примитивные, а вовсе не окажется, что «древне-русская жизнь была проникнута интересами торга, промысла», и что западно-европейские порядки «очень далеки от того, что мы встречаем на Руси даже в X веке». Местные рынки и пограничные торги междуплеменного характера мы находим и на Западе уже весьма рано, все условия рыночного торга подробно регулируются в раннее средневековье, появляются иноземные купцы, совершающие путешествия через всю Европу, вплоть до Константинополя. Монахи, епископы, короли принимают участие в торговле, рынки находятся в тесной связи с церквами и церковными празднествами, церкви являются первыми банками,—словом, все то, что мы наблюдаем на Руси [2]). Если же возьмем более позднюю эпоху XII—XV ст., которую М. В. Довнар-Запольский тоже имеет в виду, то найдем уже на Западе многочисленные торговые города, купеческие гильдии, купцов, совершающих значительные торговые обороты, вексель и многое другое, чего на Руси еще не было. Конечно, и у нас имелись в эту эпоху города и отдельные торговые центры, но их было несравненно меньше. В сущности, названия торговых центров заслуживают только Новгород, да Псков, Смоленск, Полоцк и еще несколько городов; к концу этого периода и Москва.

В эту более позднюю эпоху XIII—XV ст., которую надо отличать от предшествующего периода, обмен между различными областями, как мы видели выше, уже постепенно развивался. Однако, — по словам А. И. Никитского,—«было бы несправедливо представлять себе новгородское население в целом, как по преимуществу торговое. Напротив, подобно обрабатывающей промышленности, и торговля была развита в массе

---

[1]) Довнар-Запольский. 170, 183, 316 сл. 323—24, 331 сл.

[2]) См. мои Лекции по истор. экон. быта Зап. Европы. 6 изд. I. Стр. 72—74. 224.

населения крайне слабо. Число отдельных торговцев в деревнях и торговых рядков было крайне незначительно». Точно также «в большинстве новгородских городов она (торговая деятельность) равнялась почти нуло. Для торговли недоставало в них достаточного населения». Вообще «преимущественным, если не исключительным, центром торговой деятельности в Новгородской земле был главный город последней, сам Великий Новгород» [1]).

На незначительную роль торговли в Киевской Руси указывает в особ. Н. А. Рожков. «Торговая деятельность была занятием исключительно одних общественных верхов, князей, их дружинников и небольшой группы состоятельных горожан; масса же населения не принимала в ней никакого участия, потому что не продавала, а отдавала даром продукты охоты и пчеловодства» [2]). К этому взгляду присоединяется А. Е. Пресняков, находя, что Ключевский крайне преувеличивает глубокое влияние торговли на племенной быт восточного славянства [3]). В том же смысле высказывается Плеханов, говоря, что «торговля доставляла средства существования для князя и его дружины». Так было, по его словам, не только в древнейшую эпоху, но и в последующие столетия, когда на добывание предметов, являющихся об'ектами торговли, затрачивалась «лишь меньшая часть народного труда». И если мы сравним ее с торговлей тогдашнего Запада, то увидим, что там города отнюдь не ограничивались торговлей теми продуктами, которые доставлялись охотой и лесными промыслами — имелась уже промышленность [4]). К этому надо добавить, что наряду с произведениями лесных промыслов, не только в X веке, но и в следующие столетия имел значение — как мы видели выше — и человеческий товар в качестве об'екта торговли.

На это последнее обстоятельство, как и на тесную связь торговли с разбоем, обращает внимание М. Н. Покровский [5]).

К эту эпоху Ключевский находит уже и капитал; именно «Русская Правда», вырабатывавшаяся вплоть до XIII ст., есть, по его мнению,—«по преимуществу уложение о капитале... Капитал является в «Правде» наряду с княжеской властью деятельной социальной силой... то сотрудником, то соперником княжеского закона... капитал это самая привилегированная особа в «Русской Правде». «Такое значение капитала в «Русской Правде» сообщает ей черствый мещанский характер. Легко заметить ту общественную среду, которая выработала право, послужившее основанием «Русской Правды»: это был большой торговый город». Однако, тут же Ключевский прибавляет, что несколько позднее, в XIII в., «торговый город потерял свое преобладание в народно-хозяйствен-

---

[1]) Никитский, 87—89
[2]) Рожков. Обзор. I. 25 сл.
[3]) Пресняков 162.
[4]) Плеханов. I. 56 58
[5]) Покровский. Русск. Ист I 63 сл

ной жизни». «Капитал—указывает он в подтверждение приведенного положения—служит средством возмездия за те или иные преступления и гражданские правонарушения: на нем основана самая система наказаний и взысканий» [1]). Но такую систему мы находим на Западе уже в т. наз. Варварских Правдах, начиная с V ст. Неужели уже в эту эпоху капитал являлся социальной силой? Можно ли подобным образом смешивать имущество, не приносящее дохода, с капиталом?

В. О. Ключевский придает большое значение тому обстоятельству, что «Русская Правда» (пространная) различает поклажу от займа, заем краткосрочный от долгосрочного, заем от торговой комиссии: «находим точно определенный порядок взыскания долгов с несостоятельного должника при ликвидации его дел, т. е. порядок торгового конкурса с различием несостоятельности злостной и несчастной». Упоминаются гости и иноземные купцы, которые «запускали товар» за купцов туземных, продавали им в долг. Капиталист вверял купцу «куны в гостьбу», для оборота из барыша [2]).

Однако, то, что Ключевский именует громким названием «торгового конкурса» (у нас еще и при Петре не было конкурсного процесса), сводилось к тому, что должника прежде всего вели на торг и продавали, явление характерное для первобытных эпох культуры, а отнюдь не для эпохи «капитала», когда ответственность отличается имущественным, а не личным характером; затем, при уплате долга отдавалось преимущество князю перед частными должниками (здесь играет роль власть, а не капитал) и гостю перед «домачным» [3]),—предпочтение, сохранившееся еще и в XVIII ст. и вызывавшее жалобы в Екатерининской комиссии 1767 г. Что же касается торгового кредита, когда иноземный или иногородный купец продавал в долг местным купцам или давал им куны для закупки ему товара («аже кто купец дасть в куплю куны или в гостьбу»), то это свидетельствует скорее о том, что эти местные торговцы не имели даже тех минимальных оборотных средств, которые необходимы были в эту эпоху, а вовсе не об обилии капитала, почему им и приходилось закупать товары в долг у гостей. Вообще это напоминает торговлю ганзейцев с норвежцами в XIII—XIV ст., когда ганзейцы сбывали привезенные товары за рыбу и меха, которые норвежские купцы доставляли им с севера, выменивая их у диких финских племен. Но эти норвежские купцы не имели почти никаких средств, а так как самую рыбу и меха им также еще нужно было выменять, то они брали у ганзейцев муку и другие товары

[1]) Ключевский. I, 302—06
[2]) Там же, 303
[3]) «Русская Правда» Карамз 45, 46, 69

в кредит, обязуясь к следующему году доставить определенное количество рыбы, причем им не всегда удавалось исполнить свое обещание, и тогда от ганзейцев зависело, как поступить дальше [1]).

Как мало был распространен «капитал», мы можем видеть также из того, что заем совершается не только в виде кун, но и в натуральной форме—предметом его являются хлеб, мед, сено, пчелы, животные, что свидетельствует о наиболее ранней форме кредита для потребительных целей. Мало того,—как признает сам же В. О. Ключевский,—размер роста был чрезвычайно высок. «Годовой процент определен одной статьей «Правды» в треть, на два третий, т.-е. в 50 проц.». Только Владимир Мономах установил, что «такой рост можно брать только два года»...

Впрочем, при долголетнем займе и Мономах допустил годовой рост в 40 проц. «Но едва ли.—прибавляет Ключевский—эти ограничительные постановления исполнялись... Если речь идет о годовом займе, то вскоре после Мономаха милосердным ростом считали 60 или 80 проц., вполтора раза больше узаконенного» [2]).

И на Западе в эту эпоху ссудный процент стоял очень высоко, у нас, конечно, еще выше, в виду еще большей бедности в капитале, еще большей медленности накопления. «Капитал чрезвычайно дорог, т.-е. отличается большой редкостью»—признает Ключевский. Как же это вяжется с утверждением, что «Русская Правда» есть уложение о капитале, и общественной средой, где она возникла, был большой торговый город?

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Торговля с Ганзой.

I.

Торговля немецких городов с Русью является лишь одной из частей того товарообмена, который совершался в средневековую эпоху купцами северо-германских городов, об'единившихся уже раньше фактически, а впоследствии и формально в ганзейский союз, немецкую Ганзу, в состав которой входило свыше 70 городов померанских, вендских, прусских, вестфальских, голландских, лизонских. Ганза являлась ассоциацией

[1]) Bruns. Die Lubecker Bergenfahrer und ihre Chronistik. Hansische Geschichtsquellen. N. F. II. 1900, p. LXVIII сл.

[2]) Ключевский. I. 305. О росте см. также Загоровский. Ук. соч. Довнар-Запольский. Ист. русск. народн. хоз I. 196 сл. О кредите этой эпохи вообще см. стр 79, 83 сл., 161, 167, 183, 198, 209

не купцов, а городов, представители которых собирались на сеймы и здесь решали совместно все важнейшие вопросы, которые касались торговли их жителей со странами, расположенными у Северного и Балтийского морей. Англия, Фландрия и Брабант, Скандинавские государства, наконец, Новгород (и Псков) и северо-западные русские области—Смоленская, Витебская, Полоцкая представляли собою поле деятельности немецких городов.

Из того, что—как мы видели выше—древнейшие поселения норманнов находились в области между Ильменем и волжскими верховьями, вытекает возможность раннего проникновения северных народов в Новгород и установления торговых сношений между ними и новгородцами. Подобно тому, как торговля повсюду возникла из военных действий, и новгородская торговля имела своей точкой отправления пиратские набеги норманнов. Лишь постепенно они стали выходить из употребления, уступая место торговым сношениям, хотя вполне они не исчезли и впоследствии и отзвуками их являлись беспрерывные столкновения между новгородцами и немцами, и взаимные ограбления, которые мы находим в течение всей истории товарообмена между ними. На то, что варяги являлись первыми торговцами на Руси, быть может, указывает обозначение у нас коробейника «варягом», подобно тому, как в Финляндии и Швеции кочующий торговец именуется немцем «сакса», «тиск», т.-е. немец [1]). Возможно, что первоначальная торговля с Западом совершалась через остров Готланд и за жителями Готланда уже последовали немцы с материка Европы, в особенности из Любека и вестфальских городов. «Когда готландцы были идолопоклонниками, они ездили с товарами во всевозможные страны, как христианские, так и нехристианские», гласит старинная сага. Адам Бременский в XI ст. рассказывает, что «некоторые при попутном ветре попадали в один месяц из Дании в Остроград (Новгород) на Руси» и что «из Юмме (Юлин, Волин) можно в две недели добраться до Остроградa на Руси, главным городом которой является Хиве (Киев)» [2]).

Однако, эти известия страдают большой неопределенностью, в частности Адам Бременский указывает лишь продолжительность пути, да и то, повидимому, лишь предположительно, но ни о каких действительно происходивших в XI ст. сношениях севера с Русью, а тем более о торговых сношениях в XI ст. из его слов заключить нельзя. Другие же известия относятся

---

[1]) Schäfer. Zur Gesch des deutschen Handels nach Finnland. Aufsätze, Vorträge und Reden. 1912. I. p. 123. Goetz Deutsch-russ. Handelsgeschichte des Mittelalters. 1922. p. 19.

[2]) Adami Gesta Hammaburgensis (ed. Waitz). Lib. IV. 11. Lib. II 19.

к более позднему времени. В летописи упоминаются, напр., варяжская и русская улицы в Новгороде, но это относится к XIII в., а статьи «Русской Правды» «о городских мостех», где встречаются «готы» и «немецкий вымол», приписывают не Ярославу Владимировичу, а Ярославу Всеволодовичу XIII ст.

Только относительно XII ст. мы располагаем более точными данными. Когда в летописи (Перв. Новг.) сообщается, что в 1128 г. во время жестокого голода в Новгороде «отець и мати свое чадо даваше даром гостем», то мы правда не знаем, о купцах из каких стран идет речь, зато в дальнейших повествованиях 1130 и 1134 г.г. говорится об обратном путешествии новгородцев из-за моря, от готов и датчан; в первом случае погибло 7 ладий с кущами и товарами, во втором—новгородцы были ограблены. Точно также летопись (Перв. Новг. 1142 г.) сообщает, что «приходя свенский князь с епископом во 60 шнек на гость иже из-за моря шли в 3 лодиях и бишася». Совершались, следовательно, набеги шведами, но появилась и торговля Новгорода с готами, шведами и немцами. Об этом свидетельствует и привилегия кельнского архиепископа Райнальда вестфальскому городу Медебаху, в которой упоминается о денежных операциях его с Данией, Русью (Dacia vel Rucia и другими странами [1]). А в конце XII ст. появляется уже первый договор между новгородцами и немцами и к этому же времени относится и грамота имп. Фридриха I Любеку 1188 г., разрешающая беспошлинную торговлю в этом городе русским Rutheni), готам, норманнам и другим народам Востока [2]). Так что с этого времени, несомненно, существовал уже товарообмен между готами и немцами, с одной стороны, и Русью с другой, совершавшийся как в Новгороде, так и за морем, в частности и Любеке [3]).

Наиболее важным источником для истории торговли между Новгородом и Ганзой являются торговые договоры, заключенные между ними, и прочие соглашения, имевшие место в связи с восстановлением мира и возобновлением каждый раз прерывавшихся торговых сношений.

В договорах этих фигурирует всегда Новгород, но они распространяются и на Псков, как на его пригород; в более позд-

---

[1]) Keutgen. Urkunden zur städtischen Verfassungsgeschichte. I 1901 № 141.

[2]) Hansisches Urkundenbuch. I. № 33.

[3]) О возникновении этой торговли см. Hennig. Zur Verkehrsgeschichte Ost-und Nordeuropas im 8—12. Jahrh. Hist. Zeitschr. 1915. Bugge. Die nordeuropäischen Verkehrswege im frühen Mittelalter. Viert. für Sozial-und Wirtschaftsgesch. B. IV. Bächtold. Der norddeutsche Handel im 12. und beg. 13. Jahrh. 1910. Vogel. Geschichte der deutschen Seeschiffahrt. 1915. Schlüter. Die Novgoroder Schra. Sitzungen der gel. Esthn. Gesellsch. 1911. Goetz. Deutsch-russ. Handelsgeschichte. 1922. Никитский. Экон. быт. 24 сл., 48 сл. Buck. p. 5. Иконников. II. 2. Стр 623 756.

них соглашениях Псков назван нередко особо в качестве участника в соглашении. Со стороны немцев первоначально выступает остров Готланд и немецкая Ганза в Висби, позже наряду с ними появляется Ганза 73 городов, где на первом плане стоят вендские города, в особенности Любек. Хотя купечество Висби и не исчезает, но все же Любек оттесняет его на задний план. Наконец, постепенно присоединяются и мало помалу становятся на первом месте ливонские города: Дерпт. Ревель, Рига. В договоре 1392 г. впервые выступают на сцену вместе с «заморскими» и ливонские города, а в 1436 г. Дерпт и Ревель являются единственными представителями всех немецких городов в переговорах с Новгородом. В 1448 г. Любек предполагал и с своей стороны отправить послов для заключения нового мира с Новгородом, но затем отказался, и от имени Ганзы его заключили Рига, Дерпт и Ревель [1]).

Договоры появляются около XII ст., хотя, несомненно. торговые сношения начались уже раньше—ссылаются на более старые грамоты и соглашения, «на чем целовали отцы ваши и наши крест».

Прежде всего в каждом договоре устанавливается общий принцип, что обоим сторонам предоставляется право торговать и им никто не будет ставить препятствий в этом направлении, они могут торговать без стесненгя, без насильственного захвата у них товаров. Это выражается словами «вольное торгованье», «путь чист», «без рубежа», «без пакости». Так, уже в первом договоре, заключенном между Новгородом и немцами и относящемся к концу XII ст. (около 1195 г.) [2]), в самом начале (ст. I) читаем: «первое ходити новгородцю послоу и всякому новгородцю в немечьскоу землю и на Готь берег; такоже ходити немьчьм и гтяном в Новгород без пакости не обидим никымже». Новгородцы здесь посещают не только «Готский берег», но и «немецкую землю». о которой впоследствии уже не упоминается, их плаванье обширнее, чем в следующие столетия; немцы же, напротив, «ходят» только в Новгород, о Новгородских землях еще не упоминается. Но из дальнейшего видно, что уже в эту эпоху практическое значение права торговли новгородцев в немецких городах отступает на задний план, по сравнению с правом торговли ганзейцев в Новгороде. Именно в той же ст. I говорится далее: «аще боудеть соуд князю новогордцкому Новегороде или немецкомоv в немчьх, а в том мироу ити гостю домовь без пакости; а кого

---

[1]) См. Hausmann. Zur Geschichte des Hofes von St. Peter in Novgorod Balt. Monatsschrift. 1904. p. 267 сл.

[2]) Договор, заключенный между 1189 и 1199 г.г., напечатан в Русско-Ливонских актах, собранных К. Е. Напиерским и изданных Археографической Комиссией. 1886 г № 1, а также у Владимирского-Буданова Христоматия, т I, и у Бахрушина, Памятники истории Вел Новгорода. 1909 г., стр. 63

Бог поставить князя, а с тем мира потвердить, любо ли земля без мироу станеть». Речь идет о князе, и хотя наряду с новгородским упомянут и немецкий, но такая взаимность в данном случае имеет мало смысла, ибо никаких князей в ганзейских городах не имелось и в дальнейших договорах между Новгородом и немцами о них не упоминается, а новгородскому князю, заключающему договор, всегда противопоставляется немецкая Ганза или купечество Готланда. Очевидно, имеется в виду только Новгород, пребывание немецких купцов в последнем, их торговая деятельность в Новгороде.

Приведенные слова: «аще будет соуд князю» Срезневский понимает в смысле распри между новгородским князем и населением, которая нередко имела место и которая, по договору, не должна была затрагивать немецких купцов [1]). Однако, о внутренних столкновениях в других источниках нигде не говорится, напротив, как мы увидим ниже, постоянно указывается на то, что война Новгорода с другими странами или областями, т.-е. такая, где князь и народ общими силами ведут борьбу с внешним врагом, не должна затруднять свободного от'езда немецких купцов. Гораздо правдоподобнее поэтому толкование Владимирским-Будановым слова: «соуд» в смысле Божьего суда—смерти: [2]) со смертью князя, заключившего договор, последний не теряет своей силы, что вполне соответствует дальнейшим словам о необходимости возобновления договора с преемником умершего князя, иначе «земля без мироу станет». Международные соглашения того времени (как в России, так и в Западной Европе) обязательны лишь для тех, кто их заключает, но не для государства, как такового. почему при перемене правителей необходимо было возобновление договора [3]).

Предположение, что договор этот регулирует торговлю немцев в Новгороде, по сравнению с которой активная деятельность новгородцев в виде торговли в Готланде и на континенте отступает на второй план, подтверждается и другими постановлениями договора. Таковы, напр., ст. 2 и 3, трактующие об убийстве посла и купца. Здесь говорится, правда, как о немце, так и о новгородце; но вира в 20 гривен за посла и в 10 за купца вполне соответствует постановлениям «Русской Правды», различающей убийство привилегированного и простого человека. Такова ст. 7, устанавливающая за насилие над женой или дочерью свободного человека 40 гривен в пользу потерпевшей и столько же в пользу князя. Опять таки фигурирует только новгородский князь, который здесь выступает в качестве судьи (позже он уже не выполняет этой функции), так

---

[1]) Срезневский. Записки Имп. Акад Наук Отд. русск. языка и словесн. 1867 г., т. VI. 156. Такое же об'яснение у Бережкова. О торговле Руси с Ганзой, 81.

[2]) Такое же понимание слова «суд» допускает в другом месте Срезневский. (Матер. к слов. древне-русск. яз. III. 603).

[3]) Владимирский-Буданов Хрест, т I. 109.

что местом действия является снова только Новгород. На пребывание немецких купцов в Новгородской земле расчитана и ст. 12, упоминающая только о немце, который отправляется на своем судне домой, но ничего не говорящая о новгородце, возвращающемся обратно («оже придеть в своие лодьи в немецкой домовь»). А из ст. 11 мы можем усмотреть, что немцы посещают уже в это время не только Новгород, о чем упоминается в ст. 1, но и другие русские города. Там разграничивается тяжба, которая «родится» в Новгороде, от тяжбы «выное зиемли в руских городех». В каких городах, мы это узнаем из последующих договоров; во всяком случае немцы ездят и за пределы Новгорода, и в этом случае Новгород слагает с себя всякую ответственность за все, что может там случиться с ними («оу тех своие тяжа прашати, искати Новгороду не надобе»)—обычная оговорка в те времена.

Другой договор, заключенный между Новгородом и немецкими городами ок. 1260 г.[1]), вызван жалобами Любека на несправедливости, совершенные по отношению к нему, т.-е. над немецкими купцами в немецком дворе в Новгороде. С этими жалобами он обращается к Ревелю, который в ответ на это заявляет, что он верен Любеку и немецкому купечеству. Об этом насилии, очевидно, и говорится в ст. 3 договора 1260 г.: «а в Ратшиноу тяжю платили иесмы 20 гривен серебра за две голове, а третьюю выдахом». В этом случае (Ратша уменьшительное от Ратислава) уплачена обычная вира за двух убитых, а третьего самого выдали новгородцы. Но в связи с этим установлены еще и другие статьи, которые должны предупредить новые столкновения и обеспечить беспрепятственный товарообмен между Новгородом и немцами.

Последний и здесь потверждается в начале договора (ст. 1): «новгородцм гостити на Гоцкыи берег без пакости, а немцьм и гтом гостити в Новгород без пакости и всемоу латиньскомоу языку на старыи мир». В противоположность рассмотренному выше договору 1195 г., это соглашение предполагает поездки новгородцев только на готский берег, но не на континент. То же самое говорится в ст. 5 договора: «а новгородцьм в становищи на Гоцком березе без пакости в старый мир»—на Готланде новгородцы имеют «становище», т.-е. торговое подворье, об их недвижимости на Готланде упоминается и в проекте соглашения с ганзейцами 1371 года[2]). Напротив, немцы, как видно из договора 1260 г., торгуют и на остр. Котлине (ст. 5), и в Карелe (ст. 6), причем новгородцы отвечают за путь от Котлина до Новгорода лишь в том случае, если он совершается

[1]) Договор содержится в Русско-Ливонских актах, № 16, и у Бахрушина. Памятники, 64.

[2]) Hansisches Urkundenbuch. IV. 397. Götz. Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters. 1916. p. 182.

в сопровождении новгородца («а что ся оучинить и с Котлинг до Новагорода или из Новагорода до Котлинг немецкомоу гости, оже без посла поидоуть, то Новоугородоу тяжя не надобе в старыи мир»). Это обычное средневековое правило—город или государь принимает на себя ответственность за случаи ограбления купцов, если их сопровождает конвой (или они имеют заменяющие конвой конвойные грамоты); в этом случае купцам возмещаются понесенные ими потери.

Такое ограничение активной торговли новгородцев одним островом Готландом и, напротив, расширение деятельности немцев подтверждается и соглашением 1269 (1270) г. Мы имеем здесь два документа, из которых один составлен немцами, другой, являющийся как бы ответом на него, новгородцами—в каких пределах они были утверждены впоследствии, неизвестно. В четвертом договоре Новгорода с Михаилом Ярославичем от 1304 г. упоминается о посланиях немецким городам, скрепленных крестным целованием; быть может, это и было утвержденье договора 1269 года.

Этот договор 1269 или 1270 г. [1]) также трактует лишь о свободах новгородцев, посещающих Готланд,—им гарантируются те же права, что и немцам и готландцам в Новгороде. Повидимому, и ст. 23 о новгородском после, убитом за морем, имеет в виду путешествие в тот же Готланд, а не в какие-либо иные местности. Это толкование согласуется и со ст. 10, где говорится о долгах новгородцев только в Готланде. Наконец, о незначительной активной деятельности новгородцев свидетельствует то, что, как видно из ст. 1, они отправляются даже в Готланд на немецких судах, следовательно, собственных судов не имеют. Это указание крайне умаляет роль новгородцев в торговле. Все сколько-нибудь значительные торговые города того времени владеют собственными судами; при отсутствии их торговля с другими странами и городами немыслима.

В противоположность этому, интенсивность торговой деятельности немцев растет. С конца XII ст. до 60-х годов XIII ст. она сделала значительные успехи: это можно усмотреть из сопоставления упомянутого договора конца XII ст. и договора 1269 г. В последнем немцы требуют, чтобы новгородцы принимали на себя ответственность за благополучное путешествие ганзейцев, начиная от острова Бьорко, новгородцы же согласны отвечать только за путь, начиная от Котлина по Неве, Ладожскому озеру и Волхову. Сарториус-Лаппенберг и Андреевский

---

[1]) Договор напечатан у Андреевского. О договоре Новагорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 г. 1855, у Бахрушина, 64 сл. Tobien. Die ältesten Traktate Russlands. I. 1845. p. 85 сл Götz. p. 90 сл. В издании Тобиена и Гетца и в примечаниях у Андреевского содержится и латинская грамота-проект договора, составленный немцами.

об'ясняют последнее тем, что власть Новгорода над островом Бьорко в это время уже была слаба, в виду завоевании шведов в Финляндии и появления датчан у Наровы и т. д., почему они ручаться за безопасность в этих местах не могли [1]). В предыдущем договоре 1260 г. (ст. 5) упоминается только «зимний гость», т.-е. те немецкие купцы, которые приезжали осенью и оставались—как видно из постановления 1338 г.—до последнего санного пути или до открытия первой навигации. В договоре 1270 г. наряду с «зимнем гостем» появляется впервые и «летний гость» (ст. 1 и 2), который может пребывать «до последней навигации или до первого санного пути» [2]). Это ограничительное постановление самой Ганзы, но вполне соответствующее характеру торговых сношений в ранние эпохи, когда иностранные купцы допускаются лишь на известный срок и, по истечении его и по выполнении своих операций, обязаны уехать обратно, постоянно же селиться им еще не дозволяется. Во всяком случае, присоединение теперь новой группы ганзейских купцов, которые ежегодно сменяют первую, свидетельствует о расширении торговли немецких городов с Новгородом. Последняя совершается теперь не только зимою, как это было раньше, но и летом, происходит в течение всего года.

Но в том же договоре имеется еще и постановление (ст. 16), содержащееся, впрочем, в одном лишь немецком предложении (латинской грамоте), согласно которому гости, отправляющиеся обратно из других областей к себе домой, обязаны уплачивать в пользу церкви св. Пятницы сбор в размере не свыше одной марки сер. Немцы его ограничивают этими размерами, так как вероятно прежде взималось и больше. Никитский усматривает в этих гостях, едущих из «выше лежащих местностей» (de superioribus partibus terrae), торговцев, которые прибыли горой, но отправляются обратно не тем же путем, как обязывал раньше обычай, а морем на Готланд. Напротив, Бережков, как и Ризенкампф и Гетц, понимают под этими купцами гостей, ездивших вглубь новгородских владений и там закупавших такие товары, как меха или воск, которые обычно немцы приобретали в самом Новгороде. Там же они сбывали свои товары, становились, следовательно, конкурентами новгородцев, в особенности тех из них, которые сами посещали Готланд, «заморских купцов». В пользу общины последних, группировавшихся вокруг церкви св. Пятницы, такие иноземные гости и обязаны были делать упомянутый взнос. Последний являлся известным стеснением этой непосредственной

---

[1]) Sartorius-Lappenberg. Urkundl. Geschichte des Ursprungs der deutschen Hanse. 1830 II. 97. Андреевский. 21. См Бережков. 194.

[2]) Постанов 1338 г. цит у Никитского. 110

торговли немцев с новгородскими областями—в сущности торговля должна была проходить через руки новгородцев [1]).

О развитии немецкой торговли в Новгороде во второй половине XIII ст. свидетельствует и разнообразие и обилие постановлении, содержащихся в грамоте 1268 г. и договоре 1269 г., которыми они отличаются от договоров как 1195 г., так и 1260 г. Если, с одной стороны, в 1268—69 г.г. находим ряд положении, которые встречались уже в предыдущих соглашениях, то другие впервые появляются теперь и затем повторяются уже в многочисленных переговорах между немцами и Новгородом и обещаниях, даваемых ими друг другу; есть и такие, которые имеются только в трактатах 1269 г. и позже не повторяются. При этом характерными являются те многочисленные или во всяком случае гораздо более детальные, по сравнению с предыдущими, требования, которые пред'являют немцы в 1268 г. и из которых видно, насколько усложнились торговые сношения, какие новые потребности и нужды они вызвали к жизни и в каких направлениях стало необходимым нормировать товарный оборот. Новгородцы соглашаются далеко не на все, делают контр-предложения, некоторые пожелания немцев оставляют без ответа, хотя это еще вовсе не доказывает, что эти требования их не были приняты, ибо окончательная форма трактата нам неизвестна, или что они фактически не были проведены все-таки в жизнь. Наряду с этим, многие признанные обоими сторонами постановления, как показывают последующие факты, каждый раз снова и снова нарушались, их приходилось вновь подтверждать, но действовали они опять недолго—до следующего нарушения.

К таким, вечно повторяющимся, но никогда не исполняемым заверениям относятся встречающиеся уже в предыдущих договорах постановления об индивидуальной ответственности каждого за долги или преступления и о недопустимости захвата имущества, принадлежащего другим лицам, непричастным к делу. Вообще возникающие споры и тяжбы не должны препятствовать от'езду иностранных гостей—не должно быть репрессалий, «рубежа не чините», а «знати истцу истца», «гостя в том не порубати и не грабити и товару у гостей не отнимати»,—как гласят многочисленные последующие заявления. И все же вся история русско-ганзейской торговли есть один сплошной захват русскими или немцами товаров посторонних лиц за убытки, действительно или якобы ими понесенные, непрерывный ряд насильственных действий, основанных на идее круговой поруки между лицами, происходящими из

---

[1]) Никитский. 72. 145 сл. Бережков. 156 сл. Riesenkampff. Der deutsche Hof zu Nowgorod p. 74 Götz. p. 141.

одной и той же местности или принадлежащими к одной и той же национальности.

Так убийство новгородца Власия и ограбление его во время морского путешествия подало повод новгородцам к насилию над ганзейцами. Соглашением 1338 г. устанавливается, что дети и товарищи Власия не должны касаться немецких гостей, и последним должны быть возвращены отнятые у них товары. Они должны иметь дело только с виновниками убийства и ограбления Власия Гинзом Вельтберге и Гербертом. Если эти лица окажутся в немецких или ливонских городах, то они должны быть задержаны, и согласно «целованию креста», т.-е. на основании прежних договоров, преданы суду [1]). Каждая сторона, следовательно, обязана задерживать виновных, если они попадут на ее территорию, их наказывать и возвращать отнятые у потерпевших товары. В одном послании Новгорода к Риге читаем: «что наших братьев у вас убили, а товары их ограбили, за это бог вам судья. Если вы нашли разбойников, то судите их согласно крестоцелованию, дайте нашим братьям товары и разбойников, чтобы между нами не было речи» [2]).

В 1373 г. происходит новое соглашение на тех же основаниях по поводу столкновения между Новгородом и немцами, вызванного ограблением русских на Неве и у Стокгольма («взяле у нас товар перед Невою разбойники», «товар, что у Стеколме взяле») [3]). Следующий трактат, в котором выступает, наряду с Любеком и Висби, также Рига в качестве представителя Ганзы, заключен в 1392 г. За ограбление русских в Нарве новгородцы захватили немецких купцов из Дерпта и других городов, и передали их товары потерпевшим: «те товар, что в Рукодиве (в Нарве) порубиле и против того товара повеле Новгород взяти товар своей братьи и посаднике и тысящкии и весь господин велики Новогород повелеша товар дат своей братьи». А между тем, эти немцы были снабжены «опасными» грамотами, выданными им Новгородом за печатью посадника и тысяцкого. Ссылаясь на эти грамоты, представители немецких городов при заключении мира добиваются возврата товаров немецким купцам. Новгородцы пускай сами взыскивают убытки с жителей Нарвы: «ведатися им самы с тыми истци своими купьци», «знати исцю исца» [4]). В том же договоре 1392 г. немцы жалуются на то, что в 1385 г. сгорел их двор в Новгороде, и во время пожара было украдено в церкви много имущества немцев: «двор их погореле, и что у их Бжьнице пакость учинились»; новгородцы обязуются разыскать воров, наказать их и вернуть украденное. Однако, — прибавляют они — если бы найти их оказалось невозможным, то Новгород за это не отвечает: «аже найдуть что, того товара выдати немцем Новогороду по крестному целованию, или не найдуть, в том немцам измене нетуть» [5]).

---

[1]) Hans. Urkundenbuch II. 614.615. Sartorius № 142.
[2]) Hans. Urk. II. 46.
[3]) Русско-ливонские акты. № XCVI.
[4]) Там же № CXV.
[5]) Там же

Как мало в сущности принцип индивидуальной ответственности проник в сознание людей того времени, видно из того, что наряду с каждый раз высказываемым требованием взыскивать убытки только с виновного и задерживать только его, в том же договоре 1269 г. (ст. 15) говорится о том, что в случае столкновения между новгородцами и «зимнем гостем», летние гости за это не отвечают, и наоборот, то же выговаривается в отношении зимних гостей. Следовательно, все-таки предполагается групповая ответственность летних гостей или зимних гостей и только стараются ограничить ее одной группой купцов, которая себя выделяет из прочих, чтобы распря не распространилась на всех немецких купцов, приезжающих в Новгород. В 1448 г. заключен мир между ливонским орденом, с одной стороны, и Новгородом и Псковом, с другой. В связи с этим устанавливается, что, в случае столкновений между орденом и Псковом, не допускается задержания новгородских гостей, как и не должны страдать псковичи за вину новгородцев. Это положение повторяется и в соглашениях 1474, 1484, 1493 г.г. [1]). На принципе, что невинный не должен отвечать за виновного, настаивают, следовательно, уже не ганзейцы, а русские, но и они ограничиваются разграничением городов, установлением ответственности каждого города, но не отдельного лица.

Ганзейцы повсюду, где они торговали в эту эпоху, борятся с этим правом репрессалий. Во Фландрии они добились этого уже в 1253 г., в Норвегии в 1294 г., в Дании в 1326 г. [2]). Однако, фламандцы не отказывались от репрессалий по отношению к немцам, если на родине последних (а не во Фландрии) нанесен ущерб фламандцу. В 1267 году, напр., г. Гент захватил имущество находившихся в его пределах саксонских купцов на том основании, что несколько гентских купцов лишилось своих товаров, вследствие разбойного нападения на них в Саксонии [3]). В последнем случае мы имеем аналогию действиям новгородцев в тех случаях, когда они за ограбление русских купцов в Нарве или на Неве задерживают немцев в Новгороде, с той только разницей, что там отвечают лишь земляки виновных—саксонцы, а не все ганзейцы, находящиеся во Фландрии, новгородцы же такого различия между отдельными группами немецких купцов не проводят. Отказываясь отвечать за вину или за долги своих соотечественников, ганзейцы во Фландрии в то же время требовали, чтобы фламандские города принимали на себя ответственность за действия своих под-

[1]) Goetz. § 30. См. там же §§ 33. 34.
[2]) Hans. Urkundenbuch. II. № 449 § 15. I № 1144
[3]) Hans Urkundenbuch. I. № 421.650 Bahr. Handel und Verkehr der deutschen Hanse in Flandern während des XIV Jahrh. 1911. p. 95 сл., 110 сл.

данных, нанесших ущерб ганзейцам, притом за все действия, совершенные фламандцами, как на суше, так и на море, т.-е. и на территории графства и за пределами его. Города Брюгге и Ипр соглашались возмещать убытки, нанесенные ганзейцам их жителями, а в 1378 году с'езд ганзейских городов потребовал от графа Фламандского и трех городов (Брюгге, Ипра и Гента) возмещения ущерба, причиненного ганзейцам во фламандских водах, вследствие убийства и ограбления немецких купцов. Как мы видели, Новгород на столь широкие требования не соглашался, заявляя, что поскольку награбленное имущество и грабители не могут быть найдены, Новгород за это не отвечает, и того же принципа держались ганзейцы в соглашениях с Новгородом.

Другим обстоятельством, подававшим повод к насилиям над иностранными купцами, являлась в те времена война, война данной страны или города с другими местностями вообще и с родиной купцов в особенности. В последнем случае, купцам во всяком случае грозило задержание и отнятие товара—это было своего рода предвосхищение той добычи, которая приобреталась в самой воюющей стране. Но и в случае войны с какой-либо третьей страной, ведущий ее город или государство могли усмотреть опасность в пребывании иностранцев, прекратить их торговую деятельность, изгнать их и даже захватить их товары, могли заставить иностранных купцов принять участие в походе.

Необходимо было обезопасить себя от всех этих возможностей и в особенности была заинтересована в этом Ганза, в виду широкого поля деятельности своих купцов, посещавших всевозможные страны и города, где всегда могла возникнуть война с какой-либо из немецких областей или с третьим государством—в средние века состояние войны составляло нечто обычное. Для ганзейцев это существенно было еще и по той причине, что наряду с свободными имперскими городами, в ганзейский союз входили и такие города, которые в большей или меньшей степени были подвластны различным князьям, и достаточно было столкновения между той страной, где они торговали, и одним из этих князей, чтобы ганзейские купцы и лично и имущественно понесли сильный ущерб: война с императором могла повести к таким же результатам. Поэтому их требования обыкновенно заключаются в том, чтобы, в случае возникновения войны между данным государством или городом и кем-либо иным, им предоставлена была возможность в течение достаточно продолжительного срока закончить свои дела и уехать домой или даже—что являлось наиболее выгодным—добивались права оставаться в стране и во время войны и продолжать свою торговую деятельность: однако, последнего права им удавалось достигнуть лишь в виде исключения.

Так, в Англии постановлением парламента 1353 г. установлен сорокадневный срок после об'явления войны и оповещения иностранцев о необходимости покинуть страну, причем в течение этого времени купцам не будет чиниться никаких препятствий в отношении проезда или продажи своих товаров, если они сами пожелают их сбыть. Но этот срок может быть удлинен еще на 40 дней или, в случае необходимости, еще долее, если препятствием для от'езда купцов является противный ветер или какие-либо иные обстоятельства. Такой же срок определен герцогом Лотарингенским для Антверпена—40 дней после публичного об'явления, а также гарантируется право свободного возвращения после прекращения войны. Во Фландрии был установлен 80-дневный срок от'езда, позже—4-месячный, а в 1360 г. ганзейцам была предоставлена охрана жизни и имущества во время войны, если бы они пожелали оставаться во Фландрии, от'езжающим же давался срок в 120 дней. Такое же право не покидать страны во время войны даровал ганзейцам в 1393 г герцог Филипп Бургундский [1]). Однородные привилегии в пользу ганзейцев находим и в других городах. В 1349 г. шведский король Магнус разрешает Любеку производить торговлю во время войны, которую он ведет с русскими областями, в 1319 г. рюгенский граф Вацлав дозволяет штеттинским купцам не покидать его владений во время войны между ними и герцогом штеттинским [2]). В первом случае речь идет о войне с третьей страной, во втором даже о военных действиях с тем государством, из которого происходят купцы,—и все-таки им не приходится уезжать. Однако, такая льгота являлась все же исключением. Даже во Фландрии только одни ганзейцы достигли этого идеала, тогда как англичане обязаны были оставить ее в два месяца, генуэзцы в течение 8 месяцев.

Обращаясь к положению ганзейцев в Новгороде, необходимо отметить, что и тут уже в латинской грамоте 1268 г. и в договоре следующего года (ст. 18) упоминается о том, что, в случае, если бы возникла война или распря между Новгородом и соседними землями, это не должно составлять препятствий для гостей, ибо они ничего общего не имеют с войной и куда они пожелают отправиться, могут свободно итти,—могут ехать водой или сушей (горой), насколько простирается господство Новгорода. В договоре 1338 года перечисляются враги Новгорода—король шведский, король датский, Ливонский орден, капитул дерптский, епископ рижский, епископ эзельский. В случае войны с ними, немецкий гость никакого отношения к этому иметь не должен, ему дается чистый путь водой и сушей без всяких препятствий [3]). В соглашении 1371 г. к этим странам, воюющим с Новгородом, прибавлена Нарва

---

[1]) Hans. Urkundenbuch. I. №№ 1237. 1248. 1279. II. № 121. §§ 4. 5. № 266 § 13. III. №№ 430. § 2. 450. § 8. 495. § 5 и 6. 571. § 16. Bahr p. 71 сл.

[2]) Hans. Urkundenbuch. II. № 339. III. № 149

[3]) Ibid. II. №№ 614. 615.

и пропущен король датский [1]), а в соглашении 1392 г. среди врагов упомянуты и пираты. В последнем читаем: «А се которое орудье завяжется о вбиде (в обиде) промежи велкого Новагорода с ескем (с Свеском) королем или с велневицами или с пискупом Риським (епископом Рижским) или с пискупом Юрьевьским или с пискупом Островьским или с Ругодивьци (жителями Нарвы) или разбоинике на море, а то купцам не надобе» [2]). В 1406 г. Ревель требует «чистого пути» для немецких купцов и в том случае, если мир между Новгородом и магистром ливонского ордена нарушен и войска стоят друг против друга. И в соглашении между Ганзой и царем Иваном Васильевичем 1487 г., которым устанавливается мир на 20 лет, говорится, что война с Швецией, Ливонским орденом или Нарвой не должна затрагивать немецких купцов [3]).

Из приведенных соглашений, однако, не ясно, идет ли речь о свободном отъезде—как утверждает Никитский—или же о праве оставаться в Новгородской земле и во время войны—как полагают Мулюкин и Гетц. Что купцы не должны иметь никакого касательства к войне, что им дается чистый путь водой и горои без всяких препятствии, насколько простирается владычество Новгорода, можно понимать любым образом. В пользу второго толкования как будто говорит то обстоятельство, что во всех этих документах нигде не указано срока, тогда как в случае, если бы им предоставлялось лишь право беспрепятственного выезда, должно было бы быть установлено время, в течение которого они обязаны закончить свои операции и покинуть Новгород, как это находим в других странах в такого рода случаях. Кроме того, если бы ганзейцы не добились в Новгороде того же права, как во Фландрии, в Бургундии и т. д., т.-е. права оставаться в его пределах, они несомненно делали бы попытки достигнуть этой цели, не ограничиваясь одной возможностью покидать страну, а таких попыток мы нигде в источниках не замечаем. Поэтому более вероятно предположение, что во время войны между Новгородом и другими странами ганзейцам давалась возможность продолжать свои торговые операции в Новгородской области и ездить в ее пределах, поскольку простирается владычество Новгорода. И тут характерно, что речь идет повсюду лишь о войнах Новгорода, которые не должны затрагивать ганзейских купцов, но нигде не упоминается о новгородцах, которые могли бы быть настигнуты войной в немецких городах.—доказательство слабости активной торговли Новгорода. На практике, впрочем, это постановление принадлежало также к числу выполняемых

[1]) Hans. Urk. IV. № 397.
[2]) Рус.-Лив ак. № CXL
[3]) Hans. Urkundenbuch. V. № 695. Goetz. § 34

весьма мало. Немцы неоднократно жаловались, что русские, отправляясь в поход, чинят им препятствия. А в то же время магистр Ливонского ордена во время многочисленных войн с Новгородом заставлял ливонских купцов прекращать торговлю с ним, хотя немецкие купцы и ливонские города просили не смешивать их дела с политикой ордена [1]).

В интересах личной свободы купцов устанавливается уже в договоре 1195 г. (ст. 13) положение: «немчина не сажати погреб Новегороде, ни новгородца в немцех но имати своие оу виновата». Такое освобождение должника от задержания и заключения в темницу и вообще неприменение этой меры в гражданском процессе повторяется затем в договоре 1269 г. (ст. 10): «если новгородец сделает долг на Готланде, то его нельзя посадить в погреб; равным образом, не должно делать сего в Новгороде немцам или готландцам». В латинской грамоте прибавлено, что в этом случае гость, обиженный русским, должен приносить жалобу тысяцкому и тиуну новгородскому, а новгородец, обиженный гостем, должен жаловаться альдерману немецкому. Запрещение ареста находим и в позднейших соглашениях, напр., 1466 г., которое вызвано, вероятно, задержанием русских и насилием над ними в Ревеле и Дерпте. Но и это постановление едва ли выполнялось лучше, чем другие, приведенные выше, касающиеся свободы личности купца и его имущества. По крайней мере, постоянно жалобы раздаются на то, что новгородцы, вопреки договорам, бросают в темницу немецких купцов, а немцы новгородцев.

Что касается самого суда, то для суждения по тяжбам между немцами и новгородцами образуется, по договору 1269 г. (ст. 11), во дворе св. Иоанна особый «гостиный суд» (placita hospitum), т.-е. суд для иноземных купцов, именно смешанный суд из посадника и тысяцкого и представителей от купцов (немецких и новгородских), а также (по латинской грамоте 1268 г.) при участии альдермана ганзейцев. Такой смешанный суд встречаем и в других ганзейских привилегиях, напр., английских королей Эдуарда I 1303 г. и Эдуарда III 1354 г., брабантского герцога Иоанна 1315 г. [2]).

Суд должен был в интересах торговли совершаться скоро: бесконечные процессы того времени совершенно не годились для купцов, они погубили бы всякую торговлю. Ганзейцы поэтому (как и другой торговый народ средневековой эпохи—итальянцы) всегда настаивали на быстром разрешении всяких споров. В статутах немецких городов читаем, что суд для гостей должен произведиться «немедленно», «через ночь», т.-е. на другой день, во всякое время; иногда постановлено, что он может происходить даже ночью, в праздник, в любом месте, кроме

[1]) Goetz. p. 53. 137.
[2]) Hans. Urkundenbuch. II № 31 § 6. № 266. §§ 6, 7, 11. III. № 298.

церкви, бани и кабака, хотя бы и на улице, причем это относится именно к делам, возникающим по поводу долгов и движимостей, т.-е. товаров, иначе говоря, именно к области торговли [1]). Во Фландрии, согласно привилегии 1252 г., если немецкий купец задержан при от'езде, решение суда должно быть вынесено в трехдневный срок. В других фламандских постановлениях дела иностранцев подлежат разрешению в 3—8-дневный срок, независимо от того, явилась ли в этот срок противная сторона на суд или нет [2]). Немцы старались добиться этого и в Новгороде (если тиун при совершении у них кражи в пути, в течение двух дней не явится, они могут прибегнуть к самопомощи — грам. 1268 г.), но не достигли своей цели.

Другую группу постановлений составляют те статьи договора 1260 г., которые касаются немецких подворьев в Новгороде. Впрочем, таких статей весьма немного, гораздо больше их содержит латинская грамота 1268 г. Для своего гостиного двора немцы устанавливали особые правила, именуемые «скра», которыми определялся порядок разбирательства споров между немцами, наказания их за преступления, как и условия пользования двором и ведения торговых операций (см. ниже, 181 сл.). О немецких подворьях упоминается уже в договоре 1259 г. (ст. 5)—«а которых трие дворць вприсили ваша братья посли, а тех ся иесмы отстоупили по своиеи воли». Новгородский князь (Александр Невский) заявляет, что он великодушно отдал немцам просимые дворы, но надо думать, что они пользовались этими дворами уже раньше, и это было лишь подтверждением прежнего обычая. С этими дворами, как всегда с подворьями иноземных купцов (фондако на Востоке), были соединены церкви, в данном случае католические, в которых, как наиболее безопасных местах, хранились нередко товары. Между тем новгородская летопись сообщает, что уже в 1152 г. сгорела «варяжская церковь», а в 1217 г., по той же летописи, при новом пожаре ее, сгорело большое количество товаров. Так что, повидимому, подворье существовало уже в половине XII ст. В грамоте 1268 г. (ст. 9) немцы требуют признания за ними со стороны Новгорода права самоуправления—немецкий и готский дворы должны быть свободны, и новгородцы не могут вмешиваться в постановления, касающиеся людей или товаров, вопросов купли- продажи. Дворы должны пользоваться свободой и в том смысле, что скрывшегося во дворе преступника никто не обязан выдавать. Эти положения, повидимому, не были полностью признаны Новгородом—он всегда требовал выдачи бежавших туда преступников, как и вмешивался в различные дела подворьев. Что же касается разбора тяжб и иных столкновений между немцами, то смо-

[1]) См. Schultze. Gästerecht und Gastgerichte in deutschen Städten des Mittelalters. Histor. Zeitschr. 1908, p. 503.

[2]) Bahr, p. 77—78 Тоже в Англии, в Антверпене и т. д.

ленские договоры 1229 и 1259 г.г. предоставляют им в этом отношении полную свободу; возможно, что и Новгород стоял на этой точке зрения.

Далее, между дворами немецкими на улице не должна быть терпима «неистовая забава, в коей люди бьются дрекольем, дабы русские и гости не имели повода к ссорам». Речь идет, повидимому, о старинных обычаях, сохранившихся на Руси еще с языческих времен и выражавшихся в разного рода играх, соединенных с драками, которые нередко кончались убийствами. И это постановление в договор не вошло. Но характерно, во всяком случае, что немцы требуют такого запрещения, чтобы избежать всяких возможных столкновений с новгородцами. Незначительное недоразумение могло ведь явиться исходной точкой для насилий, убийства и ограбления купцов и разрыва между Новгородом и Ганзой.

С этой точки зрения весьма существенной являлась ограда гостиного двора, которая отделяла поселения немцев от прочего Новгорода и устанавливала черту, где начиналась их фактория, куда доступ новгородцам был запрещен. Поэтому-то они придают большое значение устройству и сохранению ограды и праву ее чинить и обновлять, в случае необходимости (в латинской грамоте 1268 г. ст. 13, 15). В ст. 13 договора 1269 г. установлена наказуемость на те случаи, когда кто-либо сломает ворота или ограду немецких дворов. В немецком проекте сломавший ворота или забор двора или пустивший в него стрелу или камень должен заплатить 10 гривен серебра,—наказание высокое, такое же, какое полагается за убийство купца. Всякая порча ограды или ворот или бросанье стрелы или камня, будучи само по себе, быть может, преступлением небольшим, приобретает крупное значение, ибо является нарушением мира и неприкосновенности фактории. Новгородцы, однако, тут же (ст. 13 договора) прибавляют, что там где выломана старая ограда, должна быть поставлена новая, но она не должна быть передвинута дальше, чтобы не было захвачено новое пространство. Новгородцы заботятся о том, чтобы немцы не расширяли своей территории.

Наконец, та же идея выражена в ст. 12 договора, в которой трактуются случаи наиболее резкого нарушения мира в виде похищения товара или насилия над купцами в пределах иностранной фактории (вся суть именно в последнем). В договоре говорится только о предании виновного суду, тогда как в латинской грамоте немцы идут гораздо дальше: вломившийся в немецкий или готский двор с оружием в руках платит 20 гривен серебра, т.-е. сумму, полагающуюся за убийство привилегированного лица (посла, священника, ольдермана), а сообщники 1½ гривны (то, что установлено за нанесение раны или увечья), сверх возмещения нанесенного убытка;

если же не будет уплачено, то отвечают новгородцы. Эти наказания имеют место, если совершивший преступление не был тут же задержан. В последнем случае он подвергается расправе со стороны немцев, и начальство новгородское за него не вступается. Или же они могут предать его суду, и «тогда его должно наказать всенародно» [1]).

Ряд статей договора 1269 г. (и латинской грамоты 1265 г.) дает нам картину того, как совершался транспорт немецких товаров в Новгород. Прежде всего мы узнаем (ст. 4), что лодьи, куда выгружались товары из морских кораблей для перевозки их по Волхову, нуждались в особенных лоцманах, которые проводили их через пороги (существующие на Волхове и в настоящее время). Это должны быть «сильные и умелые люди» «добрые люди», в противном случае, как показывал опыт, лодьи застревали и гибли на порогах. Лодьи должны были транспортироваться на порогах «безостановочно», «немедленно», так как всегда возможно было нападение на суда. Бывали случаи, когда немцы подвергались ограблению «потому, что новгородцы не желали везти товаров в Новгород немедленно», как это было в начале XIV ст. Во время поездки происходили нередко ссоры и драки между немецкими купцами и русскими лодочниками. Договор (ст. 5) определяет, что если стороны вслед за этим примирятся, то на этом дело кончается; в противном же случае они должны явиться к судебному разбирательству перед тысяцким и новгородцами во дворе Ивана, где—как мы видели—вообще разбирались ссоры между немцами и новгородцами.

Спорным являлся вопрос относительно тех случаев, когда лодья потерпит аварию. Взгляды немцев и новгородцев на этот счет расходились. Конечно, и новгородцы не требовали, чтобы немецкий купец покрывал стоимость судна, но только они находили, что он должен уплатить полную наемную плату за лодью и не только в том случае, если она потерпит крушение, будучи уже нагружена товарами, но и тогда, когда это произойдет на пути к месту погрузки. Они исходят, следовательно, из того, что договор найма действует уже со времени отхода судна из Новгорода. Немцы же заявляют, что они платить не должны, если лодья потерпела крушение, еще не будучи нагружена товарами; если же она уже приняла товар, то, в случае аварии, уплачивается только за пройденный с грузом путь. Кроме того, они не желали платить, в случае несвоевременного прибытия лодьи к месту погрузки. В договоре получила выражение точка зрения новгородцев (ст. 7): если разобьется лодья, отправившаяся за товарами или нагру-

[1]) Так переводит слова: «pena publica puniatur» Андреевский (стр. 28), тогда как Гетц (стр. 125) понимает их в смысле смертной казни, хотя он и признает, что русскому праву было известно убийство лишь на месте преступления, но не впоследствии, почему новгородцы и не согласились на это требование немцев.

женная ими, то за лодью не должно платить, а за наем ее должно заплатить. Последнее понималось в смысле обязанности уплаты полностью за весь путь, хотя бы немецкий купец вовсе не воспользовался судном, ибо оно потерпело крушение, еще только отправившись из Новгорода за грузом. Это можно усмотреть из жалоб немцев от 1335 г. по поводу того, что новгородцы требуют «уплаты полностью за наем судов, погибших по дороге» [1]).

По прибытии судов в Новгород товары необходимо было перевезти на возах или перенести в гостиные дворы немецких купцов. Перевозчики товаров в Новгороде (ст. 9) получают с каждой лодьи за доставку к немецкому двору 15 кун, к готскому—10 кун, а при вывозе товаров из Новгорода за перевозку до берега по полмарки с лодьи. Из того, что за перевозку товаров на немецкий двор уплачивалось в полтора раза больше, чем за доставку их на готский двор, Сарториус делает вывод, что последний находился ближе от берега Волхова, чем первый, и, следовательно, по его мнению, и возник ранее, чем немецкий, ибо раньше поселившиеся, вероятно, избрали наиболее удобное место [2]).

Во всех этих статьях, касающихся транспорта товаров, как мы видим, речь идет только о немцах в Новгороде, но ни словом не упоминается о перевозке русских товаров в немецкие города, причем, с одной стороны, фигурируют немецкие купцы, а с другой, русские лодочники, проводники на порогах, извозчики, в других источниках и переносчики товаров. Повидимому, Новгород не предоставлял немцам, несмотря на все их требования, права пользоваться собственными средствами транспорта и своими людьми, желая сохранить исключительно за новгородцами и эту отрасль деятельности.

Из договора 1260 г. мы узнаем, что взвешивание пудами по просьбе немцев упразднено: «поуд отложихом, а скалви поставихом по своеи воли и по любви». Новгородский князь Александр Невский, заключивший договор с немцами, заявляет, что он сделал это добровольно и из особой любезности к немцам, хотя несомненно это было совершено по настоянию последних. Однако, из ст. 26 договора 1269 г., как и из других соглашений, видно, что взвешивали все же не на немецкие, а на русские весовые единицы, применяя гирь, обычную в Новгороде. Так что победа немцев, выразившаяся в постановлении 1260 г., была лишь частичная, заключась главным образом в том, что они избавились от неудобных для них пудов, заменив их капями в 8 ливонских фунтов (как говорится в латинской грамоте). Повидимому, и самые весы стояли на немецком дворе—латинский текст следует, очевидно, понимать в том смысле, что «товары, привезенные гостем, должны взвешиваться в гостином дворе, подобно тому, как

---

[1]) Hans. Urkundenbuch II № 559. § 17.
[2]) Sartorius-Lappenberg, B II, p. 99.

это делалось прежде на весовом дворе» (т.-е. русском, где находились весы). Это соответствует постановлению договора 1260 г. Но весовщик был, надо полагать, новгородец. В пред'являемых немцами требованиях, назначенный весовщик должен целовать крест в уверение, что будет вешать одинаково для обоих сторон, а при взвешивании серебра гость может требовать вторичной поверки—очевидно, гости не очень доверяли весовщику и старались обезопасить себя от возможных с его стороны злоупотреблений. При этом в договоре 1269 г. (ст. 26) различаются весы и гири для серебра, с одной стороны, и для иных товаров, с другой, как это мы находим и в других местах, где торговали ганзейцы — в Лондоне в 1309 г., в Дортрехте в 1359 г., в Брюгге. Всегда различаются большие весы для товаров и меньшие, но более точные, для взвешивания серебра, заменявшего монету; в виду высокой ценности серебра, нельзя было ограничиваться при взвешивании его огульным, приблизительным весом, как это было обыкновенно в те времена при взвешивании прочих товаров.

Во Фландрии, где ганзейцы, вообще, пользовались чрезвычайно широкими привилегиями, они не имели собственных весов (своего весового двора), но держали собственные нормальные весы и гири для проверки официальных весов, которыми все обязаны были пользоваться (жители, как и иностранцы, могли иметь в своих домах только небольшие весы с гирями до 60 фунтов). При этом и во Фландрии весовщики, как и маклеры, давали клятвенное обещание в том, что они не будут обманывать ни продавца, ни покупателя. Эту клятву они приносили при вступлении в должность в присутствии представителей от немецких купцов, что признавалось последними весьма важной привилегией [1]).

Постановлениями относительно весов подтверждается то крупное значение, какое придавалось взвешиванию товаров в те времена, и не только на Руси, но и в Западной Европе. В большинстве случаев обходились еще без мер и весов, покупая и продавая товары на глазомер. Весы появляются первоначально, как и монета, только для рынков и на рынках, где совершались значительные обороты, причем они имели публичный характер, так же, как и монета. Пользоваться собственными весами не дозволялось, всякий при продаже товаров обязан был прибегать к публичным весам, установленным местной властью, и к назначенным ею весовщикам. Это вызывалось тем обстоятельством, что все операции купли-продажи должны были совершаться публично, на рынке, в присутствии свидетелей, ибо только тогда можно было быть уверенным в том, что они происходят без насилия [2]). Но причина состояла и в том, что весы так же, как и самое устройство рынка, чеканка монеты для него и т. д., должны были приносить доход тому, кому принадлежал рынок. На-

[1]) Bahr, p. 192 сл.

[2]) См. мои Лекц. по истор. экон. быта Зап. Европы, 6 изд I Стр. 75 сл.

ряду с рыночными пошлинами, доходом от чеканки монеты получался и весовой сбор, уплачиваемый со взвешиваемых товаров. Из устава князя Владимира Святого конца X ст. мы знаем, что меры и весы находились под надзором епископов, а в Новгороде главный доход церкви св. Иоанна Крестителя заключался в платежах за пользование мерами и весами, которые хранились в церкви и находились в управлении двух церковных старост [1]). Новгородцы и пользовались «локотем Иванским», принадлежавшим этой церкви. Равным образом, в латинской грамоте 1268 г. немцы устанавливают, что нормальная мера длины должна храниться в немецком храме св. Петра.

Однако, несмотря на огромное значение, которое придавалось мерам и весам, требованию постоянной поверки их и замены испорченных гирь новыми, точности при взвешивании все же не получалось, ибо с одной стороны не было правильных гирь, а приходилось их нередко попросту заменять камнями, а с другой стороны, злоупотребления при взвешивании были весьма велики. Немцы жалуются в 1335 г., что при взвешивании воска или иных товаров весовщик давит на чаши рукой или ногой [2]), как это бывало и в Англии [3])

Ст. 20 договора 1269 г., согласно которой «кто, вступив с немцем или готландцем в торговые дела, испортит или растратит его товар, должен прежде всего удовлетворить гостей, а потом других, коим должен», хотя и является существенной привилегией для иноземцев, но такой, которая издавна существовала на Руси (она имелась—как мы видели выше—уже в «Русской Правде»), так что ганзеицам настаивать на ней и бороться из-за нее не приходилось. Новгородцы несомненно согласились на это постановление, как само собою разумеющееся. К этому присоединяется, как видно из следующей статьи (21) договора, и потеря свободы несостоятельным должником, который «выдавался головою на продажу» немцу—отношения рабства между иностранцами и русскими были возможны в древнее время [4]). В латинской грамоте говорится в дополнение к этому, что заимодавец выводит на торг не уплатившего долга вместе с женой и детьми и волен увезти из Новгорода, если на торгу его никто не выкупит. Действительно, в 1284 г. князь Федор Ростиславич Смоленский выдает рус-

---

[1]) Д. А. И. I. № 3.

[2]) Hans. Urkundenbuch. II. № 569 § 10. III № 571. § 9.

[3]) В постановлении английского парламента 1353 г., касающемся иностранных купцов, говорится, что взвешивание должно производиться так, чтобы обе чаши весов были одинаковы и находились в равновесии, и чтобы никто не трогал их при взвешивании ни руками, ни ногами, ни иным чем-нибудь.

[4]) Сергеевич. Древности русск. права I. 1909 Стр. 153. Мулюкин. Юридич. положение иностранн купцов 1912 Стр. 137. См. выше, стр. 146.

ского должника Арманови́ча вместе с двором немцу Бирелю («выдал есмь Арманови́ча и с двором немьцом»), при чем на суде участвовали с ним вместе 6 бояр и 6 немцев [1]).

Однако, кроме рассмотренных нами вопросов, касающихся товарообмена,—вопросов о пошлинах, о взыскании долгов, о взвешивании товаров, имелся в те времена еще целый ряд других, которые должны были регулироваться торговыми договорами. Из того обстоятельства, что купцам предоставлялось право свободного приезда в страну, еще вовсе не следовало, что они могли производить торговые операции в любом объеме. Торговая деятельность иностранцев в эту эпоху повсюду ограничивалась в различных направлениях. Обыкновенно им не дозволялось торговать с другими иностранными или иногородными купцами, продавать товары в розницу, закупать их у местных жителей, в деревнях, тут же на месте перепродавать приобретенные товары и многое другое.

Как предыдущие договоры Новгорода с немцами, так и договор 1269 г., совершенно не касаются всех этих вопросов. Только в латинской грамоте 1268 г. немцы настаивают на том, чтобы им было предоставлено торговать с другими гостями, как в своих гостиных дворах, так и за пределами их, т.-е., по-видимому, торговать с русскими купцами, приезжающими в Новгород из других областей. За пределы Новгорода, как упомянуто, немцы могли ездить, и установлено было, что возникающие там между немцами и местными жителями тяжбы должны решаться на месте и не касаются Новгорода. Об этих поездках немцев свидетельствует и сообщение новгородской летописи о нападении новгородцев на немецких купцов в Новоторжке в 1188 году. Но в данном случае немцы желают торговать с приезжими и в самом Новгороде, на что последний, надо полагать, не соглашался. Так, по-видимому, следует понимать исключение этого постановления в договоре 1269 г. Действительно, в 1424 г. двух немцев, пытавшихся купить у литвина меха, повлекли за это на суд к св. Иоанну, где они и были присуждены к заключению в оковы. Когда же затем, по взятии арестантов на поруки, немцы требовали от тысяцкого раз'яснения, то тот, сославшись на недавно имевшее место взаимное подтверждение руководствоваться во всем стариною, отвечал, что, на основании старины, нельзя торговать с литовцами.

Новгородцы крепко придерживались этого принципа; даже своим князьям—как мы видели (стр. 131) они запрещали непосредственную торговлю с немцами. И далее когда самостоятельность новгородцев приходила к концу, в договоре 1471 г., которым они признавали власть московского князя Ивана Васильевича, они еще выговаривают себе право исключительной

[1]) Русско-лив. акты, № XXXVII

торговли на немецком дворе. И точно также, заключив союз с польским королем Казимиром IV в 1470 г., Новгород подтвердил еще раз запрещение торговли гостей между собою в отношении польских и литовских купцов и сохранил за собой посредничество в торговле с немцами, «а гостю твоему торговати с немци нашею братьею». На это правило, господствовавшее в Новгороде, ссылаются и жители Полоцка в 1405 г.: «а с новгородьци немецкому купцю торговати, а промежи ими ходити нашему полочанину, занеже нас новьгородци не пустят у немечькии двор торговати без своего новьгородца» [1]). Между тем в других странах ганзейцам удалось добиться права непосредственной торговли с другими иностранцами, так что в этом отношении обнаруживается значительное различие между положением их в Новгороде и в других местах.

Такое разрешение торговли гостя с гостем дано им в Англии в 1303 г., и в Голландии в 1358 г. (Дортрехт), и во Фландрии в 1360 г. Уже в 1252 г. немцы пред'явили такое требование во Фландрии, а в 1280 г., когда они перенесли свое складочное место из Брюгге в Арденбург, они ссылались на то, что в Арденбурге им предоставлено право торговли с гостями. При возвращении их обратно в Брюгге, они, повидимому, были и здесь наделены этой привилегией. По крайней мере, в 1304 г. Брюгге запретил иностранным купцам торговать между собой в розницу, из чего следует, что оптовая торговля между гостями была дозволена. На это указывает и грамота Брюгге, именно в 1282 г., т.-е. по возвращении обратно всех выехавших иностранных купцов, предоставляющая англичанам это право. Между тем, признание за купцами одной национальности права торговать с другими иностранцами, означало в сущности распространение его и на этих прочих иностранцев, с которыми они могут заключать торговые сделки. Наконец, в 1307 г. это право официально признано за ганзейцами графом фламандским (они могут продавать, покупать и, вообще, торговать между собою или с кем-либо другим по всякому способу купли-продажи), а спустя два года его подтвердил и г. Брюгге для городской территории [2]).

В привилегии, полученной немецкими городами у норвежского короля Магнуса в 1285 г., говорится, что немцы «могут все закупать наряду с жителями места, куда они приехали, т.-е. не только у горожан, но и у гостей, и даже у крестьян»,—им предоставлено, следовательно, право не только торговать между собою, но и вступать в непосредственные сношения с сельскими жителями, что обыкновенно в интересах местных купцов запрещалось [3]).

Что касается права производить розничную торговлю, которого они также всегда усиленно добивались, то Никитский

[1]) Сб. Гос. Гр. и Дог. I. № 3. Русско лив. акты. № CLIV. Никитский. 149—51.

[2]) Hans. Urkundenbuch. I. № 31 § 1. II. № 121. § 2. № 154. § 2. III № 397 § 6. № 624. Fahr. ук. соч.

[3]) Фортинский. Приморские вендские города. 1887. Стр. 251.

полагает, что они обладали им и в Новгороде. Он ссылается на постановление самой ганзейской конторы 1346 г., согласно которому ученики на немецком дворе в клетях могут продавать перчатки парами, синюю пряжу на фунты (но не меньше), полотна и грубые сукна полуфунтами, но не меньше, серу — на гривенки, иголки — дюжинами, любекские иголки на сотни, четки — полдюжинами, сафьян — фунтами, пергамент — полусотнями [1]). Кроме того, в начале XV ст. немцы жалуются на то, что новгородцы нарушают старинный обычай, препятствуя им заниматься разносной торговлей на улицах. Однако, в то же время нам известны и другие постановления, изданные самими ганзейцами для новгородского подворья и относящиеся (как и приведенное выше) к половине XIV ст., в которых говорится, что «никто не должен продавать холст иначе, как целыми кипами или кусками», и что «запрещается кроить во дворе шганы и плащи или разрезывать сукно для продажи», т.-е. (технический термин) продавать его в розницу. Меха должны закупаться в количестве не менее 1.000, 500, 250 штук. К этому прибавлено, что, в случае нарушения запрещения розничной торговли, купцы сами же пострадали бы от этого [2]).

При таких условиях едва ли можно говорить о предоставлении немцам в Новгороде права торговли в розницу [3]). Напротив, английская грамота 1303 г. дарует им право «пряности и бакалейные товары попрежнему продавать в розницу кому угодно». В 1366 г. им дозволена розничная продажа во Фландрии. С давних пор ганзейцы пользовались этим правом в Норвегии [4]).

Во всяком случае, мы находим в Новгороде различные стеснения ганзейской торговли, от которых последняя была избавлена в других странах — в Англии, Норвегии, Фландрии. Причина заключается в том, что там ганзейцы пользовались гораздо большей силой и могуществом, чем на Руси. В Англии, как и в Норвегии, большую роль играла задолженность короля и аристократии немецким купцам, в силу которой и ради получения новых займов они вынуждены были соглашаться на всевозможные льготы, доходившие до того, что в Англии ганзейцы могли торговать не только с гостями в розницу, но и в селах непосредственно с крестьянским населением, совершенно обходя английское купечество, которое не могло разви-

[1]) Никитский, 151.

[2]) Новгородская скра, ст. 96, 100. Андреевский. Прив. I. 90—91.

[3]) В Риге и Ревеле гостям была запрещена торговля в розницу Napiersky. Rigisches Stadtrecht. p. 204. 214. 218. 223. 229. 235. Goetz. Handelsgesch. p. 354.

[4]) Sartorius-Lappenberg. II. p. 271. Фортинский, 261. Schanz. Englische Handelspolitik. I. 391.

ваться при таких условиях; мало того, пошлины при вывозе и ввозе товаров ганзейцы нередко уплачивали в меньших размерах, чем сами англичане. В Новгороде мы не находим ни этих кредитных операций ганзейцев, ни того влияния князей и бояр, которое могло бы доставить иностранным купцам значительные выгоды. Власть князя была сильно ограничена, и—как мы видели—даже торговать с немцами он не мог непосредственно, а должен был обращаться к посредничеству новгородцев.

Что касается Фландрии, то там условия в этом отношении были отчасти сходны с Новгородом, хотя и не вполне, но зато там местное население извлекало значительную выгоду из приезда немецких купцов (как и итальянцев), как благодаря возможности сбыта изделий широко развитой в то время во Фландрии шерстяной промышленности, так и вследствие производства ряда подсобных и торговых промыслов, которые находились в руках фламандцев. Таковы были профессии содержателей постоялых дворов и товарных складов, маклеров, нотариусов, корабельщиков и т. д., самую же торговлю в тесном смысле местное население всецело отдавало иностранцам [1]). В Новгороде выгодное занятие сдачи иностранцам квартир и складов и содержания харчевен отпадало, так как немцы жили и хранили товары в своих гостиных дворах и в городских дворах русских, селились, повидимому, лишь в виде исключения. Морского порта в Новгороде, в виду его континентального положения, не могло быть, что опять-таки лишало население многих существенных выгод, не было ни маклерского промысла, ни нотариусов. Оставалась одна лишь деятельность по перевозке товаров по Волхову и до гостиных дворов немцев, почему новгородцы, как мы видели, и монополизировали этот транспортный промысел. Но выгода получалась бы слишком небольшая, если бы новгородцы не сохраняли одновременно с этим в своих руках и посредничества в торговле между немцами и приезжавшими в Новгород русскими из других областей, как и вообще не старались бы по возможности удерживать торговые операции в своих руках.

В отличие от англичан, фламандцев, норвежцев, новгородцы не прекращали и собственной активной торговли с немецкими городами. В то время, как купцы других стран почти не выезжали за свои пределы, ибо ганзейцы вели с этим решительную борьбу, не допуская, напр., приезда англичан в Норвегию, фламандских судов в Балтийское море, в отношении Новгорода они вынуждены были терпеть нарушение их монопольного положения. Это обусловливалось в значительной мере выгодным расположением Новгорода в отношении ливон-

[1]) См. мои Лекц. по истор. экон. быта Зап. Евр. I, 170 сл.

ских городов, которые вообще стояли несколько поодаль от прочих участников ганзейского союза, в частности от Любека и иных вендских городов и вели отчасти самостоятельную политику. В эти находившиеся поблизости ливонские города и ездили новгородцы, тогда как их путешествия в прочие, более отдаленные местности, расположенные у Балтийского моря, повидимому, скоро прекратились. Как мы видели выше, уже договор 1260 г., в противоположность договору 1195 г., упоминает лишь о поездках на остров Готланд, но не на континент, причем и тут новгородцам приходилось пользоваться немецкими судами, за отсутствием собственного торгового флота. В этом отношении, следовательно, Новгород находился в равных условия с прочими посещаемыми ганзейцами городами и местностями—в вендские города, как и в другие прибалтийские страны, никто из новгородцев не ездил, посредничество между ними принадлежало одной Ганзе.

Правда, новгородцы постоянно предъявляли немцам требование принять на себя ответственность за несчастные случаи или ограбление русских на море. Ревель в 1406 г., Рига в 1424 г., ливонский орден в 1420 г. возражали на это, что от морских разбойников немцы также страдают, как и русские, и отвечать за убытки русских «в открытых водах и морях они не могут».

Из всего этого, казалось бы, следует, что новгородцы совершали и впоследствии, еще в XV ст., путешествия по морю. Однако, едва ли это были поездки в вендские города и далее на Готланд [1]). Без всякого сомнения речь идет о плаваниях в Ригу, Ревель и прочие приморские ливонские города. Из источников нам действительно известно, что новгородцы ездили в эти города, главным образом, морским путем, наиболее удобным и наиболее дешевым в те времена, тогда как перевозка товаров сушей при ужасном состоянии дорог была почти немыслима. Да и переговоры в XV ст. велись уже исключительно между Новгородом и ливонскими городами Дерптом, Ревелем, Ригой, и ответ на предъявляемое новгородцами требование, чтобы немцы возмещали им понесенные на море убытки, дают каждый раз эти города, ибо только их и касаются претензии торговцев.

В эти города новгородцы действительно отправлялись и не только в XIII—XIV, но и в XV ст. Это мы можем заключить прежде всего из многократных случаев ограбления новгород-

---

[1]) Лишь в виде исключения упоминается (1440 г.) о том, что купцы из Пскова привозят меха в Данциг, и о них же вероятно идет речь в жалобах на то, что русские с мехами ездят в Данциг, Бреславль и Варшаву (1437 г., 1443 г.), но это могли быть и полочане Hanserezess. Abt I B VIII, № 712. Abt III, B IV №№ 39, 40. Hans. Urk Buch. B. XI № 660. Lüb. Urk.—Buch. IX. №№ 147, 153. Gesetz. Dent.—russ Hand. S. 397—400.

цев в Нарве и на Неве, которые подавали им повод к насилиям над немцами и о которых мы отчасти уже упоминали выше. В других случаях источники прямо сообщают о пребывании новгородцев, как и псковичей, в ливонских городах. Так, в соглашениях 1342 и 1376 г.г. по поводу воска и меха, привозимого русскими купцами, упоминается в качестве мест сбыта его Дерпт, Рига и Ревель, а также Готланд. В 1406 г. Дерпт выдает новгородцам «опасные грамоты», т.-е. охранные свидетельства для свободного проезда туда и обратно. В 1439 г. Новгород соглашается отпустить задержанных им немецких купцов лишь после того, как все русские купцы, захваченные в Дерпте и Ревеле, вернутся целы и невредимы со своими товарами в пределы новгородской области. В 1461 г. новгородцы жалуются на насилие и ущерб, причиненные им в Ревеле и Дерпте, и, повидимому, в связи с этими событиями в соглашении 1466 г. было установлено, что немцы не должны заключать русских в темницы, очевидно, в ливонских городах. Упоминается о русской церкви в Дерпте, где новгородцы имели собственные дворы, в 1481 г. о русском квартале в Дерпте, церквах и домах, а в договоре 1392 г. им предоставлено право торговать не только на территории епископа дерптского, но и далее за пределами заставы, находящейся на р. Эмбахе. Следовательно, новгородцы ездят не только в ливонские пограничные или приморские города, но и далее вглубь страны: «по нискупле (епископской) земле Юрьевского и по его городам горою и водою путь цист», «а что под нискуплим городом колода через реку за замьком, а туды новгородцкому купцьку путь цист» [1]). Наконец, в мирном договоре между Новгородом и Псковом, с одной стороны, и Дерптом и Ревелем с другой, установлено, что новгородским послам и купцам предоставляется «чистый путь» в дерптской области и право торговать любым товаром, а также ездить морем и сушей как в Дерпт, так и далее в Ригу, Ревель и Нарву. То же право устанавливается для псковичей, причем дерптские переводчики, помогающие им, не должны брать за это особого сбора, и псковичам разрешается рубка леса около Дерпта. Но сверх того, псковичам предоставляются еще и столь важные права в Дерпте, как торговля в розницу и торговля с гостями, именно с приезжими из Риги, Ревеля и Нарвы. Мы читаем нередко о том, что немцы берут у русских серебро или товары в Новгороде с обязательством уплатить деньгами или товарами в ливонских городах или, наоборот, в ливонских городах приобретают у русских товары, за которые уплачивают в Новгороде, что русские купцы доставляют немцам соль в Ревеле или имеют там на складе воск. И в Ревеле русские пытаются торговать неко-

[1]) Русско-ливонск. акты. № CXV.

средственно с голландцами и шведами, хотя сами запрещают немцам торговлю с гостями у себя. Все это свидетельствует о том, что их активная торговая деятельность в ливонских городах достигала значительных размеров[1]).

В 1494 г. Иван III закрыл ганзейское подворье в Новгороде и захватил находившихся там купцов и принадлежавшие им товары. Однако в этом событии не было ничего необыкновенного. Подобные действия являлись вполне обычными и очень скоро начались вновь переговоры и торговля возобновилась, а в 1514 г. был заключен новый договор на 10 лет. Мало того, при Федоре Ивановиче ганзейцы снова получили разрешение свободной торговли в Новгороде и Пскове, как и право приезда в Архангельск и Холмогоры. Однако в течение XVI ст. ганзейская торговля на Руси уже отступает на второй план, ганзейцы уже не имеют прежнего преобладания в торговле. Никитский приписывает упадок этой торговли частью тому обстоятельству, что в Ганзейском союзе не было единства, а города преследовали свои местные интересы, частью же и в особенности, открытию Нового Света и проложению морского пути в Индию, тому, что Балтийское море утратило свое значение, уступив его берегам Атлантического океана[2]).

Однако по вопросу о разногласиях между ганзейскими городами нельзя не заметить, что и прежде власть, главным образом, находилась в руках Любека, с которым рука об руку шли и прочие вендские города, тогда как между ними и ливонскими городами уже с давних пор происходила борьба, вызванная расхождением интересов, которая в результате привела к все большему сосредоточению влияния на Руси в руках ливонских городов. Тем не менее торговое преобладание Ганзы все же сохранилось и могло бы продолжаться и впоследствии, если бы не произошло перемены во всей структуре мирового товарообмена. Перемена эта заключалась, однако, не в открытии Америки и морского пути в Индию, ибо эти явления имели мало отношения к северным морям и торговля на них продолжалась не менее интенсивно, чем прежде, а в том, что выступили на сцену новые народы, которые именно на Северном и Балтийском морях стали развивать свою торговлю. В течение XVI века англичане, шведы, датчане, а затем и голландцы идут в этом направлении. Сначала они освобождаются сами от посредничества ганзейцев, создавая собственный торговый класс и выступая непосредственно в сношения с другими странами. Уже это должно было неминуемо

---

[1]) Hanserezesse. Abt. 2. B. I. № 452. B. II. № 331. Lüb. Urk. B. XII. № 179 Abt. II. B. II. № 510. Goetz. Deut.-russ. Handelsgesch. p. 360 и сл. 371. Goetz. Handelsverträge. § 33. Иконников. Опыт рус ист. II. 1. Стр. 757.

[2]) Никитский. 251 сл. 293.

привести к вытеснению Ганзы из занимаемого ею прежде положения, ибо Англия, Швеция, Дания лишили ганзейцев их прежних привилегий, заявив им, что в них более не нуждаются. Ясно, что на оставшихся немногих факториях, как напр., Новгороде, где без ганзейцев попрежнему обойтись не могли, Ганза держаться не могла. Но за этим первым шагом должен был неминуемо последовать и второй — стремление тех же народов, с своей стороны, стать посредниками между другими странами, в том числе и между Западом и Русью, и в результате ганзейцы и здесь должны были потерять свое значение [1])

II.

Наряду с договорами, заключенными Новгородом с немцами, мы находим еще другой источник, дающий возможность ознакомиться с характером и условиями товарообмена между Новгородом и немецкими городами—уставы, изданные немецким купечеством для немецкого двора в Новгороде и регулирующие жизнь немецкой фактории и торговлю ее с Новгородом. Договоры являются результатом соглашений между немцами и Новгородом, статуты же имеют односторонний характер, представляют собою своего рода правила внутреннего распорядка, автономно установленные немецким купечеством для ганзейской конторы в Новгороде и именуемые «скра (skra)·

Первоначальный смысл слова «скра» — *отрезанное*, почему Яков Гримм понимал его в смысле решенного, судебного решения, другие истолковывали этот термин, как деление на части или отделы; указывали и на то, что скра означает кожу, пергамент, а затем и записанные на них памятники. В этом понимании оно встречается весьма рано в скандинавских странах: в 1118 г. Haflidskra — законник, составленный Гафлидом, lögskrar — судебные книги, о которых упоминается в норвежских источниках XII ст., hirdskra — сборник, составленный при короле Магнусе в XIII ст. И впоследствии гильдейские статуты именуются в Швеции «gildeskra». в Дании уставы товарищества называются «skra». Мы находим этот термин в конце средневековья и в городах Вестфалии и Шлезвига в смысле постановлений. статутов (schrae): «мы, консулы (магистрат) и граждане города Аленрада, установили следующие статуты нашего города, именуемые скра и записать велели» (1335 г.). Название это появляется и в Гамбурге, в особенности же в Ревеле и в Риге в XV ст. в измененном виде schra, scrage, schragen; уставы рижских цехов именуются «schragen». Повидимому, во всех этих городах слово «скра» заимствовано из Скандинавии, и оттуда же оно перешло и в Новгород, — лучшее подтверждение того, что исходную точку в немецкой торговле с Новгородом

[1]) См. мои Лекции по истории экономич. быта Зап. Европы. Изд. 6-е. т. II, стр. 154 сл.

составляет шведский остров Готланд с его купечеством, вслед за которым пошли уже чисто — немецкие города [1]).

Новгородская скра сохранилась в целом ряде списков — Шлютер насчитывает семь списков, относящихся к эпохе XIII—XVII ст., некоторые из них встречаются в нескольких различных редакциях [2]).

Наиболее старинный список (первая скра) относится к XIII ст. и сам именует себя «скра», составленной «на основании обсуждения и постановления мудрейших всех городов немецких земель». Эта первая скра не намерена вводить ничего нового, а записывает лишь издревле господствующее «на немецком дворе в Новгороде» право для руководства всем посещающим этот двор. «Вот скра Новгородская. Да будет известно всем тем, кои здесь находятся и впредь сюда приезжать будут, кои видят эту скра и слышат, что от всего совета и по общему решению мудрейших мужей из всех городов немецкой земли, предписано это право, которое издревле соблюдалось и существовало в немецком подворье в Новгороде, блюсти и впредь всем тем, кто имеет обыкновение приезжать в упомянутое подворье водою и сухим путем» (ст. 1) [3]).

По мнению Шлютера, под мудрейшими всех немецких городов можно разуметь лишь собравшихся в Висби представителей купцов северной Германии, участвовавших в торговле с Прибалтийскими странами, ту организацию, которая именовалась «der gemeine Kaufmann». За готландцами ведь последовали и немецкие купцы, отправлявшиеся из г. Висби и по примеру готландцев приобревшие землю и построившие свой двор в Новгороде. Он думает поэтому, что в Висби и была составлена эта древнейшая скра, регулировавшая жизнь в общем для всех немецких купцов подворья и желавшая сохранить старинные обычаи и на будущее время, превращая их в писаное право [4]).

Вторая скра знаменует собою второй период в истории ганзейской торговли с Новгородом, когда первой роли среди

---

[1]) Frensdorff. Das statutarische Recht der deutschen Kaufleute in Nowgorod. Abhandl. der königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. 1887. B. 33, p. 2 сл.

[2]) Впервые все списки собраны и изданы Шлютером в 1914 г. (Schlüter. Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom XIII—XVII Jahrh. 1914). Раньше были отпечатаны только некоторые скра. См. Sartorius-Lappenberg. Urkundl. Gesch. des Ursprungs der deut. Hanse. 1830. II. 16 сл. 200 сл. 265 сл. По-русски у Андреевского. О договоре Новагорода с немецкими городами и Готландом. 1855. Прил. I. Новгородские скра и в „Чтениях имп. общ. истории и древн. российских". 1905. Кн. IV. Третья новгородская скра. Текст и рус. пер. с предисл. П. Таля.

[3]) Нумерация статей по Андреевскому, ук. соч.

[4]) Schlüter. Die Nowgoroder Schra in ihrer geschichtl. Entwicklung vom XIII bis zum XVII Jahrh. Sitzungsberichte der gelehrten Esthnischen Gesellschaft. 1911.

немецких городов добивается Любек. Это видно прежде всего из того, что в основу ее положено любекское право. Вторая скра состоит из двух частей—первая и меньшая содержит, с незначительными изменениями, первую скра, вся же остальная, если не считать немногих дополнений, заимствована, как выяснил, на основании детального анализа, Френсдорф, из любекского права. Многие статьи дословно повторяют соответствующие любекские постановления, в других лишь некоторые выражения изменены, соответственно иным условиям, имеющим место в Новгороде.

Напр., вместо города Любека поставлен двор св. Петра, вместо любекского фохта ольдерман двора, вместо «мужчины или женщины» только «мужчины», ибо в Новгород женщины не приезжали; вместо заключения в башню—сажание в погреб; размер вир значительно понижен. В некоторых случаях составитель скра об'единяет в одну статью несколько постановлений памятника, из которого он черпает, или он прерывает изложение последнего необходимыми добавлениями, а затем вновь обращается к своему источнику и продолжает следовать ему [1]).

Френсдорф полагает, что вторая скра и могла быть составлена только в Любеке в конце XIII ст. На это указывает и следующее весьма важное постановление (ст. 81): «если бы среди купцов во дворе возникло сомнение по поводу того или другого права, которое не записано, то об этом должно быть доведено до сведения совета г. Любека, который охотно пришлет свое постановление для включения его в книгу». Вслед за этим прибавлено в качестве заключения скра, что ее следует ежегодно читать от начала до конца — раз для летних гостей и раз для зимних (ст. 82). В копенгагенской редакции второй скра повторяется еще раз в ст. 86 положение, что, в случае сомнения, следует обратиться в Любек, и последний приложит старания к тому, чтобы его новое постановление облечено было в закон.

Напротив, в третьей—рижской редакции не только этой прибавки, но и первого постановления ст. 81 об обращении к Любеку не имеется, а идет непосредственно заключительная 82 статья о ежегодном прочтении скра. Здесь находим, следовательно, пропуск, и он, действительно, имеется в самом оригинале: последний содержит пустое пространство, на котором должно было быть упомянутое постановление, четыре строчки уничтожены, выскреблены.

Высказывалось предположение, что, здесь помещались те же слова относительно права Любека восполнить статут. Действительно, в 1298 г. рижский магистрат выражает свое сожаление по поводу уничтожения в статуте одного места, касающегося Любека, что сделано без его ведома и желания. Это заявление находится в связи с столкновением Риги с Тевтонским орденом, когда Рига обратилась за помощью к вендским городам, и представители Любека и Висби явились в Ригу в качестве посредников для восстановления мира между ней и орденом. Повидимому, любекские послы, находясь в Риге, узнали об исключении

[1]) Frensdorff, p. 11 сл.

этой статьи из скра, и Риге пришлось сделать упомянутое заявление [1]). В 1910 г., по просьбе Шлютера, была сделана попытка восстановить химическим способом стертые строки, и она увенчалась полным успехом На пустом месте появились слова: «если бы среди купцов во дворе возникло сомнение по поводу того или другого права, которое не записано, то об этом должно быть... (пропуск) охотно пришлет свое постановление для включения его в книгу». Слова, совершенно тождественные с теми, которые имеются в любекской и копенгагенской редакции. Только то место, где говорится «до сведения совета г. Любека», т.-е. где содержится самая сущность статьи, против которой Рига восставала настолько основательно соскребли, что восстановить его не удалось; но на пустом пространстве, несомненно, были написаны эти слова [2])

Это нежелание Риги предоставить Любеку право дополнять содержание скра, является одним из эпизодов борьбы между Висби и Любеком за власть и за управление новгородской факторией. Во второй скра в приведенной выше ст 81 (и 86) сухо выражен конечный результат этой борьбы, которая, вероятно, продолжалась весьма долго. Возможно, что это постановление не являлось чем-либо новым, а означало лишь признание уже ранее установившегося обычая, согласно которому возникающие при применении скра сомнения разрешал уже не Висби, а Любек. Что Любек этого добивался, и что взгляды городов по этому вопросу расходились, мы узнаем не только из рижского списка скра, где соответствующее место исключено, в виду нежелания Риги подчиниться этому решению, но и из других памятников.

В 1293 г., во время с'езда немецких городов в Ростоке, повидимому, внесено было предложение обращаться не в Висби, а в Любек, и разрешать дела по любекскому праву, причем саксонские города и ряд других единодушно высказались за это. Однако, для того, чтобы это решение могло вступить в силу, необходимо было согласие и других городов, почему Росток и Висмар предложили им сообщить, согласны ли они с принятым решением. В архивах сохранились (отпечатанные ныне) ответы 26 городов, которым был послан своего рода бланк с заранее заполненным содержанием; они должны были прибавить только число и месяц и приложить печать города. Огромное большинство городов это и исполнило, лишь некоторые сделали известные оговорки или добавления; Рига же высказалась в пользу Висби, хотя и выражала готовность пойти на компромисс; на сохранении прежнего порядка настаивал и Оснабрюк, как видно из выраженной ему со стороны Висби благодарности. Висби при этом указывал на то, как затруднительно должно быть для купца, находящегося в Новгороде или на Готланде, покидая свое имущество, отправляться в Любек для рассмотрения там его дела. Однако, последнее вовсе не имелось в виду, ибо, как сообщал в 1298 г представитель вестфальских городов, участвовавший на с'езде городов в Любеке, магистрату Дортмунда, дело сводится к тому, чтобы в случае сомнения, возникающего у немецких купцов в Новгороде, об этом через

---

[1]) Frensdorff, p. 30—31.
[2]) Schlüter. Sitzungsber, 1911.

посланных людей писалось в Любек, который им в свою очередь пришлет письменный ответ.

Во всяком случае Любек, как видно из приведенной выше статьи, одержал полную победу. Еще в конце XIII ст. Висби упоминал о «купцах, посещающих Готланд и Новгородское подворье», рассматривая Новгород в качестве какой-то прибавки к Готланду. Он разрешал все сомнения, возникающие в Новгороде, но теперь вынужден был это важное право уступить Любеку. Не только материальное право Любека вошло в статут, предназначенный для Новгорода, но и в процессуальной области апелляционной инстанцией являлся Любек. Иначе говоря, в Новгороде обязаны были руководствоваться нормами любекского права; если же возникал спор по поводу применения их, или немецкий купец возражал против решения суда, то спорный вопрос опять-таки разрешался Любеком, который мог изменить решение суда, дать определенное толкование данной статье скры, пополнить последнюю новым постановлением [1]).

В третьей скра, относящейся к началу XIV ст. и немногим отличающейся от предыдущей, устанавливается—в этом заключается почти единственное отличие ее от второй скра—компромисс. Любек готов поделиться властью с Висби, последнему отчасти удается восстановить свое влияние.

Первые три списка статутов находятся в тесной связи между собою, ибо первая скра включена и во вторую и третью, и третья, если не считать указанных двух статей и еще немногих других, не отличается от второй.

Скра четвертая, пятая и шестая в свою очередь образуют особую группу. Четвертая скра, состоящая из 16 отдельных частей, составлена в 1315-1355 г.г. и совпадает в некоторых отделах своих с другими постановлениями. Она отличается богатством содержания, дает ряд правил, касающихся порядка управления новгородским подворьем, безопасности его, условий торговли, рисует яркую картину жизни и деятельности немецких купцов в Новгороде.

Влияние Любека и здесь резко обнаруживается, хотя Висби еще и теперь не отказывается от своих прав. В первой скра говорится, что ольдерман двора, как и ольдерман св. Петра (они различаются) могут быть избраны из числа купцов любого города, во второй скра это указание пропущено, в четвертой они избираются только из представителей Любека и Висби попеременно, причем избирают их выборные от этих городов. Точно также священник и «мудрейшие» определяются этими двумя городами. Таким образом управление новгородским двором находится всецело в зависимости от этих двух городов, а так как в 1361 году Висби был занят и разграблен датским королем

[1]) Frensdorff., p. 9, 26 и сл.

Вальдемаром и постепенно стал приходить в упадок, то новгородская фактория очутилась в руках Любека.

В пятои скра, почти целиком повторяющей четвертую и относящейся к концу XIV ст., обнаруживается уже важная роль ливонских городов в управлении новгородским подворьем. В этот статут включено постановление ганзейских городов 1361 г., согласно которому имеют силу только те принятые в Новгороде решения, на которые дали свое согласие Любек, Висби и ливонские города Рига, Ревель и Дерпт [1]).

Обращаясь к содержанию различных списков скра и пытаясь на основании их дать представление об условиях жизни немцев в Новгороде и характере их торговли, мы должны исходить, главным образом, из третьей скра, различая лишь те части ее, которые содержались уже в первой скра, как от тех, которые были присоединены ко второй, так и от тех, которые появились впервые в третьей [2]).

К наиболее старинным статьям, содержащимся уже в первой скра (первой пол. XIII ст.), относятся те, которые определяют организацию немецкого двора, органы его и порядок управления. Немецкие купцы отправляются два раза в год в Новгород—летом и зимою, почему и различается караван (адмиралтейство) летних и зимних гостей. Каждый из них, по прибытии в Неву, избирает из своей среды двух ольдерманов (старейшин)—ольдермана двора и ольдермана св. Петра. Ольдерман двора, с своей стороны, избирает себе в помощники четырех мужей—ратманов, «мудрейших», как они названы в 3-ей скра. Эти ольдерманы первоначально—как мы видели выше—могли избираться из представителей любого города, впоследствии же (скра 4-ая) только из жителей Любека и Висби попеременно посланными этими городами лицами. Отказ от избрания на эти должности не допускался. Согласно 3-ей скра, если выбранный в ольдерманы «не захочет принять должность по доброй воле, то следует его упрашивать. Если он не захочет внять просьбе, то следует просить его трижды от имени подворья. Если он и этого не примет в уважение, то должен уплатить подворью 50 марок серебром»,—сумму весьма крупную. Однородная, хотя

[1]) Дерпт замещает должность священника в подворье, Дерпт и Ревель вступают в соглашения с Новгородом от имени всего ганзейского союза, наконец, в 1446 г. с'езд ганзейских городов в Стральзунде хотя и поручает управление новгородской конторой Любеку, но последний передает его ливонским городам и в особенности устанавливает, чтобы немцы в Новгороде во всех затруднительных случаях обращались к ним, и, в частности, чтобы подворьем ведал Дерпт. См Schluter. Sitzungsber. 39—40. Hausmann. Bal. Monatsschr. B 58, p. 257 сл.

[2]) Необходимо также иметь в виду отдельные изменения, имевшие место в особ. в третьей скра, по сравнению со второй, а также считаться с переменами, произведенными четвертой скра, и в особ. со значительными дополнениями к ней. Из последующих скра представляют интерес всего две-три статьи, остальные являются повторением четвертой.

и более низкая пеня (в 10 мар. серебр.), установлена и в случае отказа войти в состав «мудрейших».

Ольдерман подворья стоит во главе всего управления двором. По приезде в Новгород, он имеет право выбрать во дворе дом, где желает поместиться с товарищами, и там поселить столько людей, сколько пожелает (ст. 3). Он созывает собрание купеческой общины—стевен, на которое все обязаны являться под страхом пени (ст. 4, 6). В случае каких-либо столкновений между жителями подворья, об этом доносится ольдерману. Так, если ссора, происшедшая в пути, не улажена до прибытия в Новгород, то об этом извещается ольдерман (ст. 18). Если происходит ссора между купцами и их слугами, то об этом также сообщается ему (ст. 17). Наконец, в случае столкновений между учениками, если дело дошло до драки или убийства, об этом доводится до сведения ольдермана (ст. 16). В 3-й скра во всех этих местах слова «сообщается ольдерману» заменены словами «судит ольдерман», так что ему принадлежат и судебные функции. При этом—как прибавлено во 2-ой скра (ст. 71)—ольдерман и ратманы предварительно должны стараться помирить поссорившихся, а затем уже, в случае неудачи, судить их. В случае подачи жалобы на кого-либо из живущих в подворье и отказа его явиться на суд, он подвергается пене и кроме того ольдерман и ратманы должны вместе с истцом отправиться к клети, где хранится его имущество, и там положить решение по делу (ст. 45). Согласно первой скра из вир, уплачиваемых виновным, две части поступают в пользу св. Петра (казны св. Петра) и одну треть получает ольдерман пополам с ратманами (ст. 38—39, 41—42, 46, 52, 60). В 3-ей скра об этом отчислении из пеней в пользу ольдермана и ратманов не упоминается; штраф полностью поступает в пользу св. Петра.

Таким образом, мы имеем пред собою самоуправляющуюся единицу, немецкую купеческую общину, вполне организованную, с собранием членов и с должностными лицами, во главе которой стоит ольдерман подворья—представитель ее, судья, администратор, выполняющий, как и все прочие, эту должность лишь временно, пока он не закончил своих дел и не уехал обратно, и притом, по крайней мере впоследствии, безвозмездно. Ольдерману и ратманам запрещается принимать подарки свыше полумарки кун (ст. 65). Но исполнялось ли это? Не являлись ли эти подарки важным источником их доходов?

Все это относится, как кажется (из текста не ясно: говорится просто—ольдерман), к ольдерману двора, от которого следует отличать упомянутого выше ольдермана св. Петра. Последний, повидимому, ведал кассой св. Петра, грамотами и статутами, хранившимися в церкви, и товарами, в ней помещавшимися, следовательно, заведывал хозяйственной частью, средоточием которой являлась церковь св. Петра.

Купеческая община состояла из лиц троякого рода—из самостоятельных купцов, их слуг и учеников. Купцы образуют собрание общины (ст. 6), по прибытии в подворье бросают между собою жребий относительно занимаемых ими помещений (ст. 5), уплачивают определенный сбор в пользу двора (в виде процента с ценности привезенных товаров — ст. 22) и в пользу князя (ст 23). Они обязаны поочередно охранять днем и ночью двор и ночевать в церкви (ст. 20). Купцы привозят с собой слуг или приказчиков («когда хозяин привез слугу»—ст. 11). Для начинающего купца эти путешествия в другие страны имели не меньше значения, чем для ремесленного подмастерья странствования по городам. Будущему купцу ведь предстояло торговать с иноземцами, всю жизнь свою проводить в поездках. Здесь то он в молодости и узнавал торговые обычаи, учился торговать. Слуга производит продажу товаров по поручению хозяина (ст. 55). Но может случиться, что хозяин будет недоволен заключенной слугой сделкой; тогда слуга должен присягнуть, что он не может доставить товара покупателю и в этом случае он свободен от всякой ответственности. Это сказано во второй скра; напротив, согласно 3-ей (ст. 30), хозяин обязан присягнуть, что он не приказывал слуге продать, и тогда продажа считается несостоявшеюся. Таким образом, для расторжения сделки в первом случае достаточно отказа со стороны хозяина, и действия слуги теряют свою силу, тогда как во втором продажа недействительна лишь в том случае, если окажется, что слуга действовал без согласия хозяина. Если же имелось распоряжение последнего, то сделку уничтожить уже невозможно В 4-й скра предусматривается и случай, когда купец сам уезжает, но не успел распродать товар и поэтому ему предоставляется оставить слугу в Новгороде.

Наконец, с купцами приезжают и ученики. Они образуют особую группу с собственным старшиной (ст. 16), в их пользование предоставляется особая комната, поскольку она не занята товарами (ст. 10).

Здесь имеется, следовательно, обычное деление купеческого сословия на хозяев, слуг и учеников, подобно тому, как ремесленники состояли из самостоятельных мастеров, подмастерьев (слуг) и учеников. Такое же разделение на три ступени находим и в рыцарстве и в церковной иерархии средневековья. Связь между этими тремя группами была теснее, чем впоследствии, ибо она основывалась на обязанности слуг и учеников работать у хозяина в течение всего продолжительного срока найма и подчиняться его приказаниям. Покидая хозяина или оказывая ему неповиновение, слуга нарушал правила дисциплины. Сообразно этому, в 1-й скра уже говорится о том, что слуга обязан помогать своему господину и не может оставить его без его согласия (ст. 13). В случае же не-

послушания хозяину, «если бы он был столь дерзок дорогою или во дворе», он подвергается штрафу, при чем для главного виновника пеня составляет огромную по тому времени сумму в 10 мар. сер., а для соучастников 2 мар. (ст. 16). Упоминание о последних допускает мысль о соглашении между слугами, о своего рода забастовке, которая в то время считалась особенно резким нарушением обязанностей слуг, бунтом и возмущением, направленным против властей. Однако, в то же время и хозяин обязан был взять с собой привезенного им слугу (ст. 11) и не мог рассчитать его в случае болезни (ст. 12).

Из двух групп немецких купцов, посещающих двор св. Петра, купцов, едущих водой, и тех, которые приезжают горой, первые, повидимому, пользовались преимуществами. По крайней мере, если ольдерман едущих водой по прибытии в подворье находит ольдермана сухопутных гостей, то последний обязан ему уступить место. Равным образом, сухопутные гости должны по прибытии приехавших водным путем постесниться ради них, очистить занятые дома и уступить им (ст. 3, 5). Шлютер об'ясняет эти преимущества едущих водой тем, что первыми немцами, явившимися в Новгород, были заморские купцы из Готланда, а затем из вендских и вестфальских городов—все они ездили морем. Лишь с течением времени, когда укрепилось владычество ливонского ордена, приобрели значение и ливонские города, из которых купцы ездили сушей. Последних долго лишь терпели и только постепенно они приобрели равноправие с заморскими купцами—ездящие горой сравнялись с приезжающими водой. Действительно, в 3-ей скра, хотя и говорится по-прежнему, что сухопутные гости должны уступить место морским, но относительно ольдермана тех и других этого уже не сказано, а установлено лишь, что ольдерман подворья с прибытием нового ольдермана отказывается от своего звания (ст. 1).

Во второй скра предусмотрены различные виды преступлений, совершаемых членами купеческой общины, причем об'ектом являются, само собою разумеется, другие члены той же общины, а не новгородцы. Наиболее строгое наказание полагается естественно за покушение на права немецкого подворья, т.-е. за всякого рода действия, подрывающие его самостоятельность. Это как бы преступление против правительственной власти—за него установлен штраф в 50 мар. серебра, при неуплате которого виновный заключается в тюрьму (сажается в погреб); сверх того, он изгоняется из подворья навсегда (ст. 66). В 3-ей скра (ст. 56) прибавлено еще преступление, совершенное новгородцем против подворья или против немца. На это подается жалоба старшинам подворья, но также и тысяцкому новгородскому. Виновному может быть запрещено вступать в подворье в течение года, если он не даст возмездия за свою вину. Здесь речь идет в виде исключения о вине не членов общины, а по-

сторонних лиц в отношении последнего, причем самостоятельно подворье, конечно, не может налагать наказания на новгородца, а в состоянии только лишить его права посещать немецкий двор.

Наряду с наказаниями за преступления находим много случаев наказуемости всякого рода нарушений полицейского характера. В особенности 4-я скра содержит целый ряд постановлений, преследующих охрану порядка, безопасности, чистоты. Помимо упомянутых уже отчасти правил относительно пользования комнатами и клетями (для хранения товаров), относительно варения пива и меда, пользования дровами, имеется еще ряд статей, касающихся предупреждения пожаров, столь опасных в те времена, почему, напр., имелись особые сторожа, которые делали обход для надзора за огнем. Далее установлено, что тюки и бочки должны быть размещены в порядке, запрещено перелезать через забор, как и портить столы или скамьи, бросать солому, употребляемую при упаковке товаров, и многое другое.

Особое внимание обращалось на церковь. И не потому, что она являлась священным местом. Нет, с этой точки зрения она совершенно не рассматривается и о богослужении вообще нигде не упоминается. В этом отношении скра резко отличаются от цеховых статутов, где всегда на первом плане стоят религиозные обязанности членов. Правда, и здесь фигурирует священник, которого купцы привозят с собой и содержат на свои счет, но об его духовных обязанностях нет ни слова. Зато в 3-й скра (ст. 5) говорится о том, что священник обязан безвозмездно писать письма, необходимые св. Петру, т.-е. все официальные бумаги и документы для подворья. За известную плату он должен писать письма и для купцов. Из этого видно, что на первый план выдвигались светские обязанности священника. Он исполнял функции писца при подворье, крайне важные в те времена, когда большинство купцов не знало грамоты и когда выбранный ольдерманом купец не в состоянии был составлять необходимых в сношениях с новгородским правительством или с немецкими городами бумаг. Но и вообще не только в XIII, но и в XV ст. написать письмо считалось делом весьма сложным, и поэтому купцы и прибегали в своей коммерческой корреспонденции к помощи священника, обученного в монастыре.

Такой же характер, как деятельность священника, имели и функции самой церкви. Уже в 1-й скра (ст. 25) читаем, что «никто не должен торговать в церкви св. Петра ни с каким русским, будь то новгородец или гость» (иногородный), и за нарушение этого правила полагается высокий штраф в 10 марок серебра. В первой половине XIII ст. церковь, следовательно, служила для целей торговли, но только русских впускать туда для совершения торговых операций не дозволялось. Но и сто

чет спустя положение не изменилось. Из 4-ой скра узнаем, что в церкви по стенам были расставлены тюки с товарами, причем около алтаря стояли бочки с вином. Как указывает Бук, различные скра упоминают о церкви почти исключительно как о товарном складе, и мы имеем основания предполагать, что она в первую очередь была именно складом [1]). Этим об'ясняются те специальные меры охраны церкви от ограбления и от пожара, которые устанавливаются в скра,—особые ночные дежурства в церкви, особые смотрители за огнем, требование закрывать на ночь окна в церкви, двери ее задвигать болтами, тушить освещение на ночь и т. д. Мы уже видели выше, что в ранние эпохи истории торговли последняя всегда совершалась в храмах, как единственном месте, где можно было безопасно производить товарообмен. В частности такую роль играли церкви и на Руси У ганзейцев они служили товарными складами не только в Новгороде, но и в Брюгге, Бергене и других местах. На чужбине это было наиболее верное место, где товары были защищены от разграбления и где и купцы искали убежища. в случае нападении на них со стороны местного населения. Нам известны случаи, когда во время столкновении с новгородскими жителями немцы скрывались в церкви и тем избегали опасности быть убитыми [2]) В XIV ст. немецкая церковь в Новгороде была каменная, тогда как все остальные строения были деревянные, и это делало ее еще более ценной в качестве товарного склада. ибо при постоянных пожарах соседних деревянных построек она могла оставаться невредимой. Но. конечно, пожар внутри ее грозил гибелью хранившимся там товарам, что, при отсутствии страхования в те времена, являлось полным разорением для купцов. Приходилось поэтому прибегать к строжайшим постановлениям относительно пользования огнем.

Запрещение торговать с русскими в церкви, вызывавшееся нежеланием допускать их в это убежище, является уже одной из мер, регулирующих торговую деятельность немецких купцов в Новгороде. Если не считать установления обязанности для всякого купца до своего от'езда произвести расчет (ст. 26), то в 1-ой скра относящихся к торговле постановлений не найдем. Зато в следующих они появляются в значительном количестве. Здесь речь идет о случаях, когда немец везет товар других немцев по их поручению или когда они ведут торговлю в форме товарищества (ст. 70). Они могут ссужать друг друга деньгами или давать в долг товары; но каждый должен смотреть за тем, кому он дает взаймы. Ибо тот может продать или заложить полученное, и тогда заимодавцу придется его выкупать (ст. 73).

---

[1]) Buck. Der deutsche Handel in Nowgorod bis zur Mitte des XIV Jahrh. p. 63

[2]) Русско-лив акты № LXXV.

Один может быть поручителем за долги другого (ст. 58, 64). По-видимому, должник, в случае невозможности ни уплатить долг, ни представить поручителя, или если он, взявши чужой товар, растратил или проиграл его, отдается в кабалу кредитору. О таком случае отдачи одного немца в кабалу другому (об отдаче в кабалу русского немцу или наоборот предусмотрено, как мы видели, в договорах) говорится во 2-ой скра (ст. 53). Кредитор или господин может его держать взаперти и на привязи, но без ущерба для его здоровья, и обязан кормить его. Должник обязан выполнять работу для своего господина, пока не возместит ему долга, но продавать его запрещается. Упоминается о задатке, в силу которого договор считается совершенным, если получивший задаток не отступится от договора и не вернет задатка (ст. 56), также об аварии корабля, когда потеряна мачта или парус или приходится груз бросать в море (ст. 79). Эти постановления повторяются и в 3-ей скра (ст. 29, 32—33, 38, 43, 49, 52).

В отличие от этих статей, касающихся отношений немцев между собой, другие постановления скра относятся к отношениям между немцами и русскими. Они запрещают немцам устраивать товарищество с русскими или брать их товары на комиссию (sendeve.— ст. 29). Это распространяется и на других иностранцев—итальянцев, фламандцев, англичан (см. 31). Как можно усмотреть из неоднократных постановлений с'ездов ганзейских городов, такого рода операции Ганза решительно запрещала и столь же усердно боролась с образованием торговых товариществ, в которых принимали бы участие иностранцы. И то и другое противоречило ее монопольным стремлениям, которые не могли примириться с торговлей иностранцев в странах, рассматриваемых немецкими городами в качестве своих рынков. Иностранцы не могли допускаться сюда ни в каком виде, будь то непосредственно в качестве торговцев, или же косвенно в виде участников компаний немецких купцов или поручающих последним свои товары для продажи. Две последние формы являлись удобным способом обойти монополию Ганзы, ибо сбыт производился и в том и в другом случае немцем, а иностранец участвовал лишь своими капиталами или товарами. Эти формы участия были поэтому особенно опасны и союзу городов приходилось вести с ними решительную борьбу [1]).

Однако, ни жалоб, вызванных нарушением постановлений о товариществах или комиссионных операциях (в отношении Новгорода), ни направленных против такого рода действий решений с'ездов ганзейских городов, поскольку дело касается опять таки Руси, мы не встречаем, так что есть основания

[1]) См. Schmidt-Rimpler. Geschichte des Kommissionsgeschäftes in Deutschland. B. I (bizum 15 Jahrh.). 1915.

предполагать, что русско-немецкие товарищества составляли редкое явление и точно также товары русских принимались немцами на комиссию только в виде исключения. В четвертом же скра говорится вообще лишь о компаниях с участием ломбардов, фламандцев и не-ганзейцев, но ничего не упоминается о русских и лишь в шестом скра повторяется запрещение образования товариществ с русскими. А в постановлениях с'ездов ливонских городов читаем лишь о том, что тамошние жители не могут хранить у себя товаров, принадлежащих русским без извещения о том городского магистрата. Это еще не свидетельствует о принятии их на комиссию, но возможность торговых операций новгородцев через посредство ливонцев не исключена.

И опасения проникновения иностранцев в Новгород и Псков и нарушения тем самым монополии Ганзы на Руси были, надо думать, преувеличены. По крайней мере, сведений о посещении этих городов торговцами иных национальностей вплоть до конца XV ст. у нас почти нет. Исключение составляли, повидимому, голландцы, которые через Або попадали в Новгород, в особенности с сельдями. Немцы не решались выполнить совет Ревеля о задержании их и их товаров во время пребывания их в самом Новгороде и предлагали Ревелю сделать это при проезде голландцев на обратном пути, а в 1434 г. в связи с этим с'езд ливонских городов ограничил плавания и торговлю голландцев и зеландцев ливонскими приморскими городами, запретив им дальнейшие путешествия вглубь страны и торговлю с русскими. В 1350 г. в Новгороде появляется один ломбардец, которого немцы изгоняют, в 1398 г. снова через Ревель отправляется ломбардец в Новгород и ревельцы хотят его жестоко наказать за запрещенную торговлю оружием, но в обоих случаях за ломбардов вступается Ливонский орден. О путешествиях англичан, фламандцев или иных иностранцев в Новгород вообще ничего не упоминается, только в ливонские города и не-ганзейцы отправлялись, но и против этого немцы вели решительную борьбу. В 1489 г. они жалуются и московскому великому князю на ущерб, наносимый им торговлей посторонних Ганзе купцов.

Скра исходят из непосредственного обмена товара на товар в русско-ганзейской торговле и ведут борьбу с куплей-продажей на деньги. Пятая скра требует продажи сукна лишь на воск или меха или иной товар, а шестая запрещает иную торговлю, кроме меновой под угрозой 10 мар. штрафа. И другие данные подтверждают такой характер обмена. Торгуя с русскими в Ревели, ганзейцы отправлялись на суда и говорили—вот наши товары, которыми мы намерены платить. Когда русские отнимали у них части кораблей, немцам приходилось платить солью и другими товарами для получения их обратно. Соль обменивается на воск, хлеб на воск, меха или шелк. О холсте плохого качества говорится, что ни один человек не захочет взять плату

таким товаром. При этом, однако, оба товара расценивались на серебро и затем давалось соответствующее количество одного за другой.

И все же было бы ошибкой предполагать, что наряду с этим отсутствовали и платежи в деньгах. Упоминается о привозе немцами денег в Новгород, о задержании их с товарами и деньгами, о взвешивании серебра, о предоставлении русским платить деньгами или товарами, о фальшивых деньгах, полученных той или другой стороной, о том, что немцы дешево продают русским сукно в розницу на серебро. Хотя с'езды ливонских городов запрещают покупку мехов и сбыт сукна на серебро, ибо этого никогда не производилось, и даже еще в конце XVI ст. ганзейцы высказывали пожелания о возвращении к меновой торговле, тем не менее последняя, повидимому, уже гораздо раньше успела потерять свое значение.

Ганзейцы ведут далее усиленную борьбу с кредитными операциями, запрещая брать в долг у русских деньги или товары— это установлено уже во второй скра (ст. 28) под угрозой пени в 10 мар. серебром с каждой занятой сотни. Такого рода постановления издаются с'ездами городов и для других факторий— Брюгге, Лондона, Полоцка; Новгород не составляет исключения. Четвертая скра повторяет постановление второй, прибавляя, что «никто не должен покупать или брать в долг новгородский товар, за который будет уплачено в Дерпте или в другом месте, но не там, где товар куплен», ибо от этого могут возникнуть неприятности. Она запрещает брать в кредит или давать в кредит итальянским, фламандским, английским или русским купцам под угрозой потери всего имущества. Товары должны как продаваться, так и покупаться исключительно на наличные, или точнее, в виду того, что торговля имела преимущественно меновой характер, должны обмениваться товар на товар, как говорится в пятой скра, усиливающей наказание за нарушение этого правила до 50 марок сер. и запрещения посещать ганзейское подворье. Оба товара должны быть тут же, налицо, вместе, перед глазами—повторяется в различных решениях Ганзы. Ревель даже требовал у магистра Ливонского ордена выдачи одного из его жителей, в виду тайно совершенных им и запрещенных, под угрозой потери жизни и имущества, сделок в кредит с одним русским торговцем. Причина всех этих запрещений заключалась, повидимому, в том, что немец, который брал деньги или товары в долг у русского, оказываясь несостоятельным должником, попадал—как мы видели из договоров—в кабалу к русскому; являясь же его кредитором, он нередко лишь с большим трудом мог добиться удовлетворения своей претензии. И в том и в другом случае получались неудобства, повод для недоразумений, столкновения, приобретавшие легко национальный характер—кредитные операции евреев и ломбардов

являлись ведь вообще в те времена одним из поводов насилий над этими иноплеменниками и неоднократного изгнания из различных стран и городов и тех и других.

Однако, из постоянно раздающихся жалоб на то, что постановления эти не соблюдаются, можно усмотреть, что торговля в кредит, несмотря на все угрозы, все таки производилась в Новгороде, так же, как и в других ганзейских факториях (ганзейская контора в Брюгге возражала против этих запрещений), очевидно, без нее обойтись невозможно было. Мы узнаем, что немцы сбывают русским сукно в кредит на продолжительные сроки, чтобы последние могли до уплаты продать в розницу купленный товар, что с другой стороны, и ганзейцы в Ревели берут в долг у русских и затем долго не платят. Ганзеицы покупают у русских воск в Нарве и обещают в качестве эквивалента доставить весною соль, притом в Ревели, или наоборот ганзейцы передают русским купцам в Нарве соль взамен воска, который находится в Ревели. Упоминается и такой случай, который также подводится под куплю-продажу в кредит, хотя представляет собою в сущности сделку на срок, при которой, однако, обе стороны доставляют товар одновременно: немец и новгородец вступают в соглашение, согласно которому первый обязан доставить сукно в Нарву к известному сроку, второй одновременно передает ему меха. Таких сделок встречаем целый ряд. Здесь, впрочем, по средневековой терминологии имеет место так наз. Vorkauf (запрещенный), т.-е. покупка или продажа товара прежде, чем он еще имеется налицо. Борьба со всеми этими операциями была тем менее возможна, что даже сама немецкая фактория в Новгороде их нарушала, занимая у русских деньги, которые ей зачем нелегко было вернуть [1]).

В 4-й скра находим и два других весьма важных постановления. Одно из них устанавливает временный характер пребывания немецких купцов в Новгороде: «никто не должен оставаться постоянно во дворе для купли и продажи, но лишь только распродаст привезенные им товары, тотчас же должен ехать со двора». Впрочем, никакого срока не устанавливается, и если он, участвуя в летнем караване, не успел распродать товара, то может оставаться и на зимний сезон. Или же он может оставить слугу (приказчика) для продажи оставшихся товаров. Однако, такое пребывание в Новгороде более полугода, повидимому, являлось исключением, тем более, что, согласно другой статье, никто не должен привозить товаров на сумму свыше тысячи марок серебра; в противном случае, весь излишек привезенных или посланных свыше этого им товаров идет в пользу св. Петра Таким образом, и самый размер оборотов ограничи-

[1]) Hans. Urk.-Buch. VI №№ 413, 444, 477. См. Conze. Kauf nach hanseatischen Quellen. 1889.

вается. Аналогично постановлениям средневековых ремесленных статутов, определяющих максимум товара, который может изготовлять каждый мастер, чтобы не лишать заработка других ремесленников, и здесь каждому положен предел в интересах других купцов.

Правда, в поручении, данном Любеком посланному в Новгород лицу, упоминается, «о тех, которые имели больше товаров, чем это допускает закон св. Петра» (т.-е. скра), а в дополнении к шестой скра читаем, что при заключении в тюрьму ганзейцев в 1494 г (их было 30 человек) они потеряли товаров на 96 тыс. марок, так что на каждого приходилось в среднем по 3 тыс., втрое более установленной нормы. Очевидно, были и такие купцы, которые производили обороты гораздо большие. И в этом отношении мы имеем полную аналогию с ремесленными цехами того времени, которым не удавалось создать равное для всех положение—среди мастеров были и бедняки и весьма богатые [1]).

Каково было количество ганзейских купцов, посещавших Новгород? Скра и на это дают ответ. Четвертая скра предполагает наличность 30 купцов, живущих в четырех домах немецкого подворья, но ольдерманы могут разместить и большее число, а пятая скра постановляет производство выборов старейшин, если имеется налицо 30 человек Кроме того, в четвертой скра допущено на каждого купца по 2 слуг (приказчиков); если он берет с собой больше, то пускай сам заботится о помещении для них и не жалуется на недостаток места. Купцов и их помощников вместе взятых получается, следовательно, до 100 человек. В 1442 г. Новгородская фактория просит о присылке священника, ибо имеется много народу, до 100 чел. старых и молодых. И тут, следовательно, в подворье оказывается 100 чел. всего населения. К концу XV ст. при задержании купцов в 1494 г. их указано всего 49, по другому источнику даже только 30, напротив, в других случаях задержания немцев новгородцами число их значительно более ста: в 1396 г. 160, в 1425 г. 150, в 1438 г. даже 200. Приблизительно такое же количество ганзейских купцов находим в это время на другом конце их торгового владычества, в Брюгге—оба пункта, восточный и западный, имели равное торговое значение для Ганзы [2]).

В тех же скра встречаем указания на привозимые и вывозимые ганзейцами виды товаров. О предметах экспорта из Новгорода и импорта туда упоминается и в некоторых соглашениях между Новгородом и Ганзой, в жалобах, раздающихся с той и с другой стороны, как и в постановлениях с'ездов ганзейских

---

[1]) См. мои Лекции по истор экономич быта Зап. Евр., 6-е изд I, 127.

[2]) Ак. Ревельск. гор арх. №№ 34—35. Бережков. 176, 262. Иконников II. 1, стр 627 Goetz. Handelsgesch. p. 347. Daenell Die Blütezeit der deutschen Hanse. II. 1906. p. 396.

городов в Любеке и ливонских городов в особ в Ревели и в Пернове. Однако, в этих решениях с'ездов необходимо строго различать между данными, относящимися к торговле с Ливонией, и теми, которые касаются Новгорода и Пскова; иногда дело идет, наконец, о торговле Ганзы с Северо-Западной Русью. Еще более способны вводить в заблуждение записи вывезенных из Любека в Ревель и обратно товаров (реестры фунтовых пошлин) или судов, потерпевших крушение на пути между Любеком и Ревелем, ибо и в том и в другом случае наряду с новгородско-ганзейским товарообменом включены и товары, касающиеся импорта в Лифляндию и Эстонию или экспорта оттуда. Так как отделить их друг от друга невозможно, то приходится совершенно отказаться от привлечения материалов этого рода.

Обращаясь к источникам, мы сразу замечаем, что центром тяжести в новгородско-ганзейской торговле является, с одной стороны, вывоз мехов и воска, а с другой, привоз сукна. Раздаются жалобы на то, что русские удерживают меха и отказываются покупать главный предмет ганзейского привоза—сукно, или на то, что ганзейцы в Брюгге обменивают привезенные ими из Руси воск и меха на сукно, которое они затем обратно везут в Новгород. Пятая скра, запрещая торговлю в кредит, настаивает на том, чтобы сукно по обыкновению обменивалось немедленно на воск, меха и иные товары. Такой непосредственный обмен товара на товар, без участия денег являлся в русско-ганзейской торговле—как мы видели—обычным, в особенности обмен сукна на меха, и встречаются записи, в которых указано, в какой пропорции был совершен обмен этих товаров.

Вывоз из Новгорода сводился почти всецело к воску и мехам, последние распространялись по всей Европе. Под экспортируемыми из Руси товарами ганзейцы разумеют именно эти два предмета, договоры 1342 и 1376 г.г. посвящены им, а в списке товаров, привозимых из различных стран в Брюгге конца XIII ст. сказано: „dou royaume de Rossie vient cire vairs et gris". Не только по сравнению с ними, отступают на задний план все прочие предметы новгородского экспорта, но они вообще, повидимому, не играют никакой роли. Можно назвать разве еще жир и сало, о которых, впрочем, в скра ничего не упоминается, но вывоз которых был запрещен немцам в 1489 г. Иваном III; только русским дозволено вывозить их в ливонские города.

Мехам и воску на стороне ганзейцев соответствует сукно. Идет ли речь о запрещении купли-продажи в кредит или о недопустимости комиссионной торговли за счет не-ганзейцев, всегда дело касается именно сукна, наряду с которым упоминаются лишь «другие», специально не указываемые, товары. Когда сбыт в плохом состоянии, то немцы жалуются, что «русские не хотят сукна», «сукно не идет». Один купец, впрочем, указывая на то, что русские не покупают сукна, подчеркивает

необходимость его для них, прибавляя. «но я не думаю, чтобы они намерены были ходить голыми».

Обмен сукна на меха и воск устанавливал связь между Новгородом и Брюгге, ибо в качестве нормальных сортов сукна, вывозимых к русским, скра (четвертая) подразумевает фламандское, главным образом, ипское. Ипским сукном уплачивается тысяцкому при вступлении в Иванское купечество, оно же подносится великому князю немцами во время пребывания его в Новгороде (2-я и 3-я Новгор. лет. 1484 г.), а Иван III в свою очередь посылает его в качестве дара татарскому хану. Однако под ипскими материями, среди которых наибольшим спросом пользовались багряные, разумелись, повидимому, как изготовленные вообще во фламандских городах, так и изделия голландских и прирейнских местностей (Лейдена, Ахена, Кельна), которые нередко сбывались под названием фламандских. Наряду с ними упоминаются в скра (четвертой) и англ ийские— с пол. XIV стол., когда появляется английская шерстяная промышленность, работающая и для широкого рынка. Однако, в виду того, что ипское сукно ценилось выше английского, и последнему старались придавать внешний вид первого, подделывая окраску, складывая на тот же манер, даже накладывая фламандские печати. Новгородцы жалуются, что они купили много англииского сукна под видом ипского, а ганзейцы преследуют своих купцов за такого рода обманы, иногда даже вовсе запрещают сбыт английского сукна в Новгороде.

Однако импорт отличался гораздо большим разнообразием, чем экспорт. Наряду с сукном фигурирует и ряд других товаров. Так с'езд ливонских городов 1411 г. сообщает прусским городам о том, что купленные в Брюгге в кредит товары не будут допускаться более к привозу, причем в качестве отправляемых русским товаров перечисляет соль, сукно, вино и всякого рода фрукты. А в 1433 г. на изданное Псковом запрещение вывоза хлеба в области Ливонского ордена, постигнутые неурожаем, последний отвечает недозволением вывоза соли, пряностей и сукна. В другом случае немцы жалуются на то, что (в 1461 г.) русские на Неве отправились на ганзеиские суда для покупки пива и, не получив его, убили одного немца, или что они украли якорь с судна и согласились вернуть его лишь за уплату пивом или солью.

Как мы видим, здесь упоминается ряд привозных товаров— кроме сукна, вино и пиво, восточные пряности, в особенности же каждый раз соль — последняя доставлялась ганзейцами в Новгород, как и в другие страны, из Франции (Baie de Bourgneuf), хотя под видом последней («Baiensalz»), аналогично ипскому сукну, импортировалась соль и из других местностей. Привоз ее был необходим для Руси: «не пусти князь гости к ним (псковичам) и купляху соль по 7 гривен бер-

ковьск» (Перв. Новг. лет. 1232 г.). Вино и пряности подносились и в качестве подарков новгородским властям и московскому великому князю (пятая скра). Дарами являлись и сельди, доставляемые, главным образом, из Сконии (на Скандинавском полуострове), важнейшего европейского центра ловли сельдей в то время. В импорте их в Новгород конкурировали, однако, с ганзейцами голландцы, останавливавшиеся на дворах новгородцев. Кроме этих важных предметов импорта встречаем еще другие, имевшие, однако, лишь второстепенное значение и упоминаемые, главным образом, в четвертой скра в связи с запрещением торговли ими в розницу. Таковы нитки и пряжа, булавки, перчатки, сера, четки, пергамент. Привозился также холст, металлы и металлические изделия, а также хлеб (Первая Новг. лет. 1231 г.). Подобно русским князьям, и немцы и Ливонский орден вели борьбу с Новгородом, запрещая привоз столь необходимого ему хлеба, но отдельные купцы нередко нарушали эти запрещения и все-таки доставляли его новгородцам, нередко кружным путем чрез Выборг.

О важнейших предметах ганзейского импорта и экспорта источники упоминают наиболее часто в связи с постоянными жалобами на обманы, производимые с той и с другой стороны. Товары фальсифицируются, доставляются с примесью всякого рода иных составных частей, одни сорта выдаются за другие, вес их не соответствует обозначенному на них и т. д. Так, новгородцы смешивают высокие сорта мехов с мехами низкого качества, вытягивают из мехов волосы, натирают меха свинцом, отрезывают морды и лапки. Однако, немцы не только ведут борьбу с такого рода операциями, производимыми русскими, но и запрещают своим купцам покупать фальсифицированный товар. Мало того, они вынуждены принимать меры и против ганзейцев, которые также повинны в фальсификации, в том, что они плохому товару придают искусственным путем вид лучших сортов, угрожая им штрафами и сожжением таких мехов. Точно также постановления ганзейской конторы направлены как против новгородцев, так и против немцев, фальсифицирующих воск, подмешивая к нему жир, масло, желуди, горох, даже какой-то состав из золы, дегтя и смолы; наконец попадались в воске и камни. Скра (четвертая) требует, чтобы воск закупался «только совершенно чистый, как его бог дает, со своим собственным осадком» (при топлении). Новгородцы в свою очередь жаловались на плохую окраску сукна, на то, что куски слишком коротки, на сшивание разрезанных штук сукна, которые, однако, пломбированы, следовательно, выдаются за хороший товар. Скра пытаются вести борьбу и с этими действиями своих же купцов, требуя (уже первая скра) предварительного осмотра привезенного товара на немецком подворье.

С жалобами на неправильную длину сукна постоянно соединены указания на неверный вес мешков соли, на меньший, против установленного, размер бочек сельдей и вина, как и на фальсификацию последнего. Однако, по поводу соли ганзейцы наивно отвечали, что соль

получается из воды и снова превращается в воду, и при перевозке она неминуемо терет в весе, а относительно южных вин они заявляли, что они не растут в Германии, и бочки для них также не выделываются в немецких городах.

Но этим они не ограничивались, а требуя для себя всевозможных гарантий в отношении качества товара при вывозе мехов и воска, они в то же время отказывались выполнять однородные требования новгородцев, коль скоро они касались привозимых немцами товаров. Это продолжалось вплоть до московского владычества [1]). Так, при покупке воска немцы брали пробы для выяснения его качества, причем нередко это делалось несколькими купцами, продавцу же пробы не возвращались, что наносило ему нередко значительный ущерб. Только Иван III упразднил этот обычай, заявив, что ганзейцы пользуются взятым на пробу воском для освещения своей церкви, но они могут употреблять собственный воск, а не принадлежащий русским купцам. Равным образом немцы признавали покупку мехов состоявшейся лишь после осмотра доставленного в ганзейское подворье товара, как этого требует четвертая скра, тогда как ливонские города (в 1440 г.) протестовали против такого же досмотра сбываемых ими в Брюгге мехов после покупки их, как меры недопустимой. Мало того, ганзейцы требовали от русских еще известной придачи мехов (upgift) в качестве своего рода страховой премии, на случай обмана (четвертая скра). Немцы жаловались на то, что в Пскове эти обычаи не соблюдаются, между тем предварительный осмотр мехов составляет главную привилегию ганзейцев в торговле с русскими; с'езд лифляндских городов в Дерпте 1402 г. поэтому настаивал на выполнении правил об осмотре их и в Пскове. И эти обычаи действовали вплоть до конца XV ст. и были упразднены лишь Иваном III, запретившим придачу мехов и установившим, что осмотр сукна должен производиться не в немецком подворье, а при самой продаже его на дворах русских купцов.

Но до этого времени на требование новгородцев применить в отношении привозимого сукна ту же меру, какая практиковалась при покупке мехов, ганзейцы отвечали решительным отказом. Сукно подвергалось осмотру в их подворье, но ни в коем случае, согласно четвертой скра, не могло осматриваться по доставке его на дом русскому купцу. Напрасно новгородцы настаивали на измерении сукна и на получении прибавки, как это имело место при продаже мехов и воска вплоть до конца XV ст., ссылаясь на то, что сукно вместо 50 локтей содержит всего 46 и даже только 42. Все было безуспешно: с'езд городов в Любеке (1402 г.) решительно восставал против этого. Точно также ганзейцы вели отчаянную борьбу против неоднократно пред'являемого новгородцами требования совершать куплю-продажу соли на вес, а не мешками. С'езды городов в сущности признавали справедливость жалоб новгородцев, требуя от ливонцев, чтобы они доставляли

---

[1]) См. постановления Ивана III и представления ему ганзейцев 1488 и 1494 г.г. Hanserecesse. Abt. III. B. II. №№ 258 59. 265—67. B. III № 330. 433. Hans. Urk.-Buch XI. №№ 276 - 77. 733. 799.

русским лишь правильный товар, и постановляя о том, чтобы об этом было доведено до сведения тех местностей, где выделываются мешки для соли и бочки для вина и меда. Но в то же время они настаивали на том, чтобы мешки соли, согласно старинному обычаю, принимались без взвешивания. Дело дошло до того, что новгородцы задержали немцев, запретив им от'езд, и обязались между собой, под угрозой высокого штрафа, не покупать соли и меда иначе, как на вес, на что немецкая контора ответила запрещением продавать ее на вес, угрожая таким же наказанием. В дополнение к этому немцы запретили вывоз соли в Новгород, в которой последний весьма нуждался, но отдельные ганзейцы, в особенности из прусских городов, продолжали доставлять соль через Псков, обходя постановление с'езда. Это усиливало положение новгородцев, которые на заявления немцев отвечали, что у себя дома они господа, а не ганзейцы, которые достаточно их обкрадывали, покупая в Ревеле 15 мешков соли на ласт, а продавая всего 12. И все же сила ганзейцев была столь велика, что все оставалось попрежнему и только московское владычество способно было изменить положение дела. Иван III заявил ганзейцам, что они могут продавать свою соль кому угодно, и он в этом отношении никакого новшества не вводит, но только новгородцам он приказывает покупать соль по весу, ибо мешки соли весят всего ¾ и даже ²/₃ положенного веса [1]).

Сбываемые Новгородом продукты отчасти получались из других княжеств, в особенности столь важный для вывоза заграницу воск. Это можно заключить из уставной грамоты кн. Всеволода Мстиславича церкви св. Иоанна Предтечи на Опоках (в Новгороде), в которой устанавливается пошлина «от берковьска вощаного» у гостя Низовского, Полоцкого, Смоленского и Новоторжанина [2]). В договоре Новгорода с ганзейцами 1342 г. по поводу продажи немцам чистого, не фальсифицированного воска упоминается о низовских купцах и о карелах; в случае доставки ими плохого воска, он подлежит отнятию и уничтожению [3]). В этих случаях Новгород выступал в качестве посредника между ганзейцами и русскими областями. Однако, едва ли правильно было-бы утверждать, что он был только посредником между своими соседями и приезжими купцами, или точнее, это можно говорить только в том случае, если исходить из предположения, что те северные области, куда направлялась новгородская колонизация, являются не окраинами Новгорода, а чуждыми ему территориями. В противном же случае придется признать, что Новгород именно из этих своих земель, правда, не из своих пятин, а из заселенных и занятых им областей получал важнейшие предметы своей торговли, именно, прежде всего, столь важные

---

[1]) См. Бережков, ук. соч. Никитский, стр. 283 сл. Buck. Goetz. Handelsverträge. §§ 12 16. 18. 23. Его же. Handelsgesch. p. 248 сл. 278 сл.

[2]) Д. А. И. I. № 3.

[3]) IV Скра. 97. Goetz. § 12.

для нее меха. Говоря о Югре, летописец (Перв. Новг.) под 1193 г. сообщает о том, что там имеется в изобилии «сребро и соболи и иная узорочья», а другой летописец (Ипатовск. 1114 г.) передает рассказы о чудесах, виденных людьми, которые бывали в этих странах, и свидетельствующих об их баснословном богатстве: «мужи старии ходили за Югру и за Самоядь, яко видивше сами на полунощных странах, спаде туча и в той туче спаде веверица (белка) млада, акы то первороженa, и возрастоши и расходится по земли, и пакы бывает другая туча и спадают оленци мали в ней и возрастають и расходятся по земли». Очевидно, эти-то новгородские «земли» по Северной Двине, по берегам Белого моря, на далекой Печере и в Приуральской Югре, где с неба падали новорожденные белки и олени, и снабжали обильно Новгород мехами всякого рода. Совершался и мирный обмен, но чаще, повидимому, новгородские ушкуйники—как видно из летописи—производили набеги с целью грабежа. Туда направляли свои стопы и «именитые» новгородские люди—посадники, бояре и прочая знать. В половине XV в. многие имели там уже свои отчины, некоторые даже отчины и дедины, так что там сидело уже третье поколение новгородских заимщиков. Одни просто захватывали земли у местного населения, другие заселяли дикие, еще никем не занятые пространства. Бояре посылали туда своих холопов и крестьян, и они везде, где можно было устроить становище, занимали место на имя своего боярина и устраивали промыслы, ловили рыбу, били морского зверя, устанавливали ловчие станы, соляные варницы. Сильные люди, захватив для себя десятки мест в той или другой области Поморья, закрепляли за собой всю эту область. Так знаменитые Борецкие заняли обширные пространства по одним только рекам Суме и Выгу, Марфе-посаднице принадлежало 19 деревень[1]). За занятые земли платили Новгороду, но, повидимому, прошевые суммы: в одном случае, напр., «полчетверта рубля» за участки на длинном пространстве Поморского берега, далеко уходившие в Карельский берег. В XIV ст. новгородская знать приобретает земли и промыслы и в соседней с Двинской Важской области. В 1314—22 г.г. «старосты», приехав «от своей братии», заключили в Новгороде перед князем Афанасием мировую с Василием Матвеевичем о землях Шенкурского погоста, в силу которой все земли погоста за 20 тыс. бел переходили к Василию и его потомству, известным под именем Своеземцевых. Список новгородских земель на Ваге, отошедших к Москве в 1478 г., упоминает в качестве владельцев кроме них также Василия Селезнева, Григория Тучина,

---

[1]) См Ключевский. Хозяйств. деятельн. Соловецк. мон. в Беломорск. крае. Опыты и исследов.

владыку новгородского Иону и других видных представителей новгородской знати [1]).

Отсюда то и исходили те богатства, которые наживали новгородцы в торговле с немцами. Произведения купленных почти даром или по-просту занятых боярами и духовенством земель Поморья питали эту торговлю, создавая сильную заинтересованность новгородской знати в торговле с иностранными купцами.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Торговля с Ганзой.

(Продолжение).

Торговля Руси с немцами в период XIII—XV ст. не ограничивается одними сношениями Ганзы с Новгородом и Псковом. Немцы торговали и с другими областями—и не только проезжая из Новгорода дальше вглубь Руси, но и непосредственно отправляясь по Западной Двине в различные северо-западные области и устраивая там торговые фактории. Особенно существенными являлись их торговые сношения с Смоленском, Полоцком и Витебском. Подобно торговле их с Новгородом и Псковом, и товарообмен с северо-западными областями может быть выяснен на основании тех соглашений, которые совершались между немцами и соответствующими русскими княжествами и городами. В договорах с Новгородом и Псковом в качестве представителей немцев, как мы видели, выступает Готланд, затем немецкая Ганза с Любеком во главе, а еще позже ливонские города Дерпт, Ревель и Рига (хотя Любек не исчезает). Напротив, в договорах с северо-западными областями с самого начала выдвигаются на первый план ливонские города, а один из них, именно Рига, вследствие своего особенно выгодного географического положения, приобретает господствующее значение в торговле и в регулировании ее, постепенно отстраняя все прочие. Судя по происходившим при этом переговорам, вся власть находилась в руках Риги, Ганза же совершенно не вмешивалась в эти дела, повидимому, по той причине, что и самое участие ее в торговле здесь все более сокращалось. Дело дошло до того, что в 1478 г. Рига прямо заявила Девентеру и другим приморским городам, что никто не может торговать с русскими в Полоцке, кроме Риги и ее округа.

---

[1]) Тихонов и Андреев. Новгородская колонизация Севера. (Очерки по истории колониз. Севера. I. 1922). Стр. 27 сл., 34 сл.

Из русских областей в договорах участвуют Смоленск, Полоцк и Витебск, причем в одних случаях договоры распространяются в равной мере на все три области, в других же Смоленск заключает их отдельно от Витебска и Полоцка, которые оказываются под властью Литвы, вступающей самостоятельно в соглашения с Ригой.

Однако, основной и наиболее важный договор 1229 года, которым «докончал» князь Смоленский Александр «с немци», «как то докончали отци наши, деди наши», распространяется, как видно из заключения его, и на Витебск и Полоцк: «тая Правда латинескомоу взяти оу Роускои земли оу волости князя Смольнеского и оу Полотьского князя волости и оу Витебьского князя волости». В нем установлены в сущности все основные положения, которыми должен регулироваться товарообмен между немцами и северо-западными областями России.

Последующие договоры и дополнительные соглашения, вызванные—как и в Новгородской торговле—столкновениями между обоими сторонами, дают еще меньше нового, чем это можно наблюдать в новгородских соглашениях, обычно повторяя лишь каждый раз, что путь должен быть «чист», «без рубежа» и гости должны пользоваться защитой «как братья». Исключения в этом отношении не составляет даже подробный договор ок. 1250—60 г.г., который хотя и содержит множество постановлений, но, если не считать незначительных отклонений, является лишь копией договора 1229 г. Значительно изменяются условия лишь в договоре 1406 г. и дополнении к нему 1498 г., обозначающим новую страницу в истории торговли между ливонскими городами и северо-западными русскими областями, точнее между Ригой и Полоцком. Наша задача, таким образом, сводится к рассмотрению договора 1229 года, с указанием тех немногих частичных отклонений от него, которые впоследствии имели место, а затем к анализу соглашений 1406 и 1498 г г. При этом, как и следовало ожидать, в договоре 1229 г. мы находим много таких постановлений, которые являются выражением принципов, однородных с высказанными в соглашениях между Новгородом и Ганзой в ту же эпоху. Но есть, конечно, и отклонения; они представляют наибольший интерес.

Существенное значение имеют, прежде всего, те постановления в области кредита, которые предоставляют иностранному кредитору особые преимущества. Мы находим здесь правило, которое уже встречали, что при наличности нескольких кредиторов первым удовлетворяется гость, который дал товар в долг русскому (ст. 10—«аже латинин наств роусиноу товар свои оу долго оу Смольнске, заплатити немчиноу пьрвие, хотя бы иномоу комоу виноват был русиноу»). Но к нему присоединяются и новые постановления. Так, и в случае конфискации имущества («поток») должника князем (и обращения его в холопы) предварительно уплачивается из его имущества долг немецкому купцу (ст. 11—«аже

разгневаиться князе на своего члвка, а будете виноват немчищю роусин, а отимьть князе все, женоу и дети оу холопство, первоие платити емоу латинину, а потом князю как любо с своимь члвкмь»). Равным образом, в случае смерти должника, наследник должен прежде всего удовлетворить иностранного кредитора (ст. 12—«аже латинин дасть княжю холопоу в заимь или комоу доброму члвкоу, а оумрете не заплатив, а кто иемльть иего остатьк, томоу платити немчиноу»).

Подобно Новгороду, и в Смоленске мы находим немецкую факторию, гостиный двор и ольдермана, как и церковь: в договоре 1229 г. упоминается о весах, находящихся в «немецьскои божници», ст. 41 о весах, которые хранятся «оу латеньскои црквн», в заключительной статье (редакции Д. и Е.) читаем о домах и дворах, купленных немцами в Смоленске, и о месте, где находится их церковь, в ст. 29 говорится о третейском разбирательстве ольдермана: «роусиноу не ставити на латинеского детьского, не явившие старость латинескомоу; аже не слоушаиеть старосты, тоть можеть на него детского приставити» Русский обязан предварительно обратиться со своей жалобой на немца к немецкому ольдерману, и только в том случае, если немец не подчинится решению последнего, он может обратиться к смоленскому суду. В этом постановлении не только выражена наличность организованной немецкой фактории, но и существенное право, признанное за ней. Ганзейцы добивались его— как мы видели выше—и в Новгороде, но, повидимому, тщетно, тогда как, напр., в Линне, согласно английской привилегии 1310 г., в случае столкновения между ганзейцем и англичанином, ольдерман немецкий назначал двух немецких купцов, которые совместно с двумя, избранными мэром города, жителями должны были стараться по возможности примирить стороны [1]).

Не менее важное право в этом направлении предоставлено немецкой купеческой общине и по ст. 16: «аже латинескии гость бииеться мьжю собою оу роуской земли любо мьчемь, а любо деревомь, князю то не надобе, мьжю собою соудити». Большинство авторов (Владимирский-Буданов, Филиппов, Напиерский, Бережков) толкуют эту статью в смысле поединка, происходящего мечом или копьем между немцами, в который смоленский князь не вмешивается, т.-е. не получает с него никаких пошлин [2]). Более правильно понимает это постановление Гетц, как предоставление немцам собственного суда в случаях столкновений между ними. Что речь идет здесь не о поединке, а о драке, о нанесении ран и увечий, можно усмотреть из соответствующей

---

[1]) Hans. Urkundenbuch. II. № 170. § 9.

[2]) Владимирский-Буданов Хрестоматия I Стр 119. Филиппов Истор. русск. права. 5 изд. I. 65. Напиерский. Акты. Приб. I. Стр. 428. Бережков, стр. 95.

статьи смоленского договора 1250 г., где то же правило повторяется, но в несколько измененном виде. «Оже имоуть ся бити Роусь в Ризе и на Готьскомь березе мечи или соуличами, или иная тяже оучинить ся межи самеми, не надобе то вльде, ни иному соудьи немьчьскомоу. ать оуправять ся сами по своему соудоу; такоже и немьчем Смольньске» (ст. 13). Из этой статьи, где к битью мечами или копьями присоединяется «иная тяжа», т.-е. иное столкновение, мы видим, что и в упомянутой выше статье договора 1229 г. речь идет о столкновении, где пускаются в ход мечи и копья [1]).

В латинской грамоте 1268 г. немцы и в Новгороде добивались права судить своих купцов в таких случаях, т.-е. при столкновениях, происходящих между ними, внутри фактории, собственным судом, не представляя их на суд новгородских властей, но едва ли там достигли этого, ибо и это предложение не вошло в договор 1269 г. Напротив, в Смоленске—как мы видим—они получили это существенное право, означавшее самоуправление, самостоятельность немецкой фактории, право, приобретенное ганзейцами и в других странах. В датской привилегии 1328 г. их право идет еще гораздо дальше, распространяясь даже на случаи столкновения между ганзейцами и местными жителями, на что они на Руси претендовать и не думали [2]).

И в договоре 1229 г. упоминается о транспорте привозимых немцами товаров через Волок, соединяющий Западную Двину с Днепром, для чего смоленский тиун обязан послать им людей без промедления («а не оудержати немоу»), иначе для них может получиться ущерб («аже оудержить, оу томь ся можете оучинити пагоуба»), если же погибнет порученный волочанам товар, то они все вместе (солидарно) отвечают за него (ст. 23—24). При этом мы узнаем, что тем же путем ездили и жители Смоленска, возвращавшиеся, очевидно, из Риги; на Волоке «мьтати жеребеи, кого нальрьд вести ко Смольньскоу» (ст. 42). Но это относится только к немцам и смольнянам, и тем и другим дается предпочтение перед иными купцами из русских земель («аже боудоуть людие из ыноие земль, тьх посль вести»—в рижском списке эти люди из иных земель названы иными русскими гостями). Очевидно, торговое движение на Смоленск было оживленное—он ведь лежал на «великом водном пути» из Новгорода в Киев.

Путь по Двине гарантируется свободный как епископом Рижским, так и магистром ливонского ордена («мастьр Божь дворян») и всеми князьями прилегающих к ней земель по всему ее течению, по воде и по берегам («от вьрхоу и до низоу

---

[1]) Götz, p. 255.
[2]) Hans. Urkundenbuch. II. № 474

в море, и по воде и по берегоу всемоу»—ст. 43). Береговое право, отмены которого ганзейцы повсюду добились, и здесь признается упраздненным (мы встречали отмену его уже в договоре Олега с греками 911 г.)—груз с потонувшего судна принадлежит владельцу, который может его вытаскивать из воды, а если ему нужно, то и нанимать для этой цели людей («оу кого ся избиниеть оучан, а любо челн... товар иего свобонь на воде и на березе без пакости всякому: товар иж то потопл, брати оу мьсто своиею дроужиною из воды на берего; аже надобе иемоу болше помочи, тоть наимоуи при послоусех»).

Несмотря, однако, на все гарантии свободного пути по Двине, путь этот был далеко не безопасен, ибо, с одной стороны, Полоцк задерживал купцов, едущих в Витебск и Смоленск, желая, чтобы они останавливались в его стенах и здесь продавали товары местным жителям («штапельное право»), а с другой стороны, ливонский орден препятствовал проходу судов, захватывал корабельщиков в Дюнамюнде (Усть-Двинске), литовцы совершали нападения на суда на Волоке, почему договор предусматривает немедленный транспорт товаров в этом месте, без задержки. Право репрессалий, само собою разумеется, и тут действовало, хотя постоянно и подчеркивались «ити истьцю к истьцю а рубежа не деяти». На самом деле, за вину одного отвечала вся община. Немец по имени Викболт—сообщают полочане—за вину одного русского ограбил других русских, держал их в оковах и заточении, мы ему оказали ту же честь, что и он нашим и вы за это не будете в претензии на нас: вы умные и ученые люди и понимаете сами, что нельзя безнаказанно нарушать приказания столь важного лица, как великий князь [1]).

Проездных пошлин ни немцы по дороге в Смоленск, ни смольняне, отправляющиеся в немецкие города, платить не должны. Таков общий принцип. Но осуществлялся ли он? Дальнейшие постановления заставляют усумниться в этом. Общее правило о свободе от этих сборов содержится в рассматриваемом договоре 1229 г. («всякому латинескому члвкоу свободен путе из гочкого берега до Смольнеска без мыта; тая правда иесть Роуси из Смольнеска до Гочкого берега»—ст. 34). Оно повторяется и в договоре Смоленска 1250 г. (ст. 16). Но в последнем сказано лишь, что от Смоленска до Риги «чистыи путь», «а не надобе им ни вощець ни мыто», и прибавлено: «а на Волоце, како есть пошло». Последнее, очевидно, обозначает, что на Волоке уплачивается известный сбор в обычном размере, а не только плата за транспорт товаров. В договоре 1229 г. (ст. 35) этому соответствует обязанность гостей уплатить тиуну на волоке рукавицы (готские руковицы перстатые—

[1]) Hildebrand. p. 368.

по другой редакции), «ажбы товар перевьзл без держания». Мало того, и по приезде в город купцы обязаны поднести княгине кусок сукна («дати им княгине постав частины»). Таким образом, существует как сбор при въезде в город, так и проездные пошлины на Волоке и приведенное выше общее положение, что последних не должно взиматься, не соответствует действительности. Тем более ошибочно иногда высказываемое мнение, будто немцы в Новгороде и в Смоленске были освобождены от всяких пошлин [1]).

Важны постановления о свободной покупке и продаже товаров (ст. 25 и 30) и о праве немцев ездить за пределы Смоленска, а русских за пределы Риги (ст. 26) и об обязанности немцев судиться в Смоленске, а русских в Риге и на Готланде (ст. 28). Последние две статьи имеют в виду торговлю немцев за пределами Смоленска; первая разрешает ее, вторая предполагает, но устанавливает, что русский не может «звати латинеского на иного князя соуд», кроме смоленского, разве что немец сам на это согласится. Впрочем, возможно, что здесь речь идет лишь о местностях, лежащих в пределах смоленского княжества. Напротив, ст. 26 трактует и о поездках за пределы Смоленской области: «аже латинескии оусхочеть иехати из Смольнеска своимь товаромь в иноу стороноу, про то него князю не держати ни иному никомоу же». Здесь гарантируется немцам свободный проезд в другие русские княжества. Напротив, ст. 20 договора 1250 г. их значительно ограничивает в этом отношении, ставя поездки в зависимость от разрешения смоленского князя: «а како боудеть немьчьскым гость Смоленске, а почьнеть ся кто от них просити выноую землю, то.. о нем ся прошати а мне с по доуме поуштати».

Одновременно ст. 26 договора 1229 г. разрешает и русским «иехати из Гочкого берега до Травны», т.-е. до Любека. В рижской долговой книге 1327 г. действительно встречается случай продажи воска с уплатой за него в Любеке [2]). Тем не менее можно сомневаться относительно значительности даже в это время активной торговли, производимой за пределами Руси жителями Смоленска, как и Полоцка и Витебска, на которых — как мы указывали выше — также распространяется договор 1229 г. Хотя весь упомянутый договор построен на принципе взаимности и в каждой статье за правом, предоставляемым «латинескоу» на Руси, следует то же право, устанавливаемое в пользу «роусина» в «Ризе и на Гочком березе», тем не менее из ряда рассмотренных нами статей договора можно усмотреть (как и из приведенных выше договоров Новгорода),

---

[1]) См. Riesenkampff. 74. 111. Goetz 107.
[2]) Hildebrand. Das Rigische Schuldbuch. 1872. № 1511.

что в действительности имеются в виду лишь немцы на Руси, но не русские в Риге или на Готланде.

Так, напр., наказания за убийство, нанесение увечья, раны, изнасилование, прелюбодеяние установлены в гривнах серебра, т.-е. в русской монете, иностранная же не указана вовсе. Но еще существенное то обстоятельство, что встречаются такие постановления, которые применимы лишь на Руси, но не в ливонских городах или на Готланде, как наказание за убийство холопа или за насилие над рабой, ибо в других странах их уже почти не встречалось, или как предварительное удовлетворение иностранного кредитора, в случае конфискации имущества должника князем и обращения его в холопы—и такого рода явления имели место лишь на Руси, но едва ли за границей. Равным образом, и статьи, трактующие о перевозке товаров на Волоке и об ответственности волочан (хотя по поводу этой ответственности ради полной взаимности говорится и о русских в Риге и на Готланде), как и о пошлинах, там взимаемых тиуном, не могут иметь отношения к торговле русских—при поездке в Ригу и на Готланд никакого волока не имелось за пределами Руси. Статья об уплате сбора в пользу княгини и другие две о хранении весов вообще касаются только Смоленска и даже соответствующей прибавки о Риге и Готланде здесь уже не имеется. Нет этой взаимности и в отношении сборов за взвешивание товаров—речь идет только о Смоленске, а по поводу взыскания долга подробно говорится о тиуне, о детском, об обязанности смольян платить, если они немцам помешают расправиться с русским должником. Лишь в заключении после подобного описания всего этого процесса прибавлена небольшая фраза: «тая правда оузяти роусиноу оу Ризе и на Гочкомь березе». но не указывается к кому и в каком порядке русский кредитор должен там обращаться.

Из этого можно вывести предположение, что на первом плане стояла торговля немцев в русских областях, тогда как торговая деятельность русских даже в ливонских городах и на Готланде имела меньше значения. По вопросу же о поездках смольнян и других западно-русских купцов за пределы Риги нам известно, что Рига впоследствии, по крайней мере, к концу XIV ст., ставила этому всяческие препятствия. Она не желала пропускать ни русских в Балтийское море, ни приезжавших из вендских или вестфальских городов немцев вверх по Двине в русские области. Вообще, если в договорах Смоленска с немцами 1229 и 1250 г г. упоминается наряду с Ригой о готском береге, то ни в мире, заключенном в 1338 г. литовским князем Гедимином, которому тогда принадлежали Полоцк и Витебск, с Ригой и магистром ливонского ордена, ни в соглашении с орденом и Ригой смоленского князя Ивана Александровича 1340 г. нет уже речи ни о Любеке, ни о Готланде—русские отправляются только в Ригу [1]).

---

[1]) Götz, p. 340.

Что касается другого, упомянутого выше, вопроса, о свободной торговле иностранцев, то хотя ему посвящены две статьи (одна о свободе продажи товаров, другая о свободе закупки), но ясности относительно об'ема предоставленных им прав все же не получается. «Аже латинескии придеть к городоу, свободно иемоу продавати, а противоу того не молвити никомуже» (ст. 25), «латинескомоу и есть волно оу Смольнеске которыи товар хочьть купити, без пакости» (ст. 30). Подобные же общие фразы «волное торгованье», «волно ехати торговати, купити и продати» мы находим неоднократно и впоследствии [1]).

Спорным является в особенности вопрос о том, предоставлено ли торговать гостю с гостем. На основании жалоб Риги витебскому князю Михаилу Константиновичу в конце XIII ст можно предполагать, что первоначально эта торговля была дозволена.

В этом заявлении Риги содержится протест и против неправильностей в области взимания весового сбора, установленного договором 1229 г. («аже ты, княже, лишнее имешь»), и против насилий над немецкими купцами, у которых «товар отял силою и неправдою», которых «вязали и мучили», и против того, что князь, как и его брат, купили у немцев товары, но не заплатили за них. Вместе с тем рижане протестуют против того, что князь, по совету людей, которых следовало бы наказать, а не слушать, лишил их возможности торговать с другими гостями, и когда один рижанин по имени Фредрик хотел продать соль другому гостю, то его заковали, а товар его князь велел разграбить. «Еси неправду деял—заявляют рижане—както ныне новую правду ставишь, както есме не чювали от отчов ни от дедов ни от прадедов наших. Аже ты велишь кликати сквозе торг. гость со гостем не торгуй. Княже, у томь еси неправду деял. Княже, ажо еси тако у своемь сердчи, тоть то еси неправою думою думал. Будут тебе. княже, лишние людье тую думу пододали, тоть не у честь тобе дали тую думу; то есть тобе, княже, достойно, аже бы тыи люди казнил, как то бышь иных людие боялися, кто лихую думу пододаваеть». Затем рассказывается вся история с Фредриком, который «шол с темь человеком соли весить» и которого княжеский детьский Плос повел, якобы, к князю, на самом же деле «порты с него снем за шию оковал и рукы и ногы и мучил его так, както буди Богу жяль». Князь же «детьские свое послав на его подворие и велел товар его розграбити». «И ныне мы ся тебе молим—заключают рижане—абы ты тыи товар отдал княже. И сам ведаешь ажо неправдою еси свое крестное чеховане забыл» [2]).

К концу XIV ст. рижане жалуются на то, что Полоцк им запрещает торговать с русскими, прибывающими из других областей, так что москвичи и другие русские купцы уезжают ни с чем. Но на это полочане, в свою очередь, отвечают, что в Риге их лишают возможности торговать с «замор-

[1]) Напр., Русско-ливонские акты. № XXVa и XXVб
[2]) Там же. № XLIX.

скими» немцами. Рига это отрицает. и эти немцы участвовали в заключении договоров и пользуются предоставленными в них свободами. Это обстоятельство находилось в связи с только что расмотренным вопросом о праве поездки купцов в другие местности. Рижане требовали предоставления им возможности ехать из Полоцка дальше в Витебск и Смоленск. Полоцк готов был допустить это под условием, что Рига в свою очередь даст им возможность ездить на Готланд и Любек, на что Рига не соглашалась [1]). Рига запрещала даже непосредственную торговлю русских с ганзейцами, приезжавшими из других мест.

После продолжительных споров относительно штапельного права [2]) дело кончилось тем, что в привилегии литовского князя Александра 1498 г. рижанам и иным гостям запрещено было под угрозой конфискации товаров ездить в Витебск или Смоленск; они могут отправляться туда лишь для взыскания долгов, но не для торговли [3]). Эти поездки вызывались тем, что купцы из Витебска и Смоленска продолжали посещать Ригу. За пределы Риги ни они, ни полочане, конечно, не ездили. Полоцк во всяком случае стал конечным пунктом немецкой торговли и центром товарообмена в северо-западном крае.

Но Полоцк этим не ограничивается—торговля гостя с гостем вообще должна быть прекращена, и не только за пределами Полоцка, в других местностях, куда немцы могли бы отправляться, но и в стенах самого Полоцка. И здесь товары должны итти через руки местных жителей, иначе мог бы получиться обход постановления, согласно которому нельзя ехать мимо Полоцка, минуя его жителей. Гости приезжали бы сюда, формально выполняя это требование, но в действительности нарушая его. Они торговали бы между собою в самом городе, так что в результате все таки устраняли бы горожан.

В своих предложениях 1405 г. Полоцк заявляет: «а торговати немецькому купцю в гостем Литовьское земли добровольно, а с новьгородци немецькому купьцю торговати, а промежи има ходити нашему полочанину: занеже нас новьгородци не пустят у немечькии двор торговати без своего новьгородца: а с Москвичи торговати вашим немьцем; также нашему полочанину межи ими ходити, торговати: занеже на нас москвичи тамыгу емлют» [4]). С литовцами немцы, следовательно, могут торговать непосредственно, с новгородцами же и москвичами только через посредство полочан Последние, по об'яснению

---

[1]) Русс.-лив ак. № CXXVII

[2]) Русско-ливонс. акты №№ CXXII. CXCIII. CXCVI. CXCVIII. Предложения сторон см. там же CLIII. CLIV. CLXI Окончат. договор там же № CLXIV. См. также №№ CLX, CLIV, CCLVIII, CCLXVI.

[3]) Ак. Южн. и Зап Руси I. № 159.

[4]) Русс.-лив. ак. № CLIV.

Никитского, являлись своего рода маклерами, без которых ни одна сделка гостя с гостем заключена быть не могла—«между ними»—по образному выражению памятника—«ходил полочанин» [1]). Маклеров на Руси в те времена не было, в противоположность Западу, где повсюду существовали маклерские корпорации и где, как напр., в Брюгге, обязательно было пользование их помощью.

Запрещая рижанам непосредственную торговлю с новгородцами и с москвичами, Полоцк ссылается на то, что новгородцы не дают им торговать на немецком дворе без посредства местных жителей, а москвичи с них, полочан, взимают тамгу. Выходит таким образом, как будто против торговли рижан с новгородцами и москвичами Полоцк в сущности ничего не имеет и готов был бы допустить ее, если бы тому не препятствовали действия противной стороны. Едва ли, однако, мы имеем основание принимать эти об'яснения за чистую монету и даже предполагать, как утверждает Мулюкин, что Полоцк запрещает непосредственную торговлю немцев с москвичами в качестве репрессалии против Москвы, которая взимала тамгу с жителей Полоцка [2]). Скорее это просто отговорка. Не говоря уже о том, что тамга вообще уплачивалась всеми иногородними (см. стр. 141 и т. II), а не одними полочанами (да и местными жителями, но только в пониженном размере), так что никакой несправедливости по отношению к Полоцку не было,—мы видели, что стремление устранить непосредственную торговлю гостей обнаруживалось уже давно и в северо-западных городах и находилось в данном случае в связи с настойчивым желанием Полоцка устроить у себя складочное место, вытекало из того основного положения, что все привозимое в Полоцк должно проходить через руки его жителей. Гетц и понимает постановление 1498 г. о недопустимости езды мимо Полоцка в смысле установления штапельного права в полном смысле слова, т.-е. с обязанностью прибегать к местным жителям и при продаже товаров в пределах города [3]) [4]). Во всяком случае в привилегии 1498 г. указано, что немцам запрещается закупать товары в месте производства, в лесах и деревнях [5]), т.-е. приобретать их у крестьян, которые также по понятиям того времени относились к числу чужих—лишнее подтверждение запрета торговли гостя с гостем.

Наконец, с обоих сторон обнаруживалось желание ограничить деятельность приезжих купцов оптовой торговлей, не до-

---

[1]) Никитский, стр. 150 сл.

[2]) Мулюкин. Юридич. положение иностр. купцов, стр. 4.

[3]) Goetz, p. 347.

[4]) И в Ковно запрещено (в 1493 г.) немцам торговать с гостями и с крестьянами (Hans. Urkundenbuch. XI № 689).

[5]) Акты к истор. южн. и зап. Руси № 159.

пуская розничной, обычное в те времена стеснение для гостей [1]).

Решением Витовта 1406 г. торговля в розницу гостям не дозволена ни в Риге, ни в Полоцке: «также полочаном у Ризе, а Рижяном у Полочку, никакое малое торговле не торговати, што розницею зовут, а то мы как у Полоцку, а рижяне у Ризе учинимъ и поставимъ, а любо, как можем межи себе уровнати [2]). Привилегией 1498 г. это положение окончательно закреплено: в Полоцке устанавливаются три двухнедельные ярмарки, в течение которых гостям только и дозволена розничная продажа. Это обычное исключение, делаемое в средние века. Ярмарочная торговля находилась в особом положении. В интересах ярмарки, оживления ее, посещения многочисленными торговцами, что давало и значительный доход государю в виде торговых сборов, устранялись обычные стеснения: гости пользовались правом убежища, никакие репрессалии не допускались, взыскание по долгам, возникшим до ярмарки, не могло иметь места, наконец, торговля разрешалась всем и каждому любыми товарами и в любом количестве.

Но вне ярмарок привилегия 1498 г. дозволяет рижанам в Полоцке торговать только оптом, под угрозой конфискации товаров. Продавать можно сукно только целыми штуками, соль мешками, мускатный цвет и мускатный орех, галгант, цытварный корень, гвоздику, шафран и иные ценные пряности—фунтами, топоры, ножи и т. п.—дюжинами, винные ягоды и изюм—корзинами, вино, пиво и другие привозные напитки—бочками, железо, свинец, медь, олово и латунь—центнерами. Точно также закупать дозволено товары только оптом: воск по 20 фунтов, меха собольи, куньи, енотовые по 40 штук белички, горностаевые, хорьковые, норки—по 250 штук, золу и деготь—целыми тоннами.

Вся торговля Ганзы с северо-западными областями свелась, таким образом, к товарообмену между Ригой и Полоцком. Закупая привозимые ганзейцами товары, рижане уже везли их самостоятельно в Полоцк,—но не далее; Полоцкое подворье находилось всецело под властью Риги. Полочане также могли отправляться только в Ригу, хотя они и обходили последнюю, совершая путешествия по суше в Данциг и Бреславль. Во всяком случае их активная деятельность в торговле с Ригой была, повидимому, значительна. Об этом свидетельствует книга записи долгов, совершенных в Риге в 1286—1352 г.г [3]). Уже во второй половине XIII в. имелась русская колония в Риге, состоявшая из скорняков, баньщиков, в особенности же торговцев, имевших даже постоянное пребывание в Риге и приобрев-

---

[1]) См. Русс.-лив. ак. №№ CLIII. CLIV. CLXI. Bunge. Die Stadt Riga im XIII und XIV Jahrh. 1878, p. 138 сл.

[2]) А. А. Э. I. № 16. Рус.-лив. акты № CLX. № 721. Goetz. Handelsvertr. § 58.

[3]) См. Hildebrand. Das rigische Schuldbuch. 1872.

ших в некоторых случаях права местных граждан. В Риге мы находим русскую часть города, русскую улицу, русских, владеющих домами. Центром же всей колонии и здесь была церковь св. Николая, которая и в этом случае служила товарным складом. В 1498 г. рижский магистрат заявил, что ни москвичам, ни новгородцам, ни псковичам он не позволит построить у себя церковь: это право принадлежит только жителям Полоцка, Витебска и Смоленска, для которых полоцкий владыка посылает, согласно старинному обычаю, своего попа [1]).

Как мы видели, договор 1229 г. упоминает о немецкой фактории в Смоленске, но об организации ее и жизни все же известно сравнительно мало, и постепенно она, повидимому, заглохла совершенно, уступив место Полоцку. В 1399 г. при переговорах с Витовтом рижане не в состоянии были даже доказать, что им принадлежит право на двор и церковь в Смоленске: очевидно, они уже давно прекратили свое существование.

Напротив, организация немецкой «конторы» в Полоцке нам известна, она во многом напоминает устройство новгородской фактории. Скра, составленная Ригою в 1393 г. для Полоцка (она именуется здесь Schragen), которая стала в дальнейшем основным законом для немецкой колонии в этом городе, построена всецело на основании постановлений, содержащихся в новгородских скра. И в Полоцке во главе фактории стоит ольдерман, избираемый из среды членов ее, созывающий общее собрание последних (der gemeine Steven) для разрешения всех вопросов о нарушении скра и всех жалоб немцев друг на друга, являющийся представителем конторы при всякого рода переговорах с русскими, поддерживающий, наконец, сношения с Ригой, в ведении которой находилась полоцкая фактория. И здесь ольдерман, выполнял эту функцию в течение неопределенного срока—до своего от'езда, причем с начала XV ст и тут, как в Новгороде, ему помогают «мудрейшие». К этому времени, подражая Новгороду, с его двумя ольдерманами (подворья и св. Петра), учреждают и в Полоцке две должности ольдерманов [2]).

Разница, однако, состояла в том, что, в отличие от Новгорода, в Полоцке не было подворья, в пределах которого находились бы дома и амбары немцев; подобно Брюгге, немцы жили здесь в различных домах, нанимаемых, повидимому, у местных жителей. Во время одного наложенного на ганзейцев ареста они жалуются на то, что сидят разобщенные и отрезанные друг от друга в различных домах, и если умирает кто-либо из них, другие об этом ничего даже не знают [3]). Цен-

---

[1]) См. Goetz. Handelsgesch. 510 сл.
[2]) Рус.-лив. акты. № CXVII. Hildebrand. Balt. Monatsschr. p. 347 сл.
[3]) Hildebrand. p. 346.

тральным пунктом фактории, впрочем, являлась и здесь церковь, которая—как это было и в Новгороде—служила кладовой и амбаром. В церкви помещался купленный воск [1]). Вполне естественно, что и полоцкая скра (1393 г.) запрещает учреждение смешанных товариществ, состоящих из русских и немцев, как и комиссионные операции по поручению русских купцов, не дозволяет—по требованию Ганзы—и брать и давать товары в кредит [2]). Насколько выполнялись первые два запрещения нам неизвестно, относительно же третьего мы знаем, что оно не играло никакой роли. Как мы видели выше, договор 1229 г (ст 10, 11, 12), как и договор 1250 г (ст 7, 8) исходят из кредитования немцами русских и наоборот, и устанавливают на этот случай преимущество иностранного кредитора перед туземными Точно также из изданной Гильдебрандом рижской книги долговых записей можно усмотреть, что кредитные операции, производимые русскими в Риге, составляли обычное явление—товары русским купцам продавались в кредит в широких размерах, уплата за них производилась в рассрочку или по обратном приезде русских в Ригу [3]) Но точно также рижские купцы, находившиеся в Полоцке, неоднократно заявляли Риге, когда она требовала, чтобы они немедленно уехали оттуда, что они не в состоянии этого сделать, ибо им нужно получить платежи по долгам; «наши должники еще не вернулись и они нарочно не приезжают, чтобы мы уехали, и товары остались у них» [4]). Скра 1393 года еще никакого запрещения не содержит, когда же оно впоследствии было установлено, то произошел столь неприятный инцидент, что от этого требования пришлось вскоре отказаться Именно, когда великий князь Витовт пожелал приобрести в 1400 г. сукно с уплатой в Вильне спустя 2—3 недели, то ему было отказано в этом, ссылаясь на то, что немцам запрещено кредитовать русских и литовцев. Витовт был глубоко возмущен таким недоверием к нему и заявил, что и он, с своей стороны, будет подобным же образом поступать по отношению к немцам и запретит им ездить мимо Полоцка. Риге пришлось извиниться и свалить всю вину на факторию в Полоцке, оправдываясь тем, что, якобы, отказ Витовту имел место помимо всякого желания Риги [5]). С тех пор дальнейших попыток бороться с кредитованием русских, повидимому, более не производилось, и постоянно упоминается о доставке товаров (взамен полученных) в известный срок, о продолжительности рассрочек, даже о денежных ссудах [6])

---

[1]) Рус.-лив акты. № CXCVIII
[2]) Там-же № CXVII. Hildebrand. p. 353.
[3]) Hildebrand. Das rigische Schuldbuch p. XLII сл
[4]) Русск.-лив акты № CLXXXXVIII. Акты южн и зап России I. № 159
[5]) Там же №№ CXXXV, CXXXVI
[6]) Goetz. Handelsgesch. p. 525 сл.

Среди товаров, вывозимых немцами из северо-западной области, на первом плане стоял воск, тогда как меха здесь, повидимому, уступали ему по своему значению. В списке товаров, захваченных в 1412 г. в Полоцке у рижан Витовтом, 8 раз упоминается воск, тогда как меха были забраны только у одного немецкого купца Скра 1393 г. упоминает о фальсификации воска, смешиваемого с салом и другими примесями; в 1498 г. рижанам удалось добиться права топить воск в Полоцке и накладывать на него свое клеймо. Правом же осмотра покупаемых мехов до принятия их, которое немцы осуществляли в Новгороде, они в Полоцке не пользовались. Домогательства этого рода вызывали лишь насмешки у русских, заявлявших, что они могут обойтись и без посредничества рижан, продавая свои меха в Данциге, Бреславле и Варшаве без такого осмотра. Вывозилась также смола, сало и зола—последняя как в Ковно, так и в Любек, Амстердам и Брюгге.

Предметом импорта и в этой торговле прежде всего являлось сукно, хотя о нем упоминается реже, чем в торговле с Новгородом. В различных списках арестованных или кредитованных товаров названо ипское зеленое и красное сукно, далее ткани из Сант-Омера, Поперинга, Ахена; английское сукно и здесь конкурирует с фламандским. Не меньшее значение, повидимому, имел, однако, привоз соли—лиссабонской и французской и в списке утраченных немцами товаров (1412 г.) соль упоминается 9 раз, сукно всего 2 раза. В 1448 г. среди захваченных товаров указано свыше 400 саней, нагруженных солью. Во время столкновения с Полоцком рижане (как это было и в сношениях с Новгородом) прежде всего прекращали подвоз соли. Упоминается также о сельдях (жалобы на их плохое качество), о вине, пряностях, металлах и изделиях из них, наконец, полочане просят немцев снабжать их хлебом [1]).

И в Полоцке постоянно раздаются жалобы на взаимные обманы, хотя с обоих сторон делаются попытки бороться с этим злом. Рижане устанавливают жестокие кары для своих купцов, Витовт—для полоцких. Согласно рижскому постановлению 1338 г. всякий немец, захваченный на Двине с «нечистым» товаром, должен быть отправлен для суда в Ригу, а Витовт в 1400 г. сообщал рижанам: «знайте, милые друзья, что всех, у кого оказались фальсифицированные товары, мы строго наказали и только из милости сохранили им жизнь. Но мы постановили, что в дальнейшем они без всякого снисхождения будут лишены и жизни и имущества» [2]). Те же обманы происходили и при взвешивании. В соглашении 1330 г. относительно

[1]) Hans. Urk.-Buch. V. №№ 1084. 1093. Hildebrand. Schuldbuch Введ. и 152. Balt. Mon. p. 361. Goetz. Handelsgesch p. 512 сл Handelsverträge § 58.
[2]) Рус.-лив. ак. № XXIV. Hildebrand. Mon. p. 357.

весовщика говорится «отступи прочь, а рукой не принимай» [1]). Немцы жаловались на то, что в гирях огромные дыры, так что можно туда воткнуть целый кулак. Русские то вкладывают туда кусок свинца, то вынимают его, в зависимости от того, что им выгоднее. В другом случае они прибавляют: «из-за неправильных весов наши убытки так велики, что мы готовы лучше целый год удерживать свои товары, не продавая их, чем допустить, чтобы подобным образом на наших же глазах нас обкрадывали». Но и после того, как старые весы были заменены новыми, столкновения не прекращались, ибо оказалось, что одни гири легче других: «когда русские что-либо продают, они стараются класть на весы более тяжелые гири, немцы же более легкие; из-за этого происходят вечные ссоры». Но и тогда, когда немцы вводят свои собственные весы, они отказываются предъявлять их русским для проверки, ибо в этом случае обнаружилась бы их неправильность [2]).

[illegible]

---

[1]) Русс.-лив. ак. № LXXIV.
[2]) Hildebrand. p. 358 сл.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие . . . . . 3— 4
Сокращения памятников, цитируемых в книге . . . . . 5— 8

Отдел первый. Древнейший период (до X века включ.) 9—41

Источники. Литература (общая для всех периодов и специальная для этой эпохи) . . . . . 9—10

Глава первая. Лесные промыслы и земледелие.— Первоначальный аграрный строй . . . . . 11—17

I. Охота и бортничество. — Различные взгляды относительно существования земледелия. Доказательства в пользу наличности его . . . . . 11—14

II. Общинное землевладение. Род Вервь; значение слова; различные взгляды. Ответственность верви по Русской Правде. Формы родового быта позднейшего времени 14—17

Глава вторая. Торговля с арабами и Византией 17—41

I. Торговля Руси с Востоком. Куфические монеты. Завоевания и торговля арабов. Сообщения арабских писателей X ст. о торговле арабов, о племени эртса (авта), о торговле русов с различными народами. Путешествия Русов; кто были русы? Родина Руси. — Древнейшие русские монеты, заимствованные у арабов . . . . . 17— 27

II. Торговля Руси с греками. Договоры X ст. Вопрос об их подлинности. Походы русских князей на Византию. Постановления о торговле в договоре 907 г. Договор 945 г. Договор 911 г. и береговое право. Ездили ли греки в Русь? Описание путешествий русов в Византию. Соединение торговли с разбоем; объекты торговли; значение торговли в хозяйстве того времени . . . . . 27—41

Отдел второй. Удельный период (XI—XV ст.) . . . 42—211

Источники 42
Литература . . . . . 43—44
Общий характер эпохи; различные взгляды . . . . . 44—46

Глава первая. Колонизация. — Лесные промыслы и рыболовство. Земледелие. Скотоводство. 46—58

I. Передвижение населения с юга на северо-восток. Взгляды относительно подвижности русского населения. Запустение южной Руси. Заселение Суздальского края. Причины возвышения Москвы . . . . . 46—49

Стр.

II Охота, бортничество и рыболовство. Данные об их распространении и значении, содержащиеся в летописи, в „Русской Правде", в жалованных грамотах.—Преобладание земледелия; сообщения летописи, былины и другие данные. — Слабое развитие скотоводства. Откуда получался скот? . . . . . 49—58

Глава вторая. Землевладение . . . . . 58—73

I. Черные волости. Переход крестьянских черных земель к боярам и монастырям . . . . . 58—61

II Княжеское, боярское и церковное землевладение XI—XII ст. Кто были огнищане? Различные взгляды. — Княжеское, боярское и монастырское землевладение XIII—XV ст. Различные способы приобретения земель. Концентрация земель и разбросанность крупных владений. Захват боярами и монастырями крестьянских земель. Споры и вражда к монастырям . . . . . 61—73

Глава третья. Рабочая сила в сельском хозяйстве — Феодализм . . . . . 73—111

I. Рабы и их роль в хозяйстве. — Закупы. Их положение по «Русской Правде». Спор по поводу их характера. Самозаклад. Аналогия с другими законодательствами. — Изгои. Различные толкования слова. — Смерды. Различное понимание термина. Положение смердов . . . . . 73—95

II. Феодальный строй. Оброки и повинности. — Иммунитеты. Привилегии духовных вотчин. Светские иммунитеты. Положение крестьян в иммунитетах и вне их. Эксплотация их труда вотчинниками. Стремление к удержанию их.— Закладничество. Споры по поводу него — Псковская судная грамота и задолженность крестьян. — Характер феодализма на Руси Сторонники и противники феодальной теории. . . . . 95—111

Глава четвертая. Промыслы . . . . . 111—127

I. Курганные раскопки. Производство для собственных потребностей и первоначальные формы ремесла. Свободные и не свободные мастера. Различные отрасли производства. Иностранные и собственные мастера. Кочевые промыслы . . . . . 111—124

II. Солеварские—княжеское и монастырское . . . . . 124—127

Глава пятая. Общий характер обмена . . . . . 127—147

I. Немая и рыночная торговля. Связь церкви с торговлей. Торговые операции князей. — Торговля Киева с Регенсбургом. — Торговля между различными областями. Роль монастырей. Ярмарки. — Денежное обращение. Скот. Меховые деньги. Металлические деньги. Денежные и весовые единицы . . . . . 127—142

Стр.

II. Спор по поводу роли торговли в эту эпоху. «Русская Правда» и капитализм . . . . . 142—147

Глава шестая. Торговля Руси с Ганзой . . . . . 147—197

I. Торговля Новгорода с немцами в XII—XIV ст. Гостиное право средневековья Начало торговых сношений. Договор конца XII ст. Договоры 1250 и 1269 гг. Насилия и репрессалии с обоих сторон; новые соглашения Гарантии купцам в случае войны Подворья Транспорт, весы, взыскание долгов. Торговля гостей между собой; розничная торговля немцев. Активная торговля новгородцев. Причины упадка торговли Новгорода с Ганзой . . . . . 147—175

II. Характер немецкой торговли в Новгороде по статутам немецкого двора. Что такое скра? Их содержание. Органы немецкого двора. Купеческая община. Роль священника и церкви. Регулирование торговой деятельности. Количество немецких купцов в Новгороде. — Объекты торговли; экспорт и импорт. Обманы в торговле и борьба с ними. Откуда добывались предметы вывоза? Новгородская колонизация . . . . . 175—197

Глава седьмая. Торговля Руси с Ганзой (продолжение). . . . . 197—211

Торговля Северо-Западной Руси с немцами. Характер торговых договоров Смоленска, Витебска и Полоцка с немцами. Договор 1229 г. Взыскание долгов, пошлины; торговые операции; торговля гостя с гостем. Договор 1406 г. и привилегия 1498 г. Штапельное право. Розничная торговля. — Организация немецкой фактории в Полоцке. Регулирование торговли. Предметы привоза и вывоза; обманы . . . . . 197—211

Рабочая книга по математике. Часть I. Составили Беркут, Гостев, Гофнер и Попперек. Книга написана по аккордной системе и применительно к Долтон плану. Материал отвечает курсу первого года рабфаков, курсу 5, 6 и 7 групп семилеток, 1 году нормальных военно-учебн. зав. 3-е изд. Книга допущена ГУСом . . . . . 1 р. 40 к.

Долтон-план и новейшие течения русской педагогической мысли. Под редакц. Б. В. Игнатьева (статьи А. Г. Бедова, Н. А. Горбунова, Б. Н. Жаворонкова, М. Закожурниковой и Б. В. Игнатьева) . . . . . 1 » 20 »

Обществоведение в школах 2-й ступени по Долтон-плану. Сборник статей под редакцией Б. Н. Жаворонкова . . . . . — » — »

На путях к педагогическому самообразованию. Под ред. проф. М. М. Рубинштейна (Опыт применения долтонского принципа) . . . . . 2 » 20 »

Б. М. Жаворонков и С. Н. Дзюбинский. Три года работы по обществоведению в трудовой школе (сборник) . . . . . — » — »

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА.

Н. А. Альмединген-Тумим. Дошкольные учреждения и внешний мир (Работа с семьей и населением) . . . . . — р. 60 к.

Бойд. Система Монтессори. Перев. под ред. проф. Н. Д. Виноградова . . — » — »

Н. Д. Виноградов. Педагогика. Основные проблемы и принципы . . . . . 1 » — »

У. Джемс. Беседы с учителями о психологии . . . . . — » 70 »

Киркпатрик. Основы педологии. 3-е изд., дополн. по нов. англ. изд Перев. под ред. проф. Н. Д. Виноградова . . . . . 2 » — »

Н. Н. Ланге. Психология. Основные проблемы и принципы . . . . . 2 » 50 »

Э. Мейман. Очерк экспериментальной педагогики. Часть I. . . . . 1 » 50 »

С. И. Пфейфер. Детский клуб, его цель, значение и организация. 2-е изд. . — » 70 »

Е. И. Тихеева. Организация детского сада и детского дома . . . . . — » 70 »

Н. В. Чехов. Типы русской школы в их историческом развитии . . . . . — » 70 »

Л. Чулицкая-Тихеева. Дошкольный возраст и его особенности . . . . . — » 50 »

Ст. Ф. Шацкий. Годы исканий. 2-е изд. . . . . 1 » 25 »

М. Штейнгауз. Классы лаборатории (The Dolton Plan). 3-е изд. . . . . — » 60 »

» Слово, образ и действие. Год занятий с 8-летками . . . . . — » 60 »

Экскурсия в культуру. Сборник под ред. проф. Гревса . . . . . — » — »

М. В. Муратов. Изучение местного края . . . . . — » — »

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ КНИГИ.

В. Больше. Происхождение человека . . . . . — р. 40 к.

Д. А. Гольдгаммер. Механические процессы. . . . . 3 » — »

Ф. А. Данилов. Техника в борьбе с разрушающими силами природы и вредными социальными факторами . . . . . — » 80 »

А. Н. Державин. Обработка волокнистых веществ на пряжу и ткани . . . — » 80 »

А. М. Донде. Техника на службе духовных интересов человечества . . . — » 80 »

Н. П. Лазарев. Физико-химическ. основы высшей нервной деятельности . . — » 35 »

П. П. Лазарев. Строение вещества . . . . . — » 40 »

В. В. Шарвин. Энергия, ее сохранение и вырождение . . . . . — » 30 »

» Химическая промышленность . . . . . — » 80 »

П. П. Юренев, Николай Морозов, П. С. Швецов и Д. М. Сокольцев. Победа над расстоянием . . . . . 2 » — »

Теория относительности Эйнштейна и ее философское истолкование. Статьи М. Шлика, В. А. Базарова, А. А. Богданова и П. С. Юшкевича . . 1 » 30 »

ИСТОРИЯ И ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ.

Проф. Р. Ю. Виппер. Новая История. Книга I. От 1500 г. 1879 г. . . . . 1 р. 40 к.

Книга II. От Великой французской революции до Версальского мира 1 » 60 »

В. А. Гурко-Кряжин. История революции в Турции . . . . . 1 » 40 »

Н. И. Грацианский. Крестьянские и рабочие движения в средние века . . . — » 80 »

Проф. И. М. Кулишер. История русского хозяйства. Т. I. . . . . — » — »

П. П. Маслов. Крестьянские движения в эпоху первой революции . . . . . 1 » 40 »

В. Д. Набоков. Временное Правительство (Воспоминание) . . . . . — » 80 »

Н. М. Никольский. Древний Израиль. 2-е доп. изд. . . . . 1 » 40 »

Г. В. Плеханов. От идеализма к материализму . . . . . — » 60 »

Р. Пуанкаре. Происхождение мировой войны. С приложением статьи М. Н. Покровского — «Кто такой Пуанкаре?» . . . . . 1 » 40 »

Проф. П. Н. Сакулин. Социологический метод в литературоведении . . . . — » — »

Проф. В. Святловский. История экон. идей в связи с историей экон. быта . 2 » — »

П. В. Слоссон. Чартистское движение и причины его упадка . . . . . 1 » 20 »

Тойнби. Промышленный переворот в Англии . . . . . 1 » — »

Н. Н. Фирсов. Народные движения в России до XIX в. . . . . 1 » —

Цена 1 руб. 70 коп.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Лекции по истории экономического быта Западной Европы. Изд. 6-ое, исправленное и дополненное. Т. I и II. 1922—23. (7-ое изд. готовится к печати).

Основные вопросы международной торговой политики. Изд. 2-ое. Ч. I и II 1924.

Очерк экономической истории древней Греции. 1925.

Обзор мирового хозяйства с 1914 до начала 1924 г. Изд. 2 ое, дополненное. 1924.

Очерки финансовой науки. Т. I. 1919. Т. II. 1920.

Промышленность и условия труда на Западе в XIX ст. 1923.

Промышленность и рабочий клас на Западе в XVI—XVIII ст. Изд. 2-ое 1922.

Германский экспорт и борьба с ним. 1915.

Коммунальное обложение в Германии в его историческом развитии. Опыт изучения основных течений в развитии городских финансов. 1914.

Спорные вопросы организации статистики внешней торговли. 1916.

Местное обложение в иностранных государствах. Ч. I. 1911. Ч. II. 1913.

Русское и иностранное законодательство о кооперативных товариществах. 1906.

Эволюция прибыли с капитала. Т. I. 1906. Т. II. 1908.

Хлебные пошлины и их влияние на народное хозяйство. 1904.

Очерки по истории таможенной политики. 1903.

История русского народного хозяйства. Т. II. (Печатается).